

Вестник БарГУ

Научно-практический журнал

Издаётся с марта 2013 года

№ 2 (16), декабрь, 2024

Серия «Исторические науки
и археология. Экономические
науки. Юридические науки»

Учредитель: учреждение образования
«Барановичский государственный университет».

Адрес редакции:
ул. Войкова, 21, 225404 г. Барановичи.
Телефон: +375 (163) 64 34 77.
E-mail: rig@barsu.by.

Подписные индексы: 00996 — для индивидуальных
подписчиков; 009962 — для организаций.
Свидетельство о регистрации средств массовой
информации № 1533 от 30.07.2012, выданное
Министерством информации Республики Беларусь.

В соответствии с приказом Высшей
аттестационной комиссии Республики Беларусь
от 21 января 2015 г. № 16 научно-практический
журнал «Вестник БарГУ» серия «Исторические
науки и археология. Экономические науки.
Юридические науки» включён в Перечень
научных изданий Республики Беларусь для
опубликования результатов диссертационных
исследований по историческим наукам
и археологии, экономическим наукам,
юридическим наукам.

Научно-практический журнал «Вестник БарГУ»
включен в РИНЦ (Российский индекс научного
цитирования), лицензионный договор
№ 06-01/2016.

Выходит на русском, белорусском языках.
Распространяется на территории
Республики Беларусь.

Технический редактор А. Ю. Сидоренко
Компьютерная вёрстка С. М. Глушак
Корректор Н. Н. Колодко

Подписано в печать 13.12.2024. Формат 60 × 84 1/8.
Бумага ксероксная. Печать цифровая. Гарнитура
Таймс. Усл. печ. л. 13,92. Уч.-изд. л. 9,75. Тираж 40
экз. Заказ . Цена свободная.

Полиграфическое исполнение: республиканское
унитарное предприятие «Информационно-
вычислительный центр Министерства финансов
Республики Беларусь». Специальное
разрешение (лицензия) на право осуществления
полиграфической деятельности № 02330/89
от 3 марта 2014 года. Адрес: ул. Кальварийская,
17, 220004 г. Минск.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Кочурко В. И. (гл. ред. журн.), доктор сельскохозяйственных наук, профессор, академик
Белорусской инженерной академии, академик Международной академии технического
образования, академик Международной академии наук педагогического образования,
заслуженный работник образования Республики Беларусь, профессор кафедры технического
обеспечения сельскохозяйственного производства и агрономии (учреждение образования
«Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь).

Климук В. В. (гл. ред. сер.), кандидат экономических наук, доцент, первый проректор
(учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи,
Республика Беларусь); **Прудникова А. Н.** (отв. секретарь сер.) (учреждение образования
«Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь).

Гребень Т. М. (ред. текстов на англ. яз.) (учреждение образования «Барановичский
государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь).

Ермакович Л. И. (отв. за направление «Исторические науки и археология»), кандидат
исторических наук, доцент (учреждение образования «Барановичский государственный
университет», Барановичи, Республика Беларусь); **Лизакова Р. А.** (отв. за направление
«Экономические науки»), кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования
«Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь);
Людвикевич О. Н. (отв. за направление «Юридические науки»), кандидат юридических
наук, доцент (учреждение образования «Барановичский государственный университет»,
Барановичи, Республика Беларусь).

Безуглая В. А., кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования
«Белорусский государственный экономический университет», Минск, Республика Беларусь);

Быков А. А., доктор экономических наук, профессор (учреждение образования
«Белорусский государственный экономический университет», Минск, Республика Беларусь);

Василевич Г. А., доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Национальной
академии наук Беларуси, заслуженный юрист Республики Беларусь (Белорусский
государственный университет, Минск, Республика Беларусь); **Вишневский А. Ф.**, доктор
исторических наук, профессор, заслуженный работник образования Республики Беларусь
(Минск, Республика Беларусь); **Гурский В. Л.**, доктор экономических наук, доцент
(Национальная академия наук Беларуси, Минск, Республика Беларусь);

Житкевич Г. Я., кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования
«Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь);

Захарченко Л. А., кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования
«Брестский государственный технический университет», Брест, Республика Беларусь);

Колядко И. Н., кандидат юридических наук, профессор (Белорусский государственный
университет, Минск, Республика Беларусь); **Колядко И. Н.**, кандидат юридических наук,
профессор (Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь);

Короб А. Н., кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования
«Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь);

Кручковский Т. Т., доктор исторических наук (учреждение образования «Гродненский
государственный университет имени Янки Купалы», Гродно, Республика Беларусь);

Куган С. Ф., кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования
«Белорусский государственный экономический университет», Минск, Республика
Беларусь); **Лабейко О. А.**, кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования
«Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь);

Литвинский А. В., кандидат исторических наук (учреждение образования «Барановичский
государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь); **Лосев В. В.**,

кандидат юридических наук, доцент (учреждение образования «Белорусский
государственный экономический университет», Минск, Республика Беларусь); **Лученок А. И.**,

доктор экономических наук, профессор (государственное научное учреждение «Институт
экономики Национальной академии наук Беларуси», Минск, Республика Беларусь);

Манкевич И. П., кандидат юридических наук, доцент (учреждение образования
«Белорусский государственный экономический университет», Минск, Республика

Беларусь); **Медведева Г. Б.**, кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования «Брестский государственный технический университет», Брест, Республика Беларусь); **Недашковская Н. С.**, кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь); **Нечухрин А. Н.**, доктор исторических наук, профессор (учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», Гродно, Республика Беларусь); **Омельянюк А. М.**, кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования «Брестский государственный технический университет», Брест, Республика Беларусь); **Познякевич В. Н.**, кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь); **Посохина Г. И.**, кандидат исторических наук, доцент (учреждение образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», Брест, Республика Беларусь); **Солодовников С. Ю.**, доктор экономических наук, профессор (Белорусский национальный технический университет, Минск, Республика Беларусь); **Таранова Т. С.**, доктор юридических наук, профессор (учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет», Минск, Республика Беларусь); **Функ Я. И.**, доктор юридических наук, профессор (Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь); **Халецкая Т. М.**, кандидат юридических наук, доцент (Институт управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Республика Беларусь); **Шабанов В. Б.**, доктор юридических наук, профессор (Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь); **Шарова К. И.** кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь); **Яковчик Н. С.**, доктор экономических наук, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, заслуженный работник сельского хозяйства Республики Беларусь (Институт повышения квалификации и переподготовки кадров агропромышленного комплекса учреждения образования «Белорусский государственный аграрный технический университет», Минск, Республика Беларусь).

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ СЕРИИ

Андреева О. В., кандидат экономических наук, доцент (Центр стратегических исследований социально-экономического развития Юга России Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), Ростов-на-Дону, Российская Федерация); **Астратова Г. В.**, доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», Екатеринбург, Российская Федерация); **Белянская О. В.**, кандидат юридических наук, доцент (Институт права и национальной безопасности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Держинского», Тамбов, Российская Федерация); **Закирова Э. Р.**, доктор экономических наук, профессор (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный экономический университет», Екатеринбург, Российская Федерация); **Кузнецова Ю. А.**, кандидат экономических наук (филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева» в г. Новокузнецке, Новокузнецк, Российская Федерация); **Парушина Н. В.**, доктор экономических наук, профессор (Среднерусский институт управления — филиал федерального государственного образовательного бюджетного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Москва, Российская Федерация); **Шалаев В. П.**, доктор философских наук, профессор (федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Поволжский государственный технологический университет», Йошкар-Ола, Республика Марий Эл, Российская Федерация); **Шаркова А. В.**, доктор экономических наук, профессор (федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва, Российская Федерация).

BarSU Herald

A scientific and practical journal

Published since March 2013

No. 2 (16), December, 2024

Series "Historical Sciences and
Archaeology. Economics. Law"

Promoter: Institution of Education
"Baranavichy State University".

Editorial address:
21 Voykova Str., 225404 Baranavichy.
Phone: +375 (163) 64 34 77.
E-mail: rig@barsu.by .

Subscription indices: 00996 — for individual subscribers;
009962 — for companies.
The certificate of the registration of mass media № 1533
of 30.07.2012 issued by the Ministry of Information
of Belarus.

In accordance with the order of the board of the Higher
Attestation Commission of the Republic of Belarus on
January 21, 2015 № 16 the scientific-and-practical journal
"BarSU Herald", the series "Historical Sciences and
Archaeology. Economics. Law" was included on the list of
the scientific publications of the Republic of Belarus for
publishing the results of dissertation research History of
science and archaeology, Economics, Laws.

Scientific-and-practical journal "BarSU Herald"
is included into RSCI (Russian Science Citation Index),
license agreement № 06-01/2016.

Issued in Russian, Belorussian. The journal is distributed
on the territory of the Republic of Belarus.

Technical editor A. Y. Sidorenko
Desktop Publishing S. M. Glushak
Proofreader: N. N. Kolodko

Signed print 13.12.2024. Format 60 × 84 1/8. Paper xerox.
Digital printing. Headset Times. Conv. pr. s. l. 13,92.
Acc.-pub. s. l. 9,75. Circulation of 40 copies.
Order . Free price.

Printing performance: Republican Unitary Enterprise
"Information and Computing Center of the Ministry of
Finance of the Republic of Belarus". Special permission
(license) for the right to carry out printing activities
No. 02330/89, March 3, 2014.
Address: 17 Kalvariyskaya, 220004 Minsk.

EDITORIAL BOARD

Kochurko V. I. (*editor-in-chief*), DSc in Agriculture, Professor, Academician of the Belarusian Academy of Engineering, Academician of the International Academy of Technical Education, academician of the International Academy of Pedagogical Education, Honored Worker of Education of the Republic of Belarus, Professor of Department of Technical Support of Agricultural Production Processes and Agronomic Sciences (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus).

Klimuk V. V. (*the series editor-in-chief*), PhD in Economics, Associate Professor, first vice-rector (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus); **Prudnikova A. N.** (*executive secretary of the series*) (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus).

Greben T. M. (*ed. of texts in English*) (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus).

Ermakovich L. I. (*responsible for the area "Historical Sciences and Archaeology"*), PhD in History, Associate Professor (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus); **Lizakova R. A.** (*responsible for the area "Economics"*), PhD in Economics, Associate Professor (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus); **Lyudvikevich V. N.**, (*responsible for the area "Law"*), PhD in Law, Associate Professor (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus).

Bezuglaya V. A., PhD in Economics, Associate Professor (Institution of Education "Belarus State Economic University", Minsk, the Republic of Belarus); **Bykov A. A.**, Doctor of Economic Sciences, Professor (Belarus State Economic University, Minsk, the Republic of Belarus);

Vasilevich G. A., Doctor of Legal Sciences, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Honored Lawyer of the Republic of Belarus (Belarusian State University, Minsk, the Republic of Belarus);

Vishnevskiy A. F., Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Worker of Education of the Republic of Belarus (Minsk, the Republic of Belarus); **Gurskiy V. L.**, Doctor of Economics, Associate Professor (State scientific institution "The Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus", Minsk, the Republic of Belarus); **Zhitkevich G. Ya.**,

PhD in Economics, Associate Professor (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus); **Zaharchenko L. A.**, PhD in Economics, Associate Professor (Educational institution "Brest State Technical University", Brest, the Republic of Belarus); **Kolyadko I. N.**, PhD in Law, Professor (Belarusian State University, Minsk, the Republic of Belarus); **Korob A. N.**, PhD in Economics, Associate Professor (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus);

Kruczkowski T. T., Doctor of Historical Sciences (Institution of Education "Yanka Kupala State University of Grodno", Grodno, the Republic of Belarus); **Kugan S. F.**, PhD in Economics, Associate Professor (Belarus State Economic University, Minsk, the Republic of Belarus); **Labeyko O. A.**, PhD in Economics, Associate Professor (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus); **Litvinskiy A. V.**, PhD in History (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus); **Losev V. V.**, PhD in Law, Associate Professor (Belarus State Economic University, Minsk, the Republic of Belarus); **Luchenok A. I.**, Doctor of Economic Sciences, Professor

(State scientific institution "The Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus", Minsk, the Republic of Belarus); **Mankevich I. P.**, PhD in Law, Associate Professor (Belarus State Economic University, Minsk, the Republic of Belarus); **Medvedeva G. B.**, PhD in Economics, Associate Professor (Educational Institution "Brest State Technical University", Brest, the Republic of Belarus); **Nedashkovskaya N.S.**, PhD in Economics, Associate Professor (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus); **Nechuhrin A. N.**, Doctor of Historical Sciences, Professor (Educational institution "Yanka Kupala State University of Grodno", Grodno, the Republic of Belarus); **Omelyanyuk A. M.**, PhD in Economics, Associate Professor

(Educational institution "Brest State Technical University", Brest, the Republic of Belarus); **Poznyakevich V. N.**, PhD in Economics, Associate Professor (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus); **Posohina G. I.**, PhD in History, Associate Professor (Educational institution "Brest State A. S. Pushkin University", Brest, the Republic of Belarus); **Solodovnikov S. Yu.**, Doctor of Economic Sciences, Professor (Educational institution "Belarusian National Technical University", Minsk, the Republic of Belarus); **Taranova T. S.**, Doctor of Legal Sciences, Professor (Belarus State Economic University, Minsk, the Republic of Belarus); **Funk Ya. I.**, Doctor of Legal Sciences, Professor (Belarusian State University, Minsk, the Republic of Belarus); **Khaletskaya T. M.**, PhD in Law, Associate Professor (The Institute of Managerial Personnel of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, Minsk, the Republic of Belarus); **Shabanov V. B.**, Doctor of Legal Sciences, Professor (Belarusian State University, Minsk, the Republic of Belarus); **Sharova K. I.**, PhD in Economics, Associate Professor (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus); **Yakovchik N. S.**, Doctor of Economic Sciences, Doctor of Agricultural Sciences, Professor, Honored Worker of Agriculture of the Republic of Belarus (Professional Development and Retraining Institute of Agribusiness Specialists of Educational institution "Belarusian State Agrarian Technical University", Minsk, the Republic of Belarus).

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD

Andreeva O. V., PhD in Economics, Associate Professor (the Center for Strategic Studies of Socio-Economic Development of the South of Russia of Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-don, the Russian Federation); **Astratova G. V.**, Doctor of Economic Sciences, PhD in Technical Sciences, Professor, Honored Worker of High Professional Education of the Russian Federation (Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, the Russian Federation); **Belyanskaya O. V.**, PhD in Law, Associate Professor (Institute of Law and National Security of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Derzhavin Tambov State University", Tambov, the Russian Federation); **Zakirova E. R.**, PhD in Economics, Associate Professor (Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ural State Economic University", Yekaterinburg, the Russian Federation); **Kuznetsova Yu. A.**, PhD in Economics (the Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University" in Novokuznetsk, Novokuznetsk, the Russian Federation); **Parushina N. V.**, Doctor of Economic Sciences, Professor (Central Russian Institute of Management (branch), Federal State Educational Budgetary Institution of Higher Education "Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration", Moscow, the Russian Federation); **Shalaev V. P.**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor (the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Volga State University of Technology", Yoshkar-Ola, the Mari El Republic, the Russian Federation); **Sharkova A. V.**, Doctor of Economic Sciences, Professor (the Federal State Educational Budgetary Institution of Higher Education "Financial University under the Government of the Russian Federation", Moscow, the Russian Federation).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

- Гаршкоў А. Д.** Радыёвугляродная храналогія культуры бrome на тэрыторыі Заходняй Еўропы
- Красінскі І. В.** Пострэвалюцыйная гістарыяграфія праблемы доказу шляхецтва ў Вялікім княстве Літоўскім
- Мохаммед Амир Абдул Джаббар Мохаммед, Кручковский Т. Т.** Зарождение исторического знания на Древнем Востоке: историографический аспект
- Мядзведзева В. У.** Навуковыя напрамкі беларускай археалогіі (XIX — першая трэць XX стагоддзя)
- Поддевалина Я. А.** Публикации начала XXI века по проблеме обеспечения качества электронного документооборота
- Пухцеева Л. С.** Эпітафіі як крыніца для вывучэння светапогляду шляхты беларускіх губерняў у перыяд «доўгага XIX стагоддзя»

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Карчевская Е. Н., Соловьёва Л. Л.** Методический инструментальный анализ музейной деятельности
- Климук В. В., Климук Е. В.** Инфраструктура поддержки молодежного инновационного предпринимательства в учреждениях высшего образования Республики Беларусь
- Лабейко О. А.** Генезис основных направлений реабилитации людей с инвалидностью
- Прудникова А. Н., Маковчик Д. В.** Развитие управленческого учета и анализа в целях обеспечения управления бизнес-процессами хлебопекарных организаций
- Унсович А. Н., Толкач А. Г.** Модель и практика функционирования центра трансфера технологий и центра поддержки предпринимательства в учреждении высшего образования

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Иосько Е. С.** Обжалование постановлений по делам об административных правонарушениях в административном процессе Республики Беларусь
- Козыревская Л. А.** Перспективы использования электронной формы при установлении трудовых отношений в Республике Беларусь
- Кузьменкова Т. Н.** Национальные стандарты в сфере прав человека как основа информационной безопасности личности
- Манкевич И. П.** Экспертиза в сфере цифрового развития: правовые и организационные аспекты

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

- 6 Harshkou A. D.** Radiocarbon chronology of the brome culture in Western Europe
- 13 Krasinski I. V.** Post-revolutionary historiography of the problem of proof of nobility in the Grand Duchy of Lithuania
- 20 Mohammed Amir Abdul Jabbar Mohammed, Kruczkowski T. T.** The emergence of historical knowledge in the Ancient East: historiographical aspect
- 27 Medvedeva V. U.** Scientific directions of Belarusian archaeology (XIX — first quarter of the XX century)
- 34 Poddevalina Y. A.** Publications of the beginning of the XXI century on the problem of ensuring the quality of electronic document management
- 39 Pukhtseyeva L. S.** Epitaphs as a source for studying the worldview of the gentry of the Belarusian provinces during “the long 19th century”

ECONOMICS

- 44 Karchevskaya E. N., Solovyova L. L.** Methodological tools for analysis of museum activities
- 51 Klimuk V. V., Klimuk E. V.** Infrastructure for the support of youth innovative entrepreneurship in higher education institutions of the Republic of Belarus
- 62 Labeyko O. A.** Genesis of the main directions of rehabilitation of people with disabilities
- 67 Prudnikova A. N., Makovchik D. V.** Development of management accounting and analysis for the purpose of ensuring business process management in bakery organizations
- 76 Unsovich A. N., Talkach A. G.** The model and practice of functioning of the technology transfer center and the entrepreneurship support center in a higher education institution

LAW

- 87 Iosko K. S.** Appeal of decisions on cases of administrative offences in the administrative process of the Republic of Belarus
- 99 Kozyrevskaya L. A.** Prospects of using the electronic form on establishing labor relations in the Republic of Belarus
- 105 Kuzmenkova T. N.** National standards in the field of human rights as the basis for personal information security
- 111 Mankevich I. P.** Expertise in the field of digital development: legal and organizational aspects

УДК 903.21

А. Д. Гаршкоў

Установа адукацыі “Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы”, вул. Ажэшка, 22, 230023 Гродна, Рэспубліка Беларусь, +375 (29) 863 72 04, ales.harshkou.arch@gmail.com

**РАДЫЁВУГЛЯРОДНАЯ ХРАНАЛОГІЯ КУЛЬТУРЫ БРОМЕ
НА ТЭРЫТОРЫІ ЗАХОДНЯЙ ЕЎРОПЫ**

Вызначаны аб’ект даследавання — радыёвуглеродная храналогія культуры бrome на тэрыторыі Заходняй Еўропы. Актуальнасць даследавання абумоўлена адсутнасцю спецыяльных прац па дадзеных помніках у беларускай гістарыяграфіі, а таксама прысутнасцю стаянак дадзенай папуляцыі ў нашай краіне. Змешчана інфармацыя аб 25 узорах, па якіх атрыманы радыёвуглеродныя даты, праведзена іх каліброўка ў праграме OxCal.

Разглядаюцца датаванні, характарыстыка і кантэкст узору. Усяго прааналізаваны сем археалагічных помнікаў з тэрыторыі Даніі, Швецыі і Літвы. У частцы абмеркавання разглядаецца кантэкст дат і іх сувязь з матэрыяламі, характэрнымі для культуры бrome. На аснове гэтых даных, а таксама канцэпцыі фарміравання папуляцыі ў выніку вывяржэння вулкана Лях (Германія) робіцца выснова аб храналагічных рамках існавання культуры бrome на тэрыторыі Заходняй Еўропы.

Вынікі дадзенага даследавання могуць быць выкарыстаны для вывучэння першабытнага грамадства на тэрыторыі Беларусі і аховы гісторыка-культурнай спадчыны нашай краіны.

Ключавыя словы: фінальны палеаліт; каменны век; крамянёвы інвентар; радыёвуглероднае датаванне; культура бrome.

Мал. 1. Табл. 1. Бібліягр.: 15 назваў.

A. D. Harshkou

Institution of Education “Yanka Kupala State University of Grodno”,
22 Azheshko Str., 230023 Grodno, the Republic of Belarus, +375 (29) 863 72 04, ales.harshkou.arch@gmail.com

RADIOCARBON CHRONOLOGY OF THE BROME CULTURE IN WESTERN EUROPE

The introduction defines the object of research — the radiocarbon chronology of the Bromme culture in Western Europe. The relevance of the study is conditioned by the absence of special works on these monuments in Belarusian historiography, as well as by the presence of sites of this population in our country. The information is given about 25 samples, on which radiocarbon dates were obtained, and their calibration was carried out in the OxCal program.

In the main part the dating, characterization and context of the sample are considered. A total of seven archaeological sites from Denmark, Sweden and Lithuania were analyzed. The discussion part considers the context of the dates and their relationship to materials characteristic of the Bromme culture. Based on these data, as well as the concept of the formation of this population as a result of the eruption of the Lach volcano (Germany), a conclusion is made about the chronological framework of the existence of the Bromme culture in Western Europe.

The results of this study can be applied to the study of primitive society on the territory of Belarus and the protection of the historical and cultural heritage of our country.

Key words: final Paleolithic; Stone Age; flint implements; radiocarbon dating; Bromme culture.

Fig. 1. Table 1. Ref.: 15 titles.

Уводзіны. Адною з істотных праблем пры даследаванні старажытных супольнасцей з’яўляецца вызначэнне храналагічных рамак іх жыццядзейнасці. Не выключэннем з’яўляецца культура бrome, прадстаўнікі якой існавалі на тэрыторыі Беларусі ў фінальным палеаліце. На сучасным этапе развіцця археалагічнай навукі для вырашэння дадзенага пытання выкарыстоўваецца шэраг метадаў абсалютнага датавання ў комплексе з іншымі маркерамі, напрыклад, данымі спорава-пылковага аналізу. Найбольш вядомым для нас метадам атрымання даты з’яўляецца

радыёвугляродны. Аднак праз спецыфічнасць залягання культурных напластаванняў у пясчаных адкладах, дзе не захоўваецца арганіка, паўторнае засяленне стаянак дадзенай супольнасцю і антрапагеннае ўздзеянне ў пазнейшыя часы, атрыманне датаванняў, дзякуючы выкарыстанню гэтага метада, немагчымы. Тым не менш дапамагчы ў распрацоўцы праблемы вызначэння храналагічных рамак культуры бrome на тэрыторыі Беларусі могуць даныя з тэрыторыі Заходняй Еўропы. Зыходзячы з сучаснай канцэпцыі засялення абшараў нашай краіны, носьбіты дадзенай супольнасці апынуліся ў басейнах Нёмана, Прыпяці і Дняпра падчас міграцыі з захаду на ўсход [1, с. 6—7]. Для вызначэння прыблізнага часу пачатку перасоўвання носьбітаў культуры бrome і патрэбны аналіз радыёвугляродных датаванняў, атрыманых на стаянках з тэрыторыі Заходняй Еўропы, што і з’яўляецца мэтай нашага артыкула.

Матэрыялы і метады даследавання. На дадзены момант на тэрыторыі Заходняй Еўропы вядома больш за 100 помнікаў, дзе ў калекцыях прысутнічаюць матэрыялы культуры бrome. Згодна з літаратурнымі данымі, толькі для сямі з іх маюцца радыёвугляродныя датаванні, агульная колькасць якіх складае 25 пазіцый (табліца 1).

Для помніка Тролесгэйв (Trollesgave, Данія) вядома адносна вялікая колькасць радыёвугляродных датаванняў. Першыя дзве даты былі атрыманы з вугалю (K-2641 (conv.)) і абпаленай галінкі (K-2509 (conv.)), якія ўтрымліваліся ў культурных напластаваннях [2, с. 749]. Група AMS (AAR-16019, K-2510, K-2511, AAR-16020, AAR-16019, AAR-16021, K-2256, AAR-16018) была атрымана з раслінных рэшткаў і вугалю, якія залягалі ў азёрных адкладах [3, с. 4670].

Т а б л і ц а 1. — Радыёвугляродныя датаванні з помнікаў культуры бrome на тэрыторыі Заходняй Еўропы. Каліброўка выканана аўтарам у праграме OxCal 4.4.4 IntCal 20

Назва помніка	Лабараторыя і шыфр	Дата (BP)	Калібраваная дата (95,4 %) calBP	Рэчыва	Літаратура
Trollesgave (Тролесгэйв, Данія)	K-2509 (conv.)	11 100 ± 160	13 251—12 749	Часткова абпаленая галінка	[2, с. 748]
	K-2641 (conv.)	11 070 ± 120	13 165—12 760	Вугаль	[2, с. 748]
	K-2510 (AMS)	9 760 ± 110	11 405—10 735	Часткова абпаленая галінка	[3, с. 4670]
	K-2511 (AMS)	9 980 ± 150	12 059—11 110	Вугаль	[3, с. 4670]
	AAR-16020 (AMS)	10 287 ± 44	12 192—11 829	Насенне бярозы	[3, с. 4670]
	AAR-16019 (AMS)	10 826 ± 49	12 837—12 721	Вугаль	[3, с. 4670]
	AAR-16021 (AMS)	11 126 ± 44	13 119—12 915	Вугаль	[3, с. 4670]
	K-2256 (AMS)	11 190 ± 130	13 332—12 823	Галінка бярозы	[3, с. 4670]
	AAR-16018 (AMS)	11 237 ± 42	13 184—13 090	Вугаль	[3, с. 4670]
Fensmark (Фенсмарк, Данія)	OxA-3614 (AMS)	10 810 ± 120	13 070—12 616	Вугаль	[2, с. 748]
Bromme (Бrome, Данія)	AAR-4539 (AMS)	10 720 ± 90	12 834—12 598	Фрагмент косткі	[2, с. 748]
Arreskov (Арэскаў, Данія)	OxA-3173 (AMS)	10 600 ± 100	12 755—12 431	Рог паўночнага аленя	[2, с. 748]
Mickelsmosse (Мікелсмойз, Швецыя)	OxA-2791 (AMS)	10 980 ± 110	13 093—12 748	Рог паўночнага аленя	[2, с. 748]

Заканчэнне табліцы 1

Назва помніка	Лабараторыя і шыфр	Дата (BP)	Калібраваная дата (95,4 %) calBP	Рэчыва	Літаратура
Nørre Lyngby (Норэ Люнгбю, Данія)	K-6189 (AMS)	11 190 ± 135	13 333—12 822	Рог паўночнага аленя	[4, с. 148]
	AAR-1507 (AMS)	11 340 ± 120	13 487—13 066	Дрэва	[4, с. 148]
	K-6188 (AMS)	11 370 ± 165	13 520—12 926	Рог аленя	[4, с. 148]
	AAR-1508 (AMS)	11 260 ± 120	13 367—12 904	Дрэва	[4, с. 148]
	AAR-1908 (AMS)	11 120 ± 160	13 301—12 756	Рог аленя	[4, с. 148]
	AAR-1909 (AMS)	11 180 ± 130	13 319—12 822	Рог аленя	[4, с. 148]
	AAR-1910 (AMS)	11 190 ± 100	13 301—12 576	Рог аленя	[4, с. 148]
	AAR-1510 (AMS)	11 230 ± 150	13 428—12 831	Дрэва	[4, с. 148]
	AAR-1511 (AMS)	11 570 ± 110	13 609—13 227	Рог аленя	[4, с. 148]
AAR-1509 (AMS)	11 590 ± 130	13 609—13 227	Дрэва	[4, с. 148]	
Parupé (Парупе, Літва)	BETA-403383 (AMS)	11 170 ± 40	13 170—12 997	Рог аленя	[5, с. 13]

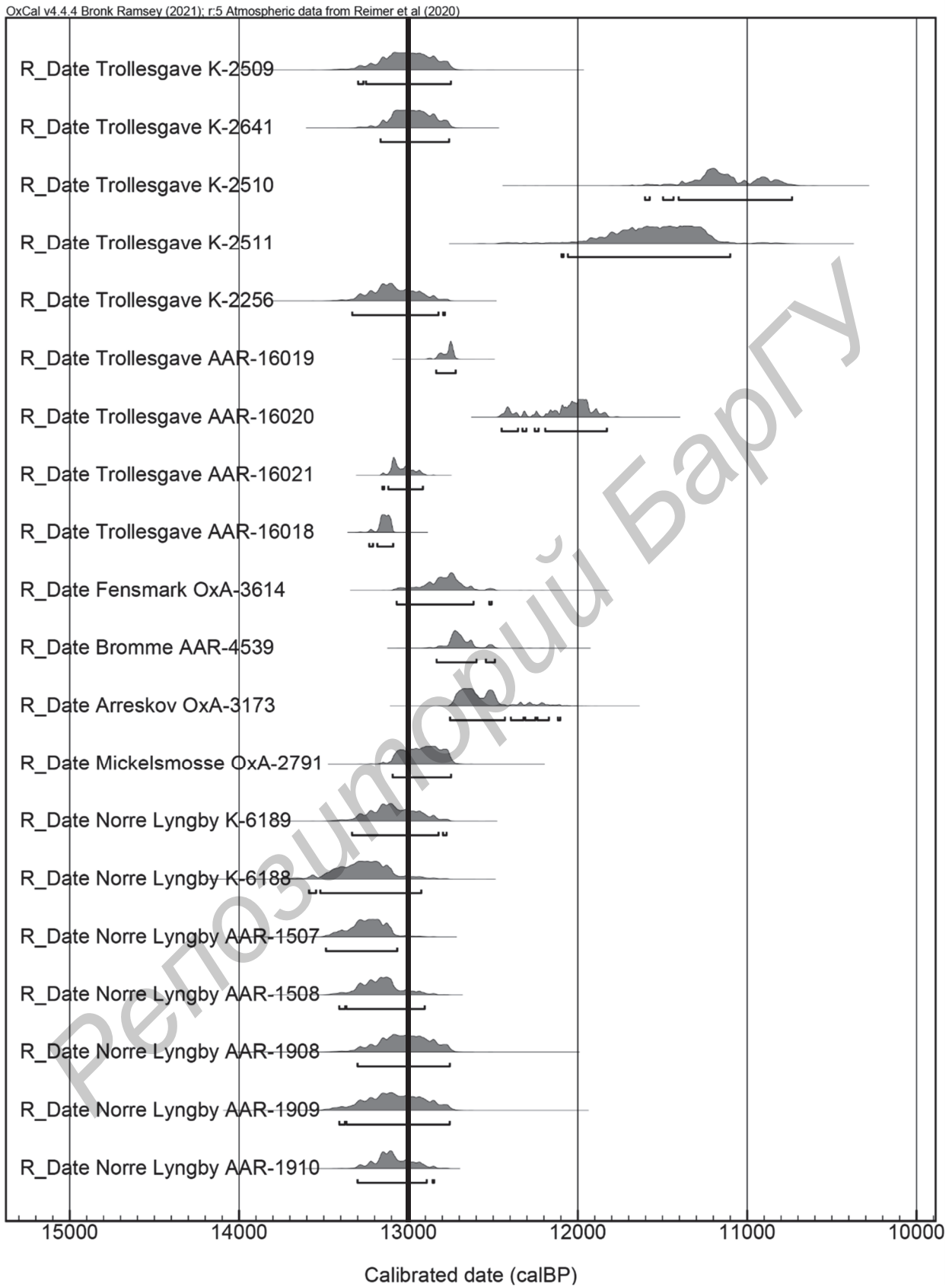
Падобнай стаянкай, якая мае адносна вялікую колькасць радыёвугляродных датаванняў (AMS), з’яўляецца Норэ Люнгбю (Nørre Lyngby, Данія). У асноўным яны паходзяць ад рагоў паўночнага аленя (K-6189, K-6188, AAR-1908, AAR-1909, AAR-1910, AAR-1511) і дрэва (AAR-1507, AAR-1508, AAR-1509, AAR-1510), якія залягалі ў верхняй частцы прэснаводных адкладаў. У гэтай жа мясцовасці былі знойдзены артэфекты, якія адносяцца да культуры бrome, і сякера тыпу лінгбі [4, с. 140—148, 153].

На помніку Арэскаў (Arreskov, Данія) AMS радыёвугляродная дата OxA-3173 была атрымана з сякеры тыпу лінгбі [2, с. 748] — рубячая прылада, выкананая з абрубленага рога паўночнага аленя [6, с. 214]. З аналагічных артэфектаў атрыманы даты для стаянак Мікелсмоўз (Mickelsmose, Швецыя) (OxA-2791 (AMS)) і Парупе (Parupé, Літва) (BETA-403383 (AMS)) [2, с. 749; 5, с. 13].

На помніку Бrome (Bromme, Данія) (AAR-4539 (AMS)) дата была атрымана з пазванка лася, які паходзіць з ніжняга слоя стаянкі. Мяркуецца, што матэрыялы ў гэтым пласце не змяшаныя, але аналіз артэфектаў дазваляе меркаваць аб некалькіх эпізодах засялення дадзенай тэрыторыі. Акрамя гэтага, была зроблена спроба датавання парэшткаў каня і паўночнага аленя, якая не дала вынікаў [2, с. 748—749].

З помніка Фенсмарк (Fensmark, Данія) існуе AMS дата (OxA-3614), атрыманая з вугалю, які паходзіць з саліфлюкцыйных адкладаў [2, с. 749].

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне. Пры даследаванні храналогіі нейкай супольнасці ў археалогіі трэба памятаць, што радыёвугляродныя датаванні — гэта толькі інструмент, а не канчатковы вынік. Правядзём радыёвугляродныя датаванні, атрыманыя на помніках культуры бrome ў Заходняй Еўропе (малюнак 1). Адною з праблем з’яўляецца кантэкст атрыманых радыёвугляродных датаванняў. Напрыклад, для помнікаў Арэскаў, Мікелсмоўз і Парупе ён па факце адсутнічае, таму што даты зроблены пры даследаванні сякер тыпу лінгбі, знойдзеных выпадкова [2, с. 748—749; 5, с. 13]. Для апошняга аб’екта адзначаецца наяўнасць у непасрэднай блізкасці да месцазнаходжання крамянёвых артэфектаў, якія, на думку даследчыкаў, характэрныя для культуры бrome [7, с. 128]. Аднак мы мяркуем, што апублікаваныя матэрыялы, а менавіта наканечнік, медыяльныя часткі пласцін рэтушаваных, рэшткавыя фрагменты нуклеусаў, па сваіх характарыстыках бліжэй да арэнсбургскіх старажытнасцей [7, с. 123].

Малюнок 1. — Радьёвугляродныя датаванні, атрыманыя на помніках культуры броме ў Заходняй Еўропе. Лініяй пазначана дата вывяржэння вулкана Лах (Германія)

Заўвага — распрацавана аўтарам.

Дацкі даследчык Ф. Райдэ, спасылаючыся на Б. Петэрсана, звязвае дадзеныя артэфакты з культурай бrome, але пры гэтым агаворвае, што такія прадметы могуць быць звязаны з іншымі фінальнапалеалітычнымі культурамі [2, с. 749]. Сапраўды, сякеры з рогу паўночнага аленя сустракаюцца ў многіх, у тым ліку верхнепалеалітычных, культурах, і сувязь з насельніцтвам бrome, на наш пункт гледжання, пададзена толькі праз блізкасць атрыманых датаванняў да прынятых храналагічных рамак, у якіх існавала дадзеная супольнасць.

Аналіз апублікаваных калекцый, дзе сустракаюцца сякеры тыпу лінгбі, і іх адзінкавыя знаходкі на тэрыторыі Заходняй Еўропы дазваляюць зрабіць выснову, што такія прадметы існавалі ад пачатку верхняга палеаліту [8, с. 284—285]. На тэрыторыі Літвы, каля населенага пункта Шнаукштай (*Šnaukštai*), была знойдзена падобная рагавая прылада, якая мае дзве радыёвугляродныя датаванні, размешчаныя ў межах 43—41 тыс. гадоў calBP [9, с. 7]. Аналагічныя прылады таксама сустраляся ў верхнепалеалітычных пластах стаянак Моладава I, V (Украіна) [10, с. 62, 82]. Дадзены тып артэфактаў характэрны і для іншых фінальнапалеалітычных культур, напрыклад федэрсесер (Клапхольц (*Klappholz*), Германія) [2, с. 750]. Такім чынам, мы можам канстатаваць, што сякеры тыпу лінгбі не з'яўляюцца культуравызначальнымі прадметамі для культуры бrome.

Верагодна, адзіная сякера тыпу лінгбі, якая можа быць звязана з дадзенай культурнай адзінкай, з'яўляецца знаходкай, якая паходзіць з помніка Норэ Люнгбю. Аднак, як і ў апісаных вышэй выпадках, яна была знойдзена выпадкова ў абвале пароды. Існуе праблема з радыёвугляродным датаваннем дадзенага артэфакта, таму што, на думку даследчыкаў, атрыманыя даныя не адлюстроўваюць рэальную дату праз забруджванне ўзораў у выніку кансервацыі [4, с. 148, 150]. Але калі ўлічыць тыя археалагічныя матэрыялы, якія былі сабраны на помніку і ў яго ваколіцах, то яны амаль цалкам па тэхніка-марфалагічных характарыстыках адносяцца да культуры бrome [4, с. 153].

Іншыя даты, якія былі атрыманы на помніку Норэ Люнгбю, маюць даволі малую разбежку і трапляюць у прамежак часу 13,5—12,5 тыс. гадоў calBP. Але, як вышэй ужо ўказвалася, яны атрыманы па парэштках жывёл і фрагментах дрэваў, якія залягалі ў азёрных адкладах. Дадзеныя матэрыялы толькі меркавана звязваюцца з жыццядзейнасцю носьбітаў культуры бrome, таму што амаль усе крамянёвыя артэфакты былі атрыманы па-за кантэкстам. Выключэннем з'яўляецца знаходка наканечніка, які быў выкананы на пласціне, знятай з аднаплячовачнага нуклеуса. Чаранок аформлены стромкай дарсальнай рэтушшу, пятка і ўдарны бугарок не выдаляліся. Вастрывё аформлена ў дыстальнай частцы нарыхтоўкі пры дапамозе разцовых сколаў. Памеры: 6,3 × 2,7 × 1,0 см. Даследчыкамі адзначаецца наяўнасць рэтушы на целе наканечніка, аднак не выключана магчымасць, што яна магла ўтварыцца ў выніку постдэпазітыўнага ўздзеяння [4, с. 140—142]. Знойдзены ён быў у саліфлюкцыйных адкладах, пра што сведчыць ступень захавання прадмета, а менавіта сляды акатанасці і люстраж [4, с. 142—143].

Падобны археалагічны кантэкст мае дата з помніка Фенсмарк (OxA-3614 (AMS) 13 070—12 616 calBP). Яна была атрымана з вугалю, знойдзенаму ў саліфлюкцыйных адкладах, у якіх прысутнічалі крамянёвыя прадметы, характэрныя для культуры бrome [2, с. 740; 11, с. 135]. Аднак падобная стратыграфічная сітуацыя не дазваляе з поўнай упэўненасцю гаварыць аб сувязі вугалю і артэфактаў [11, с. 136]. Пры гэтым трэба адзначыць, што тэхніка-марфалагічная характарыстыка апублікаваных А. Фішарам матэрыялаў дае магчымасць звязаць іх з носьбітамі культуры бrome.

Адзіным помнікам, дзе радыёвугляродныя даты маюць дакладны археалагічны кантэкст, з'яўляецца Трелесгэйв. Найбольшы інтарэс уяўляюць даты AAR-16019 (12 837—12 721 calBP) і K-2641 (13 165—12 760 calBP), таму што яны паходзяць са слоя, у якім культурныя парэшткі часткова знаходзіліся ў пазіцыі *in situ* [3, с. 4665]. У гэтым пласце былі зафіксаваны месцы майстра, якія складаліся з нуклеусаў і прадуктаў дэбітажу. Тэхніка-марфалагічныя характарыстыкі гэтых і астатніх матэрыялаў дазваляюць звязаць іх з дзейнасцю носьбітаў культуры бrome. Астатнія датыроўкі маркіруюць, верагодна, прыродныя працэсы альбо ступень і час разбурэння аб'ектаў, якія былі ўтвораны людзьмі. Па гэтай прычыне на помніку атрыманы датаванні, якія прыпадаюць на галацэнавы час.

Часткова даныя радыёвугляроднага аналізу з помніка Тролесгэйв пацвярджаюцца тэрмалюмінесцэнтнымі датамі, якія былі атрыманы на аснове абпаленых крамянёў: $12\,000 \pm 1\,400$ (OxTL-601/145), $11\,700 \pm 1\,400$ (OxTL-601/31), $11\,100 \pm 1\,200$ (OxTL-601/32) [12, с. 36]. Аднак нягледзячы на тое, што яны часткова супадаюць з радыёвугляроднымі датыроўкамі, даследчыкі ставяцца да іх з асцярожнасцю праз вялікую хібнасць.

На эпанімным помніку БROME маецца адзіная дата па пазванку лася (AAR-4539 (AMS)), якая мае значэнне 12 755—12 598 calBP. Даследчыкамі адзначаецца, што парэшткі жывёлы знаходзіліся ў некранутым пласце, які, верагодна, утварыўся ў выніку некалькіх этапаў засялення дадзенай мясцовасці [2, с. 748—749]. Аналіз апублікаваных матэрыялаў са стаянкі БROME дазваляе меркаваць аб іх аднароднасці, а варыятыўнасць некаторых катэгорый артэ-фактаў тлумачыцца пэўнымі (магчыма, храналагічнымі) змяненнямі ў матэрыяльнай культуры аднаіменнай супольнасці.

Падсумоўваючы ўсё вышэйсказанае, можна зрабіць выснову, што з усіх радыёвугляродных дат, якія падаюцца ў літаратуры як даты, характэрныя для культуры бROME, мы можам выкарыстоўваць толькі тыя, якія адносяцца да помнікаў Тролесгэйв (акрамя галацэнавых) і БROME. З пэўнай асцярожнасцю да ўвагі павінны прымацца датаванні з помнікаў Фенсмарк і Норэ Люнбю, якія маюць хоць і ўмоўную, але значную сувязь з крамянёвымі матэрыяламі.

Аналіз размеркавання калібраваных значэнняў дат з дадзеных помнікаў дазваляе меркаваць, што носьбіты культуры бROME на тэрыторыі Даніі існавалі з сярэдзіны алерода — пачатку дрыяса III. Самыя старажытныя даты характэрныя для помніка Норэ Люнбю, а познія — для БROME. Нягледзячы на тое, што шэраг дат выходзяць за межы 13 тыс. гадоў calBP, яны, на наш пункт гледжання, пацвярджаюць гіпотэзу Ф. Райдэ аб фарміраванні культуры бROME пасля вывяржэння вулкана Лах (Германія) на аснове культуры федэрсесер [13]. Амаль сінхроннае заканчэнне позніх дат і самае галоўнае датыровак з помніка Тролесгэйв з матэрыяламі ў пазіцыі *in situ* у раёне 12,8—12,6 тыс. гадоў calBP дазваляе выказаць меркаванне аб прыпыненні жыццядзейнасці на поўначы Еўропы носьбітаў культуры бROME ў гэты перыяд. Такое адносна рэзкае заканчэнне можа быць звязана са значнымі прыродна-кліматэчнымі змяненнямі, напрыклад, вывяржэннем вулкана Катла (Ісландыя) каля 12,8 тыс. гадоў calBP, попел якога накрываў паўночную частку Еўропы [14]. Прыкладна ў гэты ж перыяд адбываецца спуск Балтыйскага ледавіковага возера, які, на думку даследчыкаў, паспрыяў пахаладанню [15]. Аднак нешматлікасць радыёвугляродных датаванняў, на наш погляд, пакідае падобныя высновы толькі ў шэрагах гіпотэзы.

Заклучэнне. Аналіз радыёвугляродных датаванняў з помнікаў, размешчаных на тэрыторыі Заходняй Еўропы, якія звязваюцца ў літаратуры з культурай бROME, дазваляе зрабіць выснову, што не ўсе з іх могуць асацыявацца з дадзенай супольнасцю. Даты, атрыманыя па сякерах тыпу лінгбі (Арэскаў, Мікелсмоўз, Парупе), не могуць дакладна адносіцца да насельніцтва бROME, таму што, па-першае, не маюць канкрэтнай сувязі з іншым археалагічным матэрыялам, а па-другое, такія артэфакты характэрны для розных супольнасцяў ад пачатку верхняга палеаліту да фінальнага палеаліту і пазней.

Датаванні, якія былі атрыманы па матэрыялах з археалагічным кантэкстам альбо бліжкім да такога стану (Тролесгэйв, БROME, Фенсмарк, Норэ Люнбю), дазваляюць меркаваць, што культура бROME існавала на тэрыторыі Заходняй Еўропы, а канкрэтна, у межах сучаснай Даніі ў перыяд з канца алерода — пачатку дрыяса III (13,0—12,6 тыс. гадоў calBP). Верагодна, менавіта ў гэты перыяд носьбіты культуры бROME пранікаюць на абшары нашай краіны, дзе фарміруецца шэраг стаянак з комплексамі крамянёвых матэрыялаў, характэрных для дадзенага насельніцтва.

Даследаванне выканана ў рамках гранта БРФФД № Г24М-005 «Палеаэканамічныя аспекты жыццядзейнасці паляўнічых-збіральнікаў фінальнага палеаліту ў міжрэччы Заходняга Буга, Прыпяці і Нёмана» (кіраўнік — А. Д. Гаршкоў).

Спис цытаваных крыніц

1. *Гаршкоў, А. Д.* Генезіс, храналогія, гістарычны лёс культуры бrome ў кантэксце асваення міжрэчча Заходняга Буга, Прыпяці і Нёмана ў познеледавіковы час / А. Д. Гаршкоў // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А, Гуманитарные науки. — 2024. — № 1 (69). — С. 6—10. — DOI 10.52928/2070-1608-2024-69-1-6-10.
2. *Riede, F.* Bayesian radiocarbon mabels for the cultural transition during the Allerød in southern Scandinavia / F. Riede, K. Edinborough // Journal of Archaeological. — 2012. — Vol. 39. — P. 744—756.
3. Dating the Trollesgave site and the Bromme culture — chronological fix-points for the Lateglacial settlement of Southern Scandinavia / A. Fischer, M. Fischer-Mortensen, P. Henriksen [et al.] // Journal of Archaeological Science. — 2013. — № 40. — P. 4663—4674.
4. Late Palaeolithic Nørre Lyngby — a northern outpost close to the west coast of Europe / A. Fisher, L. Clemmensen, R. Donahue [et al.] // Quartär. — 2013. — Vol. 60. — P. 137—162.
5. *Ivanovaitė, L.* The Final Palaeolithic Hunter-Gatherer Colonisation of Lithuania in Light of Recent Palaeoenvironmental Research / L. Ivanovaitė, F. Riede // Open Quaternary. — 2018. — № 4 (4). — P. 1—21.
6. *Васильев, С. А.* Четырехязычный (русско-англо-франко-немецкий) словарь-справочник по археологии палеолита / С. А. Васильев [и др.]. — СПб. : Петербург. Востоковедение, 2007. — 264 с.
7. *Rimkus, T.* An attempt to link a lithic complex with the Late Paleolithic Rangifer tarandus antler axe from the Parupė site in Northern Lithuania / T. Rimkus, A. Girininkas // Archeologia Baltica. — 2021. — Vol. 28. — P. 118—131.
8. *Коваленко, С.* Производственный и хозяйственный инвентарь из кости, рога и бивня с многослойной стоянки верхнего палеолита Косзуть / С. Коваленко, Р. Кройтор // Revista Arheologică. — 2016. — Vol. XII, nr. 1-2. — С. 283—295.
9. *Girininkas, A.* Liungbiu tipo dirbiniai Lietuvoje / A. Girininkas, T. Rimkus, G. Slah [et al.] // Istorija. — 2017. — T. 105, nr. 1. — P. 4—203.
10. Палеолит Среднего Приднестровья / отв. ред. В. И. Громов, А. П. Окладников. — М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1959. — 279 с.
11. *Fischer, A.* The Fensmark settlement and the almost invisible Late Palaeolithic in Danish fieldarchaeology / A. Fischer // Danish Journal of Archaeology. — 2013. — Vol. 1, nr. 2. — P. 123—141.
12. *Кольцов, Л. В.* Финальный палеолит лесной зоны Европы (культурное своеобразие и адаптация) / Л. В. Кольцов, М. Г. Жилин. — М., 2008. — 313 с.
13. *Riede, F.* Eruptions and ruptures—a social networkperspective on vulnerability and impact of the Laacher See eruption (c. 13,000 BP) on Late Glacial hunter-gatherers in northern Europe / F. Riede // Archaeological Review from Cambridge. — 2014. — Vol. 29, iss. 1. — P. 67—102.
14. *Константинов, Е. А.* Тефра и крипротефра на Восточно-Европейской равнине — новые перспективы в геохронологии / Е. А. Константинов, В. В. Пономорёв, Н. В. Карпухина [и др.] // Древнейший палеолит Костенок: хронология, стратиграфия, культурное разнообразие (к 140-летию археологических исследований в Костенковско-Борщевском районе) : материалы межрегион. науч.-практ. конф., с. Костенки (20—22 авг. 2019 г.) / отв. ред. А. А. Бессуднов ; Ин-т истории матер. культуры РАН ; Гос. археолог. музей-заповедник «Костенки». — Воронеж : Издат. дом ВГУ, 2019. — С. 85—89.
15. *Nesje, A.* Were abrupt Lateglacial and early-Holocene climatic changes in northwest Europe linked to freshwater outbursts to the North Atlantic and Arctic Oceans? / A. Nesje, O. S. Dahl, J. Bakke // The Holocene. — 2004. — Vol. 14 (2). — P. 299—310.

Паступіў у рэдакцыю 09.07.2024.

УДК 94(476):930.2

І. В. КрасінскіБеларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр-т Незалежнасці, 4, 220030 Мінск, Рэспубліка Беларусь,
iankrasinski@gmail.com

ПОСТРЭВАЛЮЦЫЙНАЯ ГІСТАРЫЯГРАФІЯ ПРАБЛЕМЫ ДОКАЗУ ШЛЯХЕЦТВА Ў ВЯЛІКІМ КНЯСТВЕ ЛІТОЎСКІМ

У артыкуле разглядаецца пострэвалюцыйная гістарыяграфія пытання доказу шляхецтва ў Вялікім княстве Літоўскім (ВКЛ). Асноўная ўвага нададзена аналізу гістарыяграфічных прац, якія асвятляюць працэдуры, прававое рэгуляванне і сацыяльнае значэнне доказу шляхецтва. Вывучэнне дарэвалюцыйных і савецкіх даследаванняў у параўнанні з сучаснымі працамі па гісторыі ВКЛ дазволіла вылучыць дасягненні і недахопы ў вывучэнні шляхецкай праблематыкі. Артыкул таксама выяўляе асноўныя метадалагічныя падыходы, што выкарыстоўваюцца ў даследаваннях дадзенай праблемы, і пралівае святло на недастаткова раскрытыя аспекты доказу шляхецтва як сацыяльнай з'явы ў гістарыяграфіі.

Ключавыя словы: гістарыяграфія гісторыі Беларусі; шляхта; Вялікае княства Літоўскае; доказ шляхецтва; вывад шляхецтва; гістарыяграфія гісторыі Вялікага княства Літоўскага; сацыяльная гісторыя.

Бібліягр.: 43 назвы.

I. V. KrasinskiBelarusian State University, 4 Nezavisimosti Ave., 220030 Minsk, the Republic of Belarus,
iankrasinski@gmail.com

POST-REVOLUTIONARY HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM OF PROOF OF NOBILITY IN THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA

The article examines the post-revolutionary historiography of the issue of proof of nobility in the Grand duchy of Lithuania (GDL). The main attention is paid to the analysis of historiographical works that highlight the procedures, legal regulations, and social significance of proof of nobility. The study of pre-revolutionary and Soviet research in comparison with modern works on the history of the GDL allowed to identify achievements and shortcomings in the study of noble issues. The article also reveals the main methodological approaches used in the research of this issue and sheds light on the insufficiently explored aspects of the proof of nobility as a social phenomenon in historiography.

Key words: historiography of Belarusian history; nobility; Grand duchy of Lithuania; proof of nobility; extraction of nobility; historiography of the Grand duchy of Lithuania; social history.

Ref.: 43 titles.

Уводзіны. Гістарычнае мінулае беларускіх зямель перыяду Вялікага княства Літоўскага шмат у чым застаецца недаследаваным. Сучасныя гісторыкі імкнуцца знайсці новыя крыніцы або з іншых ракурсаў разгледзець ужо вядомыя. Актыўна развіваецца накірунак сацыяльнай гісторыі, у якой важнае месца займаюць даследаванні шляхецтва (Я. С. Глінскі, Я. К. Анішчанка, Г. М. Брэгер, А. А. Скеп'ян, У. А. Падалінскі, І. Ю. Увараў, А. А. Віннічэнка, Н. У. Сліж, С. А. Рыбчонак, Н. Н. Якавенка, А. В. Захараў, В. В. Урублеўскі, А. С. Залівака і інш.). Рознабаковае вывучэнне гэтага саслоўя падаецца важным не толькі з пункту гледжання гісторыі, але і генеалогіі, псіхалогіі, псіхагісторыі, паліталогіі, сацыялогіі, культуралогіі і іншых навук.

Сярод даследаванняў шляхецкай праблематыкі існуе шэраг пытанняў, якія недастаткова асветлены ў гістарыяграфіі. Гэта датычыць і праблемы доказу (вываду) шляхецтва. Аналіз пострэвалюцыйнай гістарыяграфіі паспрыяе лепшаму разуменню ўжо даследаваных аспектаў вываду шляхецтва, дазволіць акрэсліць актуальныя і нераскрытыя моманты.

Вывад шляхецтва ўяўляў сабой працэдуру, згодна з якой шляхцічы ў судовым парадку абгрунтавалі свае правы на прывілеяваны статус праз прадстаўленне пісьмовых (старажытных граматы, прывілеі, запісы ў шляхецкіх попісах і г. д.) і вусных доказаў (звесткі іншай

шляхты). Працэс вываду шляхецтва ў ВКЛ быў вядомы ўжо з канца XV стагоддзя, а яго правая рэгламентацыя распачата з прыняццем «Уставы о выводе шляхетства за примовою» (1507), у далейшым працягнута Статутамі ВКЛ 1529, 1566 і 1588 гадоў.

Мэта артыкула — вызначыць дасягненні і праблемы пострэвалюцыйнай гістарыяграфіі па пытанні доказу шляхецтва ў Вялікім княстве Літоўскім.

Матэрыялы і метады даследавання. Метадалогія даследавання складаецца з выкарыстання шэрагу метадаў і падыходаў, у прыватнасці, гісторыка-генеалагічнага і гісторыка-прававога. З дапамогай метадаў гісторыка-генеалагічнага падыходу можна прааналізаваць адпаведныя крыніцы (гербоўнікі, акты гродскіх і земскіх судаў, метрыкі ВКЛ і г. д.). Выкарыстанне гісторыка-прававога падыходу спрыяе лепшаму спалучэнню традыцыйнага аналізу гістарычнага і прававога матэрыялаў.

Паколькі ў артыкуле разглядаюцца традыцыйныя гістарычныя даследаванні розных краін, рэгіёнаў і перыядаў, прымяняецца кампаратыўны падыход, які дазваляе прааналізаваць, суаднесці працы розных гісторыкаў і зрабіць больш глыбокія высновы. Асноўным метадалагічным прынцыпам выступае прынцып гістарызму. Ён дазваляе аб'ектыўна ўбачыць дасягненні і недахопы той ці іншай працы па праблеме даследавання, зразумець матыў і інструментарый даследчыкаў. У дадзеным артыкуле аўтар захоўвае аўтэнтычны гістарычны тэрмін «ывад шляхецтва», якім пазначаецца судовая працэдура доказу шляхецтва і ўсё, што з ёй звязана (матывы бакоў, пошук і подкуп сведкаў, розныя тактыкі паводзінаў у судзе, тыповыя і нетыповыя доказы і г. д.).

Абраны метадалагічны інструментарый дазваляе непрудзята ацаніць узровень пострэвалюцыйнай гістарыяграфіі пазначанай праблемы.

Матэрыяламі даследавання з'яўляюцца адпаведныя тэме працы гісторыкаў, крыніцазнаўцаў, генеалогаў, філолагаў і іншых спецыялістаў, выдадзеныя пасля рэвалюцыйных падзей 1917 года. Пострэвалюцыйная гістарыяграфія ахоплівае больш за 100 гадоў даследаванняў. Гэты перыяд умоўна можна падзяліць на два этапы: 1) 1917—1991 гады; 2) 1991 год — нашы дні. Першы этап (1917—1991) у большай ступені ахоплівае савецкую гістарыяграфію, а таксама працы, напісаныя ў краінах па-за савецкім ідэалагічным уплывам (напрыклад, Польшкая Рэспубліка 1918—1939 гадоў і Літоўская Рэспубліка 1918—1940 гадоў). З пункту гледжання даследаванняў сацыяльнай гісторыі (асабліва шляхецтва) гэта самы «бедны» перыяд. Так, некаторыя дарэвалюцыйныя гісторыкі (М. К. Любаўскі, У. І. Пічэта, М. В. Доўнар-Запольскі і інш.) працягвалі друкавацца і ў 1920-я гады, а першыя наватарскія даследаванні без ужытку савецкай ідэалагічнай метадалогіі з'явіліся ўжо на рубяжы 1980—1990-х гадоў (напрыклад, А. П. Грыцкевіч). Другі этап пострэвалюцыйнай гістарыяграфіі (1991 год — нашы дні) — найбольш разнастайны і багаты на даследаванні шляхецкай праблематыкі. Сучасныя даследаванні сканцэнтраваны ва Украіне, у Беларусі, Польшчы, Літве і Расіі. У кожнай краіне захоўваюцца традыцыйныя нацыянальнай гістарыяграфіі з адпаведным ухілам у той ці іншы бок праблематыкі.

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне. Савецкая гістарыяграфія амаль нічога не прынесла для разумення вываду шляхецтва ў ВКЛ. Са станаўленнем савецкай ідэалогіі, у тым ліку ў сферы гістарычнай палітыкі (1920-я гады), даследаванні «варожых» краін, дзяржаў і класаў былі фактычна спынены. Шляхта на савецкіх палітычных каардынатах знаходзілася ў катэгорыі «эксплуататараў», у сувязі з чым карысці для пралетарыату ад даследавання шляхецтва не было. Зрэдку выдаваліся працы, галоўным чынам скончаныя яшчэ да рэвалюцыі (напрыклад, даследаванне У. І. Пічэты, выдадзенае ў 1958 годзе). Аднак пэўныя даследаванні вывадаў шляхецтва праводзіліся ў суседніх Польшчы і Літве. Так, у 1931 годзе выйшла двухтомная праца польскага медыевіста Г. Лаўмянскага, які вывучаў структуру родаў ВКЛ [1]. У даследаванні аўтар надаў шмат увагі пытанню генеалогіі розных родаў Жамойці. Даследчык на прыкладзе працэсу вываду шляхецтва Круповічаў і іншых адзначыў, што ў XVI стагоддзі

сярод шляхты ВКЛ панавала родавая арганізацыя [1, с. 351—352]. Шляхецкія роды часам мелі столько адгалінаванняў, што дасягалі звыш 50 асоб [1, с. 357]. Вывад шляхецтва даследаваў і польскі гісторык Я. Матушэўскі, аднак яго праца прысвечана польскім землям [2].

Станаўленне сучаснай гістарыяграфіі адбывалася ва ўмовах грунтоўных палітычных, ідэалагічных, культурных і сацыяльна-эканамічных змен. Найбольшае развіццё вывадаў шляхецтва атрымала ў даследаваннях сучасных украінскіх гісторыкаў. У працах В. М. Міхайлоўскага праведзены комплексны аналіз стану падольскай шляхты другой паловы XIV стагоддзя — 1570-х гадоў (у 1566—1569 гадах — Брацлаўскае ваяводства ў складзе ВКЛ). Даследчыкам закрануты такія праблемы, як наданне шляхецтва [3, с. 208—210], вывад роду Суліскіх (Шуліскіх) [3, с. 216].

Важнай працай трэба назваць манаграфію прафесара Н. М. Якавенкі, прысвечаную ўкраінскай шляхце (Валынь і Цэнтральная Украіна) [4]. Аналізуючы прававы стан шляхты, гісторык перадала палажэнні зместаў «Уставы» 1507 года, Статутаў і соймавых канстытуцый у дачыненні да вываду шляхецтва [4, с. 46—52]. Асобны раздзел працы даследчык прысвяціла змаганню зямлян за шляхецкія правы [4, с. 245—284], адзначыла, што дробная шляхта мела складанасці падчас доказу свайго паходжання [4, с. 253].

Так, Н. М. Якавенка заўважыла, што вывады шляхецтва часам ініцыяваліся з мэтай адцягвання ўвагі суддзяў ад асноўнай разглядаемай падчас суда справы. Аўтарам прыведзены прыклад працэсу 1630-х гадоў, які праходзіў ва Уладзіміры (Валынь). Нейкі Адам Кісель шукаў доказы супраць адваката Івана Грузевіча, які вёў справу апанента А. Кіселя [4, с. 253—254]. А. Кісель хацеў пазбавіць магчымасці ўдзелу адваката ў судовым працэсе праз доказ яго нешляхецтва. Аднак справа скончылася паразай для А. Кіселя. Н. М. Якавенка таксама падкрэсліла рэгіянальную асаблівасць вываду шляхецтва: так, у Цэнтральнай Украіне паступовая страта правоў зямлямі ў 1540—1560-я гады не прывяла да арганізаванага адстойвання паходжання і праявілася выключна ў індывідуальнай барацьбе [4, с. 276].

Адзінкавымі працамі, дзе вывад шляхецтва з'яўляецца галоўным прадметам даследавання, трэба адзначыць даследаванні ўкраінскага гісторыка А. А. Віннічэнкі [5—7]. Аднак аўтар у сваіх працах закрануў вывады шляхецтва ў асобных рэгіёнах (Люблінскае і Рускае ваяводства ў XVII — першай палове XVIII стагоддзя), якія знаходзіліся пад уладай Каралеўства Польскага. Тым не менш частка гэтых тэрыторый знаходзілася раней у складзе ВКЛ, на якія распаўсюджвалася дзеянне Статута ВКЛ 1566 года, таму разгляд прац аўтара будзе цікавым даследчыкам гісторыі княства. На прыкладзе пяці вывадаў шляхецтва ў Любліне А. А. Віннічэнка зрабіў выснову пра існаванне рэгіянальных асаблівасцей вывадаў шляхецтва [6]. Было адзначана, што люблінская шляхта добра ведала судовую практыку і фактычна ніколі не ўдзельнічала ў працэсах доказу шляхецтва без важкіх аргументаў. Працэдура была дынамічнай, сведкі і доказы рознымі. Аўтар падкрэсліў, што часта шляхта адыходзіла ад прававой рэгламентацыі, што праяўлялася ў гатоўнасці ўдзельнічаць у працэсах без сведкаў і іншых фактараў, прапісаных у законе. Гэта ўплывала на фарміраванне рэгіянальных асаблівасцей вывадаў шляхецтва насуперак прававой рэгламентацыі. Аналагічныя высновы даследчык зрабіў у працы на матэрыяле Рускага ваяводства [7]. А. А. Віннічэнка таксама разглядаў вывады шляхецтва іншаземцамі [5].

Гісторыя шляхецтва ВКЛ вивучалася беларускім гісторыкам П. А. Лойкам [8]. У выніку правядзення комплекснага вивучэння шляхецкага саслоўя даследчык закрануў і вывад шляхецтва. На думку П. А. Лойкі, ужо ў першай палове XVI стагоддзя былі выразна бачныя крытэрыі шляхецтва, сярод якіх не было абавязковым валоданне зямлёй [8, с. 16—17]. Працэс кансалідацыі суправаджаўся шматлікімі судовымі разбіральніцтвамі аб прыцягванні шляхты да цяглай службы, якія рэгламентаваліся «Уставой...» 1507 года (у аўтара — 1522). Апошні рэзкі падзел паміж дробнай шляхтай і сялянствам, як лічыць даследчык, адбыўся падчас рэформы сярэдзіны XVI — пачатку XVII стагоддзя. Гісторык пералічыў легальныя каналы набыцця шляхецтва і звярнуў увагу на махінацыі падчас набыцця паходжання (выдача шляхціцам за мяшчан, якія пачыналі называць сябе таксама шляхціцамі; фальсіфікацыі

дакументаў; дадаванне «шляхецкіх канчаткаў» да прозвішчаў; публічныя драматызацыі; подкупы сведкаў і інш.) [8, с. 20]. Даследчыкам прааналізаваны прававыя аспекты рэгулявання вываду шляхецтва, зроблены акцэнт на важнасці соймавых канстытуцый 1578 і 1632 гадоў для спынення нелегальнага папаўнення прывілеяванага саслоўя [8, с. 20—21].

Вывад шляхецтва ў сваіх працах згадвалі Я. А. Юхо [9, с. 195, 207—208] і Т. І. Доўнар [10, с. 75] (правое рэгуляванне), А. Ф. Вішнеўскі (набыццё і страта шляхецтва) [11, с. 50—51], Н. У. Казлоўская (генеалогія, прававы стан) [12; 13], А. М. Латушкін (паходжанне Яленскіх) [14], В. Л. Насевіч (інфармацыйныя рэсурсы ў генеалагічных даследаваннях) [15], Д. Л. Яцкевіч (малыя гербоўнікі шляхты) [16] і інш. У сучасных беларускіх даследаваннях актыўна выкарыстоўваюцца крыніцы гродскіх і земскіх судоў Менскага ваяводства. Так, менскую шляхту даследуе В. В. Калечыц (ывады шляхецтва зямлян і баяр Менскага павета, напрыклад, Бабіцкіх [17], Бенедыктавічаў і Біруляў [18]).

Значнае месца ў даследаваннях вывадаў шляхецтва займаюць працы гісторыка Я. К. Анішчанкі. Аўтар актыўна даследаваў і складаў спісы шляхты Мінскага [19], Брэсцкага [20], Месіслаўскага [21] ваяводстваў, Лідскага [22], Пінскага [23], Рэчыцкага [24], Мазырскага [25] і іншых паветаў, кранаючы праблему доказу паходжання розных родаў (Маршэўскія, Кавалеўскія, Матушэвічы, Скавінскія, Шашкевічы і інш.). Аднак трэба заўважыць, што для Я. К. Анішчанкі і большасці іншых беларускіх даследчыкаў вывад шляхецтва з’яўляецца пабочнай праблемай.

Важнае месца ў даследаваннях вывадаў шляхецтва займаюць працы беларускага гісторыка, генеалага і архівіста Я. С. Глінскага. Гісторык з’яўляецца кіраўніком шматтомнага выдання «Гербоўнік беларускай шляхты» і актыўна даследуе вывад шляхецтва XIX стагоддзя, а таксама родавыя легенды шляхецкіх родаў [26; 27], якія з’яўляліся своеасаблівым механізмам захавання статусу. Па большай частцы Я. С. Глінскага цікавяць пытанні вузкай групы сярод усяго шляхецкага саслоўя — зямлян [28; 29]. У прадмове да першай часткі восьмага тома «Гербоўніка...» даследчык даў агульную характарыстыку вывада шляхецтва ў ВКЛ, адзначыў, што значная іх частка прыходзілася на часы «валочнай памеры» [29; 30]. Глінскі апісаў вывады шляхецтва родаў Кандыбаў, Бранавіцкіх, Гурыновічаў, Яўневічаў, Замайскіх і інш. Тым не менш даследчык заўважае, што вывады шляхецтва ў ВКЛ адбываліся па прычыне міжасабовых канфліктаў і не насілі масавага характару ў параўнанні з часамі разбораў шляхты. Даследчык шмат увагі надае верыфікацыі звестак, паколькі многія дакументы аб шляхецкім паходжанні былі сфальсіфікаваныя ў часы ВКЛ і асабліва падчас уваходжання беларускіх зямель у склад Расійскай імперыі [31].

Важным накірункам даследаванняў шляхецтва трэба адзначыць разгляд грамадска-палітычнага жыцця і ролі шляхты. Так, гісторык А. У. Мацук у сваёй манаграфіі [32] прысвяціў частку тэксту апісанню правядзення вывадаў шляхецтва на павятовых соймаках у часы Аўгуста III (1736—1763) [33]. Аўтар на падставе шырокай крыніцавай базы прывёў змест дакументаў, згодна з якімі было выведзена шляхецтва Глінскіх, Клімовічаў, Каўшэвічаў, Наркевічаў і інш. [33, с. 160—163].

Цікавяцца вывадамі шляхецтва беларускія філолагі і мемуарысты. Так, М. М. Улашчык [34, с. 35—49] і А. І. Мальдзіс [35, с. 139—140] даследавалі мемуарную спадчыну Беларусі з пункту гледжання адлюстравання ў гэтых крыніцах падзей айчынай гісторыі. Абодва спецыялісты прааналізавалі змест мемуараў Марціна Матушэвіча і апісалі яго барацьбу з абвінавачваннямі ў нешляхецтве.

Такім чынам, у беларускай і ўкраінскай гістарыяграфіі назіраюцца падобныя тэндэнцыі. У пострэвалюцыйнай гістарыяграфіі пры разглядзе вываду шляхецтва дамінуюць генеалагічныя і гісторыка-прававыя накірункі. Тым не менш у параўнанні з дарэвалюцыйнымі даследаваннямі прыкметна павялічылася колькасць прац па сацыяльнай гісторыі, даследчае поле стала больш разнастайным і метадалагічна шырокім. Відавочным адрозненнем гістарыяграфічных падыходаў з’яўляецца акцэнт на рэгіянальных праблемах і выкарыстанне мясцовых крыніц з гродскіх і земскіх судоў, а таксама кніг Метрыкі ВКЛ. Аднак у цэлым вывад шляхецтва — новая і амаль недаследаваная праблематыка. Як асобны прадмет

даследавання і сацыяльную з'яву вывад шляхецтва вивучаў толькі А. А. Віннічэнка. Даследаванні гісторыка-прававога характару носяць рэпрадуктыўны характар. Практычна ў кожным даследаванні памылкова пазначаецца дата «Уставы». Відавочным з'яўляецца недахоп аналітычных даследаванняў, вивучэння сацыяльнай праблематыкі і агульнага разумення працэдуры вываду шляхецтва.

Літоўскія і польскія даследчыкі, як і беларускія, зацікаўлены ў вивучэнні розных праблем гісторыі ВКЛ. Вядомы даследчык Э. Гудавічус у абагульняючай працы пазначыў шырокавядомы факт пра праверку шляхецкіх правоў падчас валочнай памеры [36, с. 592—594]. Гісторык Р. Пятраўскас у сваёй працы прааналізаваў паняцце, функцыі і сацыяльнае значэнне родавай памяці і прыйшоў да высновы, што памяць пра продкаў дазваляла абараняць шляхетнасць [37, с. 105, 135—136]. У абагульняючай працы па гісторыі Літвы А. Эйдынтаса і іншых звернута ўвага на звесткі з Метрыкі ВКЛ, якія мелі важнасць для пацвярджэння шляхецтва [38, с. 62].

Праблема вываду шляхецтва ў ВКЛ мала цікавіць сучасных польскіх даследчыкаў. Большасць даследаванняў напісаны на польскім матэрыяле. Так, В. Навасад у сваёй працы прааналізаваў асуджэнне шляхецтва як фактар фарміравання родавага архіва на прыкладзе Крушыньскіх [39]. Супрацоўнікі Польскай акадэміі навук (PAN) у сваіх даследаваннях закранаюць землі ВКЛ толькі на падставе крыніц XIX стагоддзя (І. Сікорска-Кулеша, Р. Юркоўскі, Т. Эпштэйн).

Гісторыкі краін далёкага замежжа рэдка звяртаюцца да праблем гісторыі ВКЛ. Выключэннем з'яўляюцца працы шатландскага даследчыка Р. Фроста [40] і англійскага гісторыка Н. Дэвіса [41]. У адной са сваіх прац Р. Фрост пералічыў спосабы набыцця шляхецтва, а таксама звярнуў увагу на тое, што часам абвінавачванні ў нешляхецтве прыводзілі да фізічнага гвалту [40, с. 278—279]. Вывады шляхецтва, як лічыць англійскі гісторык Н. Дэвіс, спецыяліст па гісторыі Рэчы Паспалітай, прывялі да ўзнікнення традыцыі геральдычных кланаў і паспрыялі развіццю сямейных архіваў [41, с. 178].

Расійскія даследчыкі рэдка звяртаюцца да праблемы вываду шляхецтва. Пры гэтым можна адзначыць працы вядомага гісторыка М. Я. Бычковай [42], якая спаслалася на працу беларускага гісторыка У. І. Пічэты і адзначыла, што доказ шляхецтва на беларускіх і ўкраінскіх землях быў ускладнены пераважным выкарыстаннем тэрмінаў «баяры» і «зямяне», у той жа час «мелкая литовская шляхта, адопцірованная польскими гербовыми родами, при доказательстве своего происхождения могла сослаться на эти роды, поскольку сам акт адоптации ставил ее в привилегированное положение» [42, с. 230]. М. Я. Бычкова коратка апісала сутнасць вываду шляхецтва, адзначыла, што такія працэсы былі вядомы з канца XV стагоддзя. Аўтар сцвярджае, што ў ВКЛ існавала распрацаваная сістэма норм, якія абмяжоўвалі феодалаў ад пранікнення ў іх асяроддзе людзей іншых саслоўяў [42, с. 232]. Прававая сістэма ВКЛ у будучым актыўна выкарыстоўвалася ў справядстве па працэсах доказу паходжання рускага дваранства.

З расійскіх даследчыкаў таксама трэба адзначыць працы генеалога С. У. Думіна, які разгледзеў вывады шляхецтва татараў Вялікага княства Літоўскага [43]. Аўтар адзначыў, што нягледзячы на знікненне сваяцкіх сувязяў паміж татарскімі родамі і арыстакратычным насельніцтвам ВКЛ у XVII—XVIII стагоддзях, пачуццё еднасці і асэнсаванне татарамі прыналежнасці да адзінай этнічнай групы дазволілі ім даказаць шляхецтва ў XIX стагоддзі.

Заклучэнне. Пострэвалюцыйная гістарыяграфія вываду шляхецтва ў Вялікім княстве Літоўскім у параўнанні з папярэднім перыядам даследаванняў спрыяла далейшаму развіццю праблематыкі. Дарэвалюцыйныя гісторыкі (М. В. Доўнар-Запольскі, І. І. Лапо, Ф. І. Леантовіч, М. К. Любаўскі, С. Л. Пташыцкі, А. Банецкі, О. Халецкі, У. Сямковіч і інш.) разглядалі пераважна прававы бок працэдуры і асабліва генеалагічную праблематыку. У той жа час не былі даследаваны такія аспекты, як узнікненне і станаўленне, а таксама развіццё доказу шляхецтва, характэрныя рысы і асаблівасці судовых працэсаў на рэгіянальным узроўні, механізмы і сродкі доказу паходжання, вынікі працэсаў і іх уплыў на грамадства, паводзіны шляхты і інш.

Значным вынікам працы сучасных гісторыкаў і іншых спецыялістаў з'яўляецца паглыбленне генеалагічнай праблематыкі (Я. С. Глінскі, Я. К. Анішчанка, М. Я. Бычкова, А. М. Латушкін і інш.). З'явіліся першыя спецыяльныя даследаванні па дадзенай праблеме (А. А. Віннічанка) з прэтэнзіямі на сацыяльную праблематыку. Між тым асобныя аспекты застаюцца неахопленымі гісторыкамі розных краін. Працы гісторыка-прававога характару не прынеслі прынцыпова новых вынікаў. Сацыяльныя, культуралагічныя, палітычныя, эканамічныя, працэсуальныя аспекты вываду шляхецтва ўсё яшчэ слаба вывучаны. Усё гэта актуалізуе даследаванне гэтай праблематыкі для гісторыкаў і спецыялістаў іншых навук. Доказ шляхецтва — складаная праблема сацыяльнай гісторыі ВКЛ, даследаванне якой дазволіць больш дакладна адлюстраваць перш за ўсё сацыяльныя працэсы, падзеі, дынаміку грамадства ВКЛ у XVI—XVIII стагоддзях.

Спіс цытаваных крыніц

1. *Łowmiański, H.* Studja nad początkami społeczeństwa i państwa litewskiego : w 2 t. / H. Łowmiański. — Wilno : Towarzystwo Przyjaciół Nauk, 1931—1932. — Т. 1.
2. *Matuszewski, J.* Nagana szlachectwa w Polsce w XV i XVI wieku / Jacek S. Matuszewski. — Łódź : Uniwersytet Łódzki, 1971. — S. 125—147.
3. *Михайловський, В. М.* Еластична спільнота. Подільська шляхта в другій половині XIV — 70-х роках XVI ст. / В. М. Михайловський. — Київ, 2012. — XXVIII + 448 с.
4. *Яковенко, Н. М.* Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII століття. Волинь і Центральна Україна / Н. М. Яковенко. — Київ : Критика, 2008. — 472 с.
5. *Вінниченко, О. О.* Боснійські шляхтичі та доведення ними шляхетства на сеймику Подільського воєводства 1738 р. (До питання про замкненість шляхетського стану в Речі Посполитій) / О. О. Вінниченко // Генеалогічні записки. — 2014. — Вип. 12. — С. 49—64.
6. *Вінниченко, О. О.* Доведення шляхетства на сеймиках Люблінського воєводства в перші десятиліття XVII ст. / О. О. Вінниченко // Соціум. Альманах соціальної історії. — Київ, 2020. — Вип. 15—16. — С. 41—82.
7. *Вінниченко, О. О.* Доведення шляхетства на сеймиках руського воєводства у Вишні (XVII — середина XVIII ст.): права регламентація і повсякденна практика / О. О. Вінниченко // Повсякдення ранньомодерної України. Історичні студії. — Київ, 2012. — С. 13—58.
8. *Лойка, П. А.* Шляхта беларускіх зямель у грамадска-палітычным жыцці Рэчы Паспалітай другой паловы XVI — першай трэці XVII ст. / А. П. Лойка. — Мінск : БДУ, 2002. — 99 с.
9. *Юхо, Я. А.* Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі / Я. А. Юхо. — Мінск : Універсітэцкае, 1992. — 270 с.
10. *Довнар, Т. И.* Основания и результаты систематизации законодательства в Великом Княжестве Литовском в XVI в. / Т. И. Довнар // Актуальные проблемы гражданского права : сб. науч. тр. — Минск : МИТСО, 2013. — Вып. 2. — С. 65—99.
11. *Вішнеўскі, А. Ф.* Прававы статус сацыяльных груп насельніцтва Вялікага Княства Літоўскага ў XIV — першай палове XVI стагоддзя / А. Ф. Вішнеўскі // Матэрыялы круглага стала, Мінск, 1 крас. 2016 г. / БДУ ; рэдкал.: Т. І. Доўнар (гал. рэд.), С. А. Калінін, Л. Л. Голубева. — Мінск : БДУ, 2016. — С. 49—58.
12. *Козловская, Н. В.* Генеалогія шляхты Вялікага Княства Литовскага як проблемнае поле сучаснай гісторыяграфіі / Н. В. Козловская // Генеалогія і сямейная гісторыя Беларусі: актуальныя праблемы і задачы : зб. навук. арт. / Нац. акад. навук Беларусі, Цэнтр. навук. б-ка імя Я. Коласа ; уклад.: В. В. Урублеўскі ; рэдкал.: С. С. Юрэцкі (гал. рэд.) [і інш.]. — Мінск : Беларус. навука, 2024. — С. 6—20.
13. *Козловская, Н. В.* Шляхта Вялікага княства Литовскага XIV—XVI вв. в современной белорусской историографии / Н. В. Козловская // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. Вып. 19 : в 3 ч. : сб. науч. ст. — Минск : РИВШ, 2019. — Ч. 1. — С. 190—201.
14. *Латушкін, А. М.* Пытанне паходжання роду Яленскіх герба «Корчак» і эвалюцыя іх прыватнага герба ў 20-я гады XVII — 30-я гады XIX ст. / А. М. Латушкін // Генеалогія і сямейная гісторыя Беларусі : актуальныя праблемы і задачы : зб. навук. арт. / Нац. акад. навук Беларусі, Цэнтр. навук. б-ка імя Я. Коласа ; уклад.: В. В. Урублеўскі ; рэдкал.: С. С. Юрэцкі (гал. рэд.) [і інш.]. — Мінск : Беларус. навука, 2024. — С. 189—214.
15. *Насевіч, В. Л.* Інфармацыйныя рэсурсы па генеалогіі Беларусі: перспектывы інтэграцыі / В. Л. Насевіч // Генеалогія і сямейная гісторыя Беларусі: актуальныя праблемы і задачы : зб. навук. арт. / Нац. акад. навук Беларусі, Цэнтр. навук. б-ка імя Я. Коласа ; уклад.: В. В. Урублеўскі ; рэдкал.: С. С. Юрэцкі (гал. рэд.) [і інш.]. — Мінск : Беларус. навука, 2024. — С. 29—37.
16. *Яцкевич, Д. Л.* Малы́й гербовник Рогачёвской шляхты / Д. Л. Яцкевич // Архіварыус. — 2010. — Вып. 8. — С. 255—276.
17. *Калечыц, В. В.* Зямяне і баяры маёнтка Койданаў Менскага павета ў XVI—XVIII стст. / В. В. Калечыц // Герольд Litherland. — 2021. — № 22. — С. 52—62.

18. *Калечиц, В. В.* Интеграция представителей свободного населения Великого Княжества Литовского в состав шляхты (на примере отдельных родов Минского повета) / В. В. Калечиц // *Архіварыус*. — Минск, 2019. — Вып. 17. — С. 149—160.
19. *Анищенко, Е. К.* Шляхта Минского воеводства: список XVIII ст. / Е. К. Анищенко. — Минск : Изд-во Виктора Хурсика, 2020. — 275 с.
20. *Анищенко, Е. К.* Шляхта Брестского воеводства: список XVIII ст. / Е. К. Анищенко. — Минск : Изд-во Виктора Хурсика, 2011. — 234 с.
21. *Анищенко, Е. К.* Шляхта Мстиславского воеводства: список XVIII ст. / Е. К. Анищенко. — Минск : Изд-во Виктора Хурсика, 2013. — 305 с.
22. *Анищенко, Е. К.* Шляхта Лидского повета: список XVIII ст. / Е. К. Анищенко. — Минск : Изд-во Виктора Хурсика, 2013. — 309 с.
23. *Анищенко, Е. К.* Шляхта Пинского повета: список XVIII ст. / Е. К. Анищенко. — Минск : Изд-во Виктора Хурсика, 2016. — 290 с.
24. *Анищенко, Е. К.* Шляхта Речицкого повета: список XVIII ст. / Е. К. Анищенко. — Минск : Изд-во Виктора Хурсика, 2015. — 296 с.
25. *Анищенко, Е. К.* Шляхта Мозырского повета: список XVIII ст. / Е. К. Анищенко. — Минск : Изд-во Виктора Хурсика, 2014. — 229 с.
26. Гербоўнік беларускай шляхты / Я. С. Глінскі [і інш.] ; навук. рэд. А. Рахуба. — Минск : Беларусь, 2022. — Т. 8, ч. 1 : К (Каборды—Карэцкія). — 927 с.
27. *Глінскі, Я. С.* Родавыя легенды шляхты ўсходнеславянскага паходжання ў Вялікім Княстве Літоўскім: тэндэнцыі развіцця ў XVII ст. / Я. С. Глінскі // *Вялікае Княства Літоўскае: палітыка, эканоміка, культура* : зб. навук. арт. : у 2 ч. — Минск : Беларус. навука, 2017. — Ч. 1. — С. 429—438.
28. *Глінскі, Я. С.* Родавая памяць ці звычайны падман? Венская бітва 1683 г. у справах аб доказе дваранства ў Мінскай губерні / Я. С. Глінскі // *Архіварыус*. — 2015. — Вып. 13. — С. 92—100.
29. *Глінскі, Я. С.* Вывады шляхецтва зямямі Слуцкага і Капыльскага княстваў у XVII—XVIII стст.: інтэрпрэтацыя і верыфікацыя звестак / Я. С. Глінскі // *Матэрыялы VII Міжнар. навук.-практ. канф., Віцебск, 27—29 крас. 2023 г.* : у 2 т. / Віцеб. дзярж. ун-т ; рэдкал.: А. М. Дулаў, М. Ф. Румянцава (адк. рэд.) [і інш.]. — Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2023. — Т. 1. — С. 229—231.
30. *Глінскі, Я. С.* Працэс аб «нагане шляхецтва» ад 1562 г. і паходжанне зямянскага роду Браневічаў-Бранавіцкіх / Я. С. Глінскі // *Архіварыус*. — 2019. — Вып. 17. — С. 39—57.
31. *Глінскі, Я. С.* Фальсіфікацыі дакументаў аб дваранстве ў Слуцкім павеце Мінскай губерні ў канцы XVIII — першай палове XIX ст. / Я. С. Глінскі // *Беларускі гістарычны часопіс*. — 2018. — № 5. — С. 24—34.
32. *Мацук, А. У.* Павятовыя соймакі ў сацыяльна-палітычным жыцці Вялікага Княства Літоўскага (1697—1764 гг.) : монографія / А. У. Мацук. — Вільня : Еўрап. гуманітар. ун-т ; Logvino literatūros namai, 2023. — 600 с.
33. *Мацук, А. У.* Павятовыя соймакі ў Вялікім Княстве Літоўскім у часы панавання Аўгуста III (1736—1763 гг.) / А. У. Мацук // *Вялікае Княства Літоўскае : сучасныя беларускія даследаванні* / пад рэд. А. Грушы ; Еўрап. гуманітар. ун-т. — Вільнюс, 2024. — С. 141—174.
34. *Улашчык, М. М.* Мемуары і дзённікі як крыніцы гісторыі Беларусі : з рукапіснай спадчыны / М. М. Улашчык. — Минск, 2000. — 86 с.
35. *Мальдзіс, А. І.* Як жылі нашы продкі ў XVIII стагоддзі : эсэ ; Восень пасярод вясны : аповесць, сатканая з гістарычных матэрыялаў і мясцовых паданняў / А. І. Мальдзіс. — Минск : Маст. літ., 2009. — 477 с.
36. *Гудавичюс, Э.* История Литвы. — М. : BALTRUS, 2005. — Т. 1, С древнейших времен до 1569 года. — 679 с.
37. *Пятраўскас, Р.* Літоўская знаць у канцы XIV—XV ст.: склад — структура — улада : пер. з літ. / Р. Пятраўскас. — 2-е выд. — Смаленск : Инбелкульт, 2014. — 385 с.
38. *Historia Litwy* / A. Eidintas [et al.]. — Wilno : Eugrimas, 2013. — 316 s.
39. *Nowosad, W.* Nagana szlachectwa jako czynnik archiwotwórczy na przykładzie archiwum rodziny Kruszyńskich z Nawry / W. Nowosad // *Archiwa — Kancelarie — Zbiory*. — 2008. — Т. II. — С. 191—217.
40. *Frost, R. I.* The European Nobilities in the Seventeenth and Eighteenth Centuries / R. I. Frost ; ed. Hamish M. Scott. — 1st ed. — London : Palgrave, 1994. — Vol. 2, North, East and Central Europe. — P. 266—310; 411—415.
41. *Davies, N.* God's Playground: A History of Poland: In Two Volumes / N. Davies. — Rev. ed. — Oxford : Oxford University Press, 2005. — 2 vol.
42. *Бычкова, М. Е.* Русско-литовская знать XV—XVII вв.: источниковедение, генеалогия, геральдика / сост.: О. И. Хоруженко, Р. Б. Казаков. — М. : Квадрига, 2020. — 368 с.
43. *Dumin, S. W.* Tradycje genealogiczne i legendy rodowe Tatarów litewskich / S. W. Dumin // *Tatarzy Wielkiego Księstwa Litewskiego w historii, języku i kulturze* / pod. red. Joanny Kulwickiej-Kamińskiej i Czesława Łapicza. — Toruń : Towarzystwo Naukowe, 2013. — С. 61—89.

Паступіў у рэдакцыю 27.10.2024.

УДК 930.1

Мохаммед Амир Абдул Джаббар Мохаммед¹,
Т. Т. Кручковский², доктор исторических наук, доцент

Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», ул. Ожешко, 22,
230023 Гродно, Республика Беларусь, ¹+375 (25) 640 59 37, ²+375 (29) 783 72 42,
tkruczkowski@yahoo.com

ЗАРОЖДЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ НА ДРЕВНЕМ ВОСТОКЕ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена малоисследованной в исторической науке проблеме — рассмотрению историографических оценочных подходов применительно к аспекту зарождения и развития исторических знаний на Древнем Востоке. Авторы в историографическом плане рассматривают некоторые выбранные аспекты тематики зарождения исторических знаний на Древнем Востоке.

Актуальность исследуемой проблематики определяется тем, что ее научная разработка способствует осмыслению философско-исторического наследия древних цивилизаций, что, в свою очередь, помогает определению вектора и особенностей развития человечества на современном этапе с позиции цивилизационного подхода. Результаты исследования могут быть использованы для дальнейшей разработки проблематики зарождения и развития исторических знаний на Древнем Востоке, в чем и заключается их практическая значимость.

Отмечаются причины и формы возникновения исторических знаний как восприятие и осмысление человеком прошлого своей истории. Обсуждается проблема места возникновения историописания в связи с античной традицией возникновения истории. Авторы показывают основные историографические теории места и времени зарождения и развития исторических знаний на Древнем Востоке. Выделены основные труды исследователей по заявленной тематике, как русскоязычные, так и западной исторической науки. Показана преемственность и особые черты историографических оценочных подходов по исследуемой тематике.

Ключевые слова: историография; исторические знания; Древний Восток; античность; ассириология; преемственность; традиции историописания; проблема места возникновения историописания.

Библиогр.: 30 назв.

Mohammed Amir Abdul Jabbar Mohammed¹,

T. T. Kruczkowski², Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

Institution of Education “Yanka Kupala State University of Grodno”, 22 Ozheshko Str., 230023 Grodno,
the Republic of Belarus, ¹+375 (25) 640 59 37, ²+375 (29) 783 72 42, tkruczkowski@yahoo.com

THE EMERGENCE OF HISTORICAL KNOWLEDGE IN THE ANCIENT EAST: HISTORIOGRAPHICAL ASPECT

The article is devoted to a little-studied problem in historical science: consideration of historiographical evaluative approaches in relation to the aspect of the emergence and development of historical knowledge in the Ancient East. The author of the article in historiographical terms considers some selected aspects of the topic of the emergence of historical knowledge in the Ancient East.

The relevance of the researched problem is determined by the fact that its scientific development contributes to the understanding of the philosophical and historical heritage of ancient civilizations, which in turn helps to determine the vector and features of human development at the present stage from the standpoint of the civilizational approach. The results of the study can be used for further working-out of the problem of the emergence and development of historical knowledge in the Ancient East, and this is their practical significance.

The reasons and forms of the emergence of historical knowledge as a person's perception and understanding of the past of his history are noted. The problem of the place of the emergence of historiography in connection with the ancient tradition of the emergence of history is discussed. The author of the article shows the main historiographical theories of the place and time of the emergence and development of historical knowledge in the Ancient East. The author highlights the main works of researchers on the stated topic, both Russian-language and Western historical science. The continuity and special features of historiographic evaluative approaches to the topic under study are shown.

Key words: historiography; historical knowledge; Ancient East; antiquity; Assyriology; continuity; traditions of historical writing; problem of the place of emergence of historical writing.

Ref.: 30 titles.

Введение. Современный цивилизационный дискурс делает актуальными исследования по истории Древнего Востока. Как одно из проявлений особенностей цивилизационного развития этого региона следует, на наш взгляд, рассматривать процесс появления и развития исторического знания из мифологии и профессиональных систем.

Историческая наука, как одна из основ гуманитарного знания, отличается рядом специфических черт, одна из которых заключается в том, что историк, как правило, не встречается непосредственно с предметом своего изучения — человеком и человеческим обществом прошлого, а знакомится с ними лишь по оставленным ими следам, т. е. историческим источникам.

Большинство источников, особенно письменные, фиксируют событие или явление уже *post factum*, после того, как оно произошло, что обуславливает неизбежное и необходимое отношение к нему, его осмысление и оценку тем, кто осуществляет фиксацию данного события или явления (ретроспекция познания). Поэтому выявление специфики восприятия и осмысления человеком прошлого своей истории представляет собой важную предпосылку истинности и действенности современной исторической науки, переживающей вместе со всем нашим обществом трудную пору переоценки ценностей. Исходя из этого, следует напомнить мнение одного из ведущих российских историков М. А. Барга, что «человек — существо историческое, которое познает себя только в ходе истории и посредством истории» [1, с. 50].

Как отмечается в научной литературе, история — всегда диалог между настоящим и прошлым, между эпохами и поколениями, и «каждая эпоха выбирает себе в прошлом, иногда осознанно, иногда стихийно, традиции, близкие ей по духу, служащие коррелятом ее опыта» [2, с. 5]. Многие факты — увлеченность восточными религиозно-философскими и эстетическими учениями, популярность восточного словесного и изобразительного искусства и т. д. — говорят о том, что в отличие от человека XVIII—XIX веков, для которого коррелятом его опыта была классическая античность [3, с. 308—324], человек конца XX века в поисках собеседника все чаще обращается к Востоку, особенно к Древнему Востоку.

Заявленная проблематика исследования недостаточно известна в историографии, в том числе русскоязычной. Поискам ответа на вопрос, где родилась история, и рассмотрению античной традиции историописания была посвящена не одна дискуссия ученых, начиная с работ патриарха немецкой классической филологии У. фон Виламовиц-Меллендорфа [4, с. 11]. Среди многочисленных трудов, посвященных этому сюжету, прежде всего следует обратить внимание на труды Ф. Якоби [5], А. Момильяно [6], А. Дж. Вудмана, И. С. Моксона, Дж. Д. Смарта [7], Э. Мараско [8].

Некоторые фрагменты заявленной проблематики отмечались в советской историографии в связи с изучением историографии Древнего Востока. Существенным вкладом является исследование А. И. Немировского [9]. Рассматривая произведения стран Древнего Востока, содержащие сведения по их истории, А. И. Немировский не считал возможным говорить о существовании в этих странах историографии [9, с. 12]. Он в духе советской историографии возражал против утверждений, будто современное понимание истории восходит к ветхозаветным сказаниям, а не к греческой историографии и философии, трактовавшимся уже античными авторами как наука. Так, А. И. Немировский полагал, что историческая мысль хоть и питалась материалом мифов, но начиналась все же с критики мифологического мировоззрения, и корни историографии следует искать в ионийской науке [9, с. 12].

Значительный вклад в изучение ветхозаветных книг Библии сделан советско-израильским ученым И. П. Вейнбергом [10]. Весьма интересна его характеристика историзма ветхозаветных книг Библии в контексте ближневосточного историописания. Автором была создана своеобразная матрица исследования исторических текстов, крайне актуальная сегодня в связи с тем, что она определяет проблемный подход в этом направлении исторической науки, абсолютно не имеющем никаких перспектив в развитии, если по-прежнему центром его внимания будут оставаться отдельные ученые и историографические школы.

Определённые моменты историографического изучения заявленной тематики отмечаются в работах авторов данной статьи [11—13]. Указывается в первую очередь на вклад российской и советской ассириологии.

Недостаточное количество работ историографического характера по проблематике зарождения и развития исторических знаний на Древнем Востоке объясняется также чрезмерной широтой и обилием древних текстов. Даже одних текстов ближневосточного историописания такое множество, что полный охват их практически невозможен. Представляется целесообразным выделить опорные тексты и в качестве таковых выбрать те произведения, которые отличаются информативной насыщенностью и многогранностью [10, с. 15].

Методология и методы исследования. Теоретико-методологические основы статьи опираются на основополагающие, выработанные историческим мышлением принципы и методы научного исследования. Будущее исторической науки будет определяться многообразием методологических подходов и исторических концепций, которые все не смогут претендовать на универсальность [14, с. 41]. Это состояние философии истории и историографии, как одной из форм проявления философского осмысления прошлого, и объясняет, почему в последние десятилетия не появилось принципиально новых концепций исторического процесса [15, с. 48].

В решении поставленных исследовательских задач авторы опирались на основополагающие принципы исторической науки — историзма и объективности, а также ценностный подход. Практическим воплощением вышеназванных принципов в процессе подготовки настоящей работы было применение общенаучных и специально-исторических методов. Методы, применяющиеся в историографии, хоть и используются в других областях исторической науки, но имеют существенную специфику. Наиболее широко используемыми специально-историческими методами являлись: историко-типологический, историко-системный, историко-генетический, историко-сравнительный, ретроспективного и перспективного анализа.

Результаты исследования и их обсуждение. В научной литературе неоднократно отмечалось, что «вопрос о том, когда и где могут быть найдены истоки историографии, есть вопрос исторический», и, каким бы ни был ответ, он не имеет никакого отношения к оценке культуры соответствующего народа [16, с. 83]. Следует заметить, что «исторический интерес сам историчен» [17, с. 38]. Определив исторический интерес как категорию, которая фиксирует две группы отношений, а именно отношения человека к объективной исторической действительности в ее конкретных проявлениях на определенной стадии развития социальных изменений и отношения, выделяемые мышлением в самой действительности в науке, датируем его рождение VI—V веками до н. э. в Греции [17, с. 47].

Сформулированный в начале нашего века патриархом немецкой классической филологии У. фон Виламовиц-Меллендорфом [4, с. 5—6] тезис, что «все наши исторические писания основываются на началах, заложенных греками», доминирует в исторической науке наших дней, особенно в исследованиях античности. В западноевропейской историографической традиции долгое время, вероятно, по причине господствующего европоцентризма доминировала идея о создании исторической науки Древней Грецией. На протяжении почти всего XX века преобладала модель Ф. Якоби [5]. Он выделил пять субжанров античной историографии на основе хронологического принципа: 1) генеалогия/мифография; 2) этнография; 3) история времени; 4) хронография; 5) хорография (местная история). Главное отличие схемы Ф. Якоби: местная история появляется последней как реакция на сочинения Геродота [5]. Для Ф. Якоби и его последователей, т. е. для большинства антиковедов XX века, развитие греческой историографии в значительной мере было связано с личным развитием Геродота от этнографа к историку. Подобную точку зрения высказывают и западные ученые [18, с. 281—284; 19, с. 2—3; 20, с. 336].

Подтверждением этого положения могут также служить слова советского исследователя Э. Д. Фролова: «Надо сразу же и со всей определенностью подчеркнуть, что история как особый вид научного знания или, лучше сказать, творчества была детищем именно античной цивилизации» [21, с. 83].

В научной литературе предмета исследования неоднократно отмечалось, что Древний Восток оказал влияние на формирование древнегреческой историографии. Свидетельства Геродота, Платона, Страбона, Диодора указывают на непосредственное влияние древневосточной культуры на греческую. Однако не влияние и заимствование обусловили возникновение исторической науки в Древней Греции — она явилась результатом сложных процессов этнокультурного и исторического развития греческого народа, самих греческих полисов. Ко времени появления ветхозаветных исторических книг у эллинов имело место этико-художественное восприятие мира у Гомера и рационалистически-религиозное и философское его понимание у Гесиода; сложилась традиция индивидуализированного творческого отношения к прошлой и современной действительности, что нашло свое отражение в циклической поэзии и раннегреческой лирике; в материалистическом и натурфилософском объяснении космоса (т. е. природы и общества) ионийскими философами. Результатом этого и явилось у эллинов циклическое восприятие исторического процесса и историзма и нелинейное понимание исторического времени.

Эти положения присутствовали и в советской историографии, в том числе раннего периода [21]. В советской историографии следует отметить исследование А. И. Немировского «Рождение Клио: у истоков исторической мысли» [9], которое до сих пор остается единственным примером целостного рассмотрения античной традиции историописания. В книге исследованы проблемы возникновения античной историографии и процесс ее развития в закономерных связях с другими литературными и научными формами, в ее обусловленности социальными отношениями и политической борьбой. На основе анализа трудов Гекатея Милетского, Геродота, Фукидида, Аристотеля, Полибия, Саллюстия, Ливия, Тацита, Аммиана Марцеллина делается попытка выявления особенностей и теоретических аспектов античной исторической мысли. А. И. Немировский считал, что родиной исторической науки является именно Древняя Греция. Поводом для написания его монографии являлась довольно напряженная дискуссия о месте зарождения исторической науки.

А. И. Немировский отмечает, что к VI веку до н. э. возникли два противоположных понимания истории: 1) ветхозаветное, библейское, основанное на сугубо религиозном мышлении, религиозно-философском восприятии исторического прошлого и настоящего и на линейном понимании исторического времени; 2) древнегреческое, основанное на светском характере мышления, рационалистически философском объяснении прошлого и настоящего и соответствующем этому объяснению циклическом понимании исторического времени [9].

Греческая модель происхождения исторической науки была подвергнута существенной критике в современной исторической науке, в частности К. Джойс [22]. В настоящее время выдвигается мнение, что годы жизни и деятельности многих греческих историков сомнительны, к тому же путь к «совершенной» историографии, предложенный Ф. Якоби, столь же сомнителен, сколь и античная схема Дионисия Галикарнасского. За 800 лет от Геродота до Евнапия более тысячи античных авторов, о существовании которых известно, написали исторические труды. Так, Ф. Якоби считал, что никакие жанры или авторы не должны быть в привилегированном положении; нужно рассматривать всю совокупность исторических сочинений [5].

Можно утверждать, что в последние десятилетия оформились два подхода к зарождению античной историографии. Сторонники «исторического» подхода продолжают рассматривать античных историков как предшественников современных ученых-историков, заложивших основы метода исследования прошлого. Однако адепты «риторического» подхода считают античных авторов прежде всего писателями, озабоченными литературными («риторическими») достоинствами своих сочинений в гораздо большей степени, нежели поиском исторической истины. А. Момильяно, признавая новизну и обоснованность некоторых

выводов ученых — сторонников «риторического» подхода к античной историографии, все же склоняется к более традиционному, состоящему в том, что современная историческая наука не возникла «из ничего», некоторые методы и подходы античных авторов мало отличаются от методов и подходов современных историков [6].

В западной историографии в середине XX века было распространено утверждение о том, что историческая наука возникла на Древнем Востоке, чему в немалой степени способствовали популярные в начале XX века идеи О. Шпенглера, одного из основоположников философии циклизма [23]. Отказавшись от идеи эволюционного развития, О. Шпенглер рассматривал историю как ряд автономных циклов, культур. Каждая культура, по его мнению, развивается самостоятельно, но, благодаря морфологии культур, можно вскрыть некоторые аналогии и сходства между ними. Характеризуя античную цивилизацию, О. Шпенглер утверждал, что греки были самым аисторичным народом, их мысль была геометрической, визуальной [23, с. 12].

Эту идею подхватили и развили те исследователи, которые, сравнивая греческую историческую мысль с ближневосточной, в частности ветхозаветной, отдавали предпочтение последней [24, с. 15]. Так, нидерландский историк Г. Боман в своей книге «Еврейское мышление в связи с греческим» считал, что грекам не присущ историзм, и даже Фукидид, по его мнению, был далек от него, ибо история понималась им как вечное повторение одних и тех же событий и явлений [25]. Статичности и цикличности греческой мысли Г. Боман противопоставлял поступательный библейский динамизм. Поэтому он считал, что большинство ветхозаветных книг исторично, так как история понимается Библией как движение. Там, где в античности Г. Боман встречал элементы динамики, он приписывал это заимствованию с Востока [24, с. 13].

Показательно, что в настоящее время сторонники зарождения истории в Греции все чаще и чаще признают появление на Древнем Востоке задолго до эллинов сочинений, которые У. фон Виламовиц-Меллендорф [4, с. 5—6] назвал «своего рода хрониками». В свою очередь, Р. Дж. Коллингвуд [26, с. 16—18] определил две разновидности квазиистории — как миф и теократическую историю. Подобную позицию занял советский историк Э. Д. Фролов: «Разумеется, и у других древних народов, и в частности в соседних с греками странах классического Востока, бытовал интерес к прошлому и существовали известные формы фиксации главных, знаменательных событий из этого прошлого... Однако... историописание здесь остановилось на подступах к собственно истории» [21, с. 83].

Отметим, что, по мнению большинства исследователей, «собственно история» в Греции отличалась от «историописания» на Древнем Востоке. Наиболее полное и развернутое суждение на этот счет принадлежит Р. Дж. Коллингвуду [26, с. 20]. Он утверждает, что «из четырех постулируемых им основных признаков истории — история научна, поскольку начинается с постановки вопроса, она гуманистична, поскольку задает вопросы о сделанном людьми, она рациональна, поскольку обосновывает даваемые ею ответы, обращаясь к источнику, и, наконец, она служит самопознанию человека — в древневосточном историописании нет ни одного, следовательно, оно должно быть признано лишь квазиисторией» [26, с. 23]. Подобную точку зрения высказывали и другие западные историки [18, с. 281—284; 19, с. 2—3], а в русскоязычной литературе — А. Ф. Лосев [27, с. 3].

Принципиально важным, по мнению И. П. Вейнберга, является уточнение категориального аппарата, терминологическая ясность и четкость. Историописание, здесь И. П. Вейнберг солидарен с М. А. Баргом [1], «это процесс наделения значением (или, наоборот, отрицания значения) явлений действительности» [10]. Другой важной проблемой, которая должна находиться в поле зрения современного исследователя, является историческая традиция. При этом, по мнению И. П. Вейнберга, следует учитывать, что само возникновение отношения к исторической традиции включает не только осознание факта ее существования, но также понимание необходимости производить при подходе к ней какой-то выбор и проверку (селективно-критическое отношение к источникам: умолчание и модификация) [10].

Развивая этот посыл, И. П. Вейнберг определяет источники, на которых сосредоточивается интерес в изучении историописания. «Это тексты, общим признаком для которых является то, что их основная коммуникативная функция — фиксация, осмысление и оценка событий и явлений прошлого» [10]. Главным критерием отбора «текста» для изучения исторической мысли служат его сосредоточенность на информации о прошлом, объем и значение этой информации в данном «тексте». Изучение исторических текстов должно охватывать их форму и содержание, создание, функционирование, их комплексное рассмотрение с учетом особенностей локальных историописаний в диахронно-синхронистической взаимосвязанности. Важнейшим исследовательским приемом в изучении истории исторического знания, по мнению автора, является системный подход, признающий восприятие прошлого человеком как структуру или подсистему той многосложной системы, какую являет собой общество [10].

Интересная характеристика историзма ветхозаветных книг Библии в контексте ближневосточного историописания дана И. П. Вейнбергом [10]. В труде на материалах позднеегипетских, новоассирийских, нововавилонских, среднеперсидских и ветхозаветных источников раскрываются особенности древневосточной исторической мысли, показаны ее становление и ранний период развития.

В научной литературе утверждается, что к завершающему этапу развития древневосточной литературы принадлежит Библия. В силу своего сравнительно позднего происхождения Библия объединила все, что дали народы Древнего Востока в области осмысления истории, и уже в силу этого продвинула историописание на более высокую ступень. Кроме того, разрушение самостоятельности древнееврейских царств, ассирийское и вавилонское пленения были восприняты древнееврейскими писателями и жрецами как драма всего человечества, требующая не простого пересказа в духе старинных хроник, но религиозно-философского и исторического осмысления [10].

Хрестоматийным стало утверждение У. Э. Ирвина, что «история — та тема, которая всецело пронизывает Ветхий завет», соответствует действительности. Ведь в произведениях ветхозаветного канона развернуто грандиозное историческое полотно — от сотворения мира и человека до времен персидского господства (V век до н. э.). В центре этого полотна — история «своего» народа, но рассмотренная в общемировом масштабе (под «миром», естественно, подразумевался Древний Ближний Восток) [10, с. 19].

Все это позволяет ветхозаветным сочинителям выступать выразителями не только собственной исторической мысли, но в значительной степени отражать также историческую мысль соседних стран и народов. Этому в немалой степени способствовало положение Палестины в самом центре «плодородного полумесяца», постоянная причастность ее к важнейшим событиям и процессам ближневосточной истории, ведь Палестина входила в состав «мировых держав» I тысячелетия до н. э., значительная «открытость» страны и существовавших там обществ, постоянные, зачастую личные контакты с окружающим миром [10, с. 20].

В 1916 году Э. Олмстед опубликовал свое исследование «Ассирийская историография». С тех пор число работ, посвященных восточному историческому описанию или историческому интересу, древневосточной историографии, идее истории, исторической мысли и т. д., быстро увеличивалось и продолжает расти. В них ведутся горячие споры о наличии или отсутствии на Древнем Ближнем Востоке описания истории, исторической мысли, о сущности и особенностях древневосточного восприятия истории. Так, Л. Балл [28, с. 3] категорически утверждает, что нет ни одного текста, который засвидетельствовал бы присутствие у древних египтян идеи истории. Напротив, М. Вернер [29, с. 44] признает наличие в Древнем Египте активного интереса к своему прошлому. В свою очередь, Дж. У. Томпсон утверждал, что ассирийцы были первыми создателями настоящей исторической литературы [30, с. 11].

Заключение. Результатом дискуссий о месте возникновения исторической науки стали два основополагающих оценочных подхода: 1) историческая наука зародилась в античном мире (Греции); 2) историческая наука появилась еще на Древнем Востоке (прежде всего

Месопотамии). Первая концепция долго являлась господствующей в историографии, однако со второй половины XX века на первые позиции стала выходить ближневосточная версия происхождения исторической науки. При этом основные положения этих позиций как противоречили друг другу, так и логично взаимно дополнялись.

Список цитируемых источников

1. Барг, М. А. Эпохи и идеи. Становление историзма / М. А. Барг. — М., 1987.
2. Завадская, Е. В. Восток на Западе / Е. В. Завадская. — М., 1970.
3. Михайлов, А. В. Античность как идеал и культурная реальность XVIII—XIX вв. Античность как тип культуры / А. В. Михайлов. — М., 1988.
4. Wilamowitz-Moellendorf, U. Greek Historical Writing and Apollo / U. Wilamowitz-Moellendorf. — Oxford, 1908.
5. Jacoby, F. Über die Entwicklung der griechischen Historiographie und den Plan einer neuen Sammlung der griechischen Historikerfragmente / F. Jacoby // Klio. — 1909. — Bd. 9. — S. 80—123.
6. Momigliano, A. The Classical Foundation of Modern Historiography / A. Momigliano. — Berkeley, 1990.
7. Woodman, A. J. Past Perspectives: Studies in Greek and Roman Historical Writing / A. J. Woodman, I. S. Moxon, J. D. Smart. — Cambridge, 1986.
8. Marasco, Ed. Greek and Roman Historiography in Late Antiquity. Fourth to Sixth Century A.D. / Ed. Marasco. — Leiden, 2003.
9. Немировский, А. И. Рождение Клио: у истоков исторической мысли / А. И. Немировский. — Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1986. — 351 с.
10. Вейнберг, Й. Рождение истории: Историческая мысль на ближнем Востоке середины I тысячелетия до н. э. / Й. Вейнберг. — URL: <https://www.labyrinth.ru/books/55001/> (дата обращения: 30.04.2024).
11. Мохаммед Амир Абдул Джаббар Мохаммед. Историографическое изучение Древней Вавилонии: периоды и особенности / Мохаммед Амир Абдул Джаббар Мохаммед // Наука и инновации. Современные концепции : сб. науч. ст. по итогам работы междунар. науч. форума. — М., 2024. — Т. 2. — С. 83—90.
12. Мохаммед Амир Абдул Джаббар Мохаммед. Исторические знания в период вавилонского царства в аспекте развития культуры вавилонского общества в оценке советской историографии / Мохаммед Амир Абдул Джаббар Моха // Наука и инновации. Современные концепции : сб. науч. ст. по итогам работы междунар. науч. форума. — М., 2024. — Т. 3. — С. 74—81.
13. Мохаммед Амир Абдул Джаббар Мохаммед. Культура Вавилонского царства в аспекте возникновения и развития исторических знаний в оценке советской историографии (20 — нач. 50-х гг. XX века) / Мохаммед Амир Абдул Джаббар Мохаммед, Т. Т. Кручковский // Вестник БарГУ. Серия «Исторические науки и археология. Экономические науки. Юридические науки». — 2024. — № 1 (15). — С. 55—70.
14. Нечухрин, А. Н. Содержание понятия «кризис историографии» / А. Н. Нечухрин, С. П. Рамазанов // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны : навук. зб. / С. М. Ходзін (адк. рэд.). — Мінск, 2007. — Вып. 3. — С. 35—46.
15. Кручковский, Т. Т. История Польши в концепциях российской историографии XIX — начала XX века : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.09 / Т. Т. Кручковский. — Минск, 2017. — 338 л.
16. Pečírka, J. A Note on the Discussion. Aspects of Ancient Oriental Historiography / J. Pečírka. — Prague, 1975.
17. Ракитов, А. И. Историческое познание. Системно-гносеологический подход / А. И. Ракитов. — М., 1982.
18. Finley, M. I. Myth, Memory and History / M. I. Finley // HaThR. — 1965. — Т. 3.
19. Fritz, K. Die griechische Geschichtsschreibung / K. Fritz. — Berlin, 1967.
20. Miller, P. D. El the Creator of Earth / P. D. Miller. — BASOR, 1980.
21. Фролов, Э. Д. Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли / Э. Д. Фролов. — Л., 1981.
22. Joyce, C. Was Hellanikos the First Chronicler in Athens? / C. Joyce // History. — 1999. — No 3.
23. Шпенглер, О. Закат Европы : в 2 т. / О. Шпенглер. — М., Мысль, 1993.
24. Бобкова, М. С. История исторической мысли: люди и тексты / М. С. Бобкова // Люди и тексты. Исторический альманах. — М., 2011. — С. 9—53.
25. Votan, G. Das hebraische Denken im Vergleich mit den Griechischen / G. Votan. — Göttingen, 1959.
26. Коллингвуд, Р. Дж. Идея истории. Автобиография / Р. Дж. Коллингвуд. — М., 1980.
27. Лосев, А. Ф. Античная философия истории / А. Ф. Лосев. — М., 1977.
28. Bull, L. Ancient Egypt. The Idea of History in the Ancient Near East / L. Bull. — New Haven — London, 1966.
29. Verner, M. The Ancient Egypt Confrontation of Man and Time // Aspects of Ancient Oriental Historiography / M. Verner. — Prague, 1975.
30. Thompson, J. W. A History of Historical Writing I / J. W. Thompson. — New York, 1942.

Поступила в редакцию 21.11.2024.

УДК 902/904(476)(091)''18/19''

В. У. Мядзведзева, кандыдат гістарычных навукДзяржаўная навуковая ўстанова «Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі»,
вул. Акадэмічная, 1, 220072 Мінск, Рэспубліка Беларусь, +375 (33) 668 87 53, olgamedv@history.by

НАВУКОВЫЯ НАПРАМКІ БЕЛАРУСКАЙ АРХЕАЛОГІІ (XIX — ПЕРШАЯ ТРЭЦЬ XX СТАГОДДЗЯ)

У артыкуле прадстаўлены і аналізуюцца навуковыя напрамкі ў беларускай археалагічнай навуцы перыяду XIX — першай трэці XX стагоддзя. Да іх ліку адносяцца: горадазнаўства, краніялогія, архітэктурна-археалагічны, палеалітазнаўства, археазаалогія і археабатаніка. Тэма з'яўляецца вельмі актуальнай на сучасным этапе развіцця беларускай археалагічнай навукі, таму што напрамкі, якія зарадзіліся яшчэ ў XIX стагоддзі, зараз працягваюць актыўна развівацца на высокім навуковым узроўні і з'яўляюцца аднымі з галоўных у беларускай археалогіі, а таксама садзейнічаюць яе далейшаму паспяховаму развіццю. У артыкуле прыведзена вызначэнне напрамкаў, асэнсаванне іх сутнасці, пададзена характарыстыка кожнага напрамку, а таксама прадстаўлена неабходнасць іх далейшай поўнай распрацоўкі, у чым і заключаецца актуальнасць, навуковая навізна і практычная значнасць дадзенай працы.

Ключавыя словы: напрамкі; горадазнаўства; краніялогія; архітэктурна-археалагічны; палеалітазнаўства; археазаалогія; археабатаніка.

Бібліягр.: 45 назваў.

V. U. Medvedeva, Ph. D. in HistoryState Scientific Institution "The Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus",
1 Academic Str., 220072 Minsk, the Republic of Belarus, +375 (33) 668 87 53, olgamedv@history.by

SCIENTIFIC DIRECTIONS OF BELARUSIAN ARCHAEOLOGY (XIX — FIRST QUARTER OF THE XX CENTURY)

The article presents and analyzes scientific trends in the Belarusian archaeological science of the period of the 19th — the first third of the 20th century. Among them are the following areas: urban history, craniology, architectural and archeology, paleolithic studies, archaeozoology and archaeobotany. The topic is very relevant at the current stage of the development of Belarusian archaeological science, because the directions, some of which originated as early as the 19th century, now continue to actively develop at a high scientific level and are among the main ones in Belarusian archeology, and also contribute its further successful development. In the article, the directions are defined, their essence is understood, and the characteristics of each direction are given, as well as the need for their further full development is presented, which is the relevance, scientific novelty, and practical significance of this work.

Key words: directions; urban studies; craniology; architectural and archaeological; paleolithic studies; archaeozoology; archaeobotany.

Ref.: 45 titles.

Уводзіны. У гісторыі развіцця беларускай археалагічнай навукі да гэтага часу былі разгледжаны і прааналізаваны многія пытанні. Аднак рознабаковыя навуковыя напрамкі толькі закраналіся асобнымі даследчыкамі, падрабязна і дасканалы яны не вывучаліся. Таму мэтай дадзенага артыкула з'яўляецца вылучэнне, апісанне і абагульненне кожнага з напрамкаў у беларускай археалогіі. Пачаткі навуковых напрамкаў у археалагічнай навуцы Беларусі вядомы з XIX стагоддзя (горадазнаўства і краніялогія). Асноўныя напрамкі пачалі зараджацца толькі ў 20—30-я гады XX стагоддзя (архітэктурна-археалагічны, палеалітазнаўства, археазаалогія, археабатаніка).

Матэрыялы і метады даследавання. Даследаванне грунтуецца на шматлікіх археалагічных, архітэктурна-археалагічных, гістарычных матэрыялах і працах беларускіх, рускіх

і польскіх даследчыкаў, праведзеных імі і ўведзеных у навуковы абарот на працягу XIX — першай трэці XX стагоддзя. У артыкуле выкарыстаны агульнанавуковыя і гістарычныя метады: сінтэз, апісанне, аналіз, а таксама тыпалагічны, параўнальны, сістэмны.

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне. Адзін з першых навуковых напрамкаў беларускай археалагічнай навукі — горадазнаўства (гарадская археалогія) распрацоўваецца з 20-х гадоў XIX стагоддзя. Археалаг, этнограф З. Даленга-Хадакоўскі ўпершыню выявіў і абследаваў старажытныя гарадзішчы ў Віцебску, Полацку, Брэсце, Магілёве, Гомелі, Тураве, Ваўкавыску, зрабіў іх замалёўкі [1].

Пачынаючы з 80—90-х гадоў XIX стагоддзя, вывучэнне гарадоў звязана з імёнамі рускага гісторыка, археолага М. П. Авенарыуса і беларускага археолага, этнографа Е. Р. Раманава. М. П. Авенарыус у 1880-я гады ў Драгічыне на р. Буг адкрыў і абследаваў старажытнае гарадзішча, сабраў калекцыю свінцовых пломбаў, якія перадаў у Імператарскую археалагічную камісію [2, с. 3—42].

Е. Р. Раманаў першым пачаў праводзіць археалагічныя даследаванні гарадоў, у прыватнасці Лукомля і яго манастыра (1880-я гады). У 1886 годзе правёў невялікія раскопкі на гарадзішчы і Замкавай гары ў Магілёве. У 1894 годзе абследаваў дзядзінец Віцебска, дзе сабраў багаты археалагічны матэрыял, а ў 1895-м праводзіў раскопкі Замкавай гары [3, с. 6; 4].

Справу Е. Р. Раманава ў другой палове 1920-х — пачатку 1930-х гадоў працягвалі беларускія археолагі А. М. Ляўданскі, С. А. Дубінскі, А. Д. Каваленя і інш. Археалагічныя абследаванні, шурфоўкі, раскопкі праводзіліся ў Заслаўі, Оршы, Барысаве, Полацку, Віцебску (А. М. Ляўданскі), Чачэрску, Рагачове, Магілёве (А. М. Ляўданскі, С. А. Дубінскі, А. Д. Каваленя), Гарадку (А. М. Ляўданскі, А. Д. Каваленя), Слуцку, Лепелі (С. А. Дубінскі), Тураве, Лукомлі, Друцку (А. Д. Каваленя), Магілёве (В. Р. Тарасенка), Гомелі і Брагіне (І. Х. Юшчанка), Мсціслаўлі (Я. Г. Вяржбіцкі), Глуску (А. І. Рынейскі, М. М. Канвісараў).

У 1926 годзе даследаваліся Мінск, Заслаўе, Гомель. У Мінску археалагічны нагляд пры земляных працах на Ніжнім рынку і Нямізе рабіў Д. І. Даўгяла. У траншэях зафіксаваны насцілы драўляных маставых і сабраны археалагічныя артэфакты, па якіх выяўлены слой датаваўся XVI—XVIII стагоддзямі. А. М. Ляўданскі праводзіў раскопкі на гарадзішчы «Замэчак» і ўмацаванні «Вал» у Заслаўі, знайшоў шматлікія матэрыялы, характэрныя для сярэднявечнага горада. У Гомелі І. Х. Юшчанка правёў шурфоўкі на гарадзішчы, дзе выявіў культурны пласт з ляпной і ганчарнай керамікай [5, с. 3; 6, с. 1—92; 7, с. 513—515].

У 1927 годзе студэнты гістарычнага факультэта БДУ А. Д. Каваленя, С. С. Шутаў праводзілі археалагічныя працы на гарадзішчы Турава. Яны заклалі два шурфа і атрымалі матэрыялы, характэрныя для старажытнага горада [8, с. 373—374].

Асноўная большасць гарадоў абследавана ў 1928 годзе, у некаторых праведзены археалагічныя раскопкі. Экспедыцыя ў складзе А. М. Ляўданскага, С. А. Дубінскага, А. Д. Кавалені і І. І. Рытар праводзіла працы на гарадзішчах Оршы, Віцебска, Полацка, Барысава, Магілёва, Чачэрска. Акрамя гарадзішчаў у Віцебску даследаваны Верхні і Ніжні замкі, у Полацку — Верхні і Ніжні замкі, Запалоцце. Я. Г. Вяржбіцкі ў гэты год абследаваў гарадзішча ў Мсціслаўлі [9, с. 36—44; 10, с. 93—94; 11, с. 161—172].

У 1929 годзе А. М. Ляўданскі і С. А. Дубінскі ажыццявілі невялікія раскопкі на гарадзішчах у Слуцку і Тураве і выявілі розныя артэфакты, характэрныя для гарадской культуры [12, с. 511].

У 1930 годзе таксама былі праведзены археалагічныя даследаванні ў некаторых гарадах (Лукомль, Друцк, Магілёў, Рагачоў, Брагін). А. Д. Каваленя даследаваў гарадзішчы ў Лукомлі і Друцку, В. Р. Тарасенка ажыццявіў невялікія раскопкі ў Магілёве на Пелагееўскім гарадзішчы. А. М. Ляўданскі і С. А. Дубінскі правялі раскопкі на гарадзішчы «Замкавая гара» ў Рагачове, І. Х. Юшчанка абследаваў гарадзішча ў Брагіне [13, с. 188—195; 14, с. 232; 15, с. 238; 16, с. 241—242].

У 1931 годзе комплекснай экспедыцыяй БАН у складзе А. М. Ляўданскага, С. А. Дубінскага, А. Д. Кавалені, В. Д. Дружыца і іншых даследчыкаў пры правядзенні археалагічных прац абследавана гарадзішча ў Лепелі [14, с. 233].

Горадазнаўства ў 1920—1930-я гады актыўна развівалася і на тэрыторыі Заходняй Беларусі, якая ўваходзіла ў склад Польшчы. Польскія і беларускія навукоўцы, краязнаўцы (Я. Альхімовіч, В. В. Іадкоўскі, З. Дурчэўскі, Р. Якімовіч, Я. І. Пастэрнак і інш.) праводзілі археалагічныя працы ў Друі, Ваўкавыску, Гродне, Давыд-Гарадку, Брэсце.

У 1920-я гады краязнаўца Я. Альхімовіч праводзіў раскопкі ў Друі і выявіў сляды абарончага вала ад р. Друікі да плошчы святых Пятра і Паўла, зрабіў яго прарэзку. У 1925 годзе дырэктар Гродзенскага музея, археолаг В. В. Іадкоўскі ажыццявіў раскопкі ў Ваўкавыску на замчышчы і Шведскай гары, выказаў меркаванне, што старажытны горад зарадзіўся ў гэтых месцах. У 1932—1935 гадах ён правёў археалагічныя працы ў Гродне: на Замкавай гары выявіў княжацкі церам і рэшткі дзвюх цэркваў, на Каложскім пасадзе даследаваў Барыса-Глебскую царкву [17; 18, с. 1—17; 19].

На працягу 1937—1939 гадоў раскопкамі на Замкавай гары Гродна і дзядзінцы на захад ад Ніжняй царквы кіраваў польскі археолаг З. Дурчэўскі. На дзядзінцы ўскрыта частка драўлянай забудовы XII—XV стагоддзяў, выяўлены розныя археалагічныя артэфакты [20].

У 1936 годзе у Давыд-Гарадку на Замкавай гары капалі катлаван для пабудовы царквы і выявілі драўляныя збудаванні, труны. Першым абследаваў на замчышчы выяўленыя пахаванні дырэктар Беларускага музея ў Вільні А. І. Луцкевіч. Інфармацыя аб працах была надрукавана ў прэсе, на яе звярнуў увагу дырэктар Варшаўскага археалагічнага музея Р. І. Якімовіч. У 1937—1938 гадах ён правёў у Давыд-Гарадку археалагічныя раскопкі. У выніку адкрыта 12 драўляных збудаванняў, вывучаны абарончы вал, замкавая капліца, 23 труны [21, с. 112—116; 22].

У канцы 1930-х гадоў інжынер Гучазмін кіраваў раскопкамі на тэрыторыі Брэсцкай крэпасці. Нагляд за працамі праводзіў падпалкоўнік войска польскага Т.-М. Жук-Рыбіцкі. У 1938 годзе ён правёў раскопкі ў Брэсце, дзе выявіў кладку з валуноў і драўляныя канструкцыі [23, с. 171—177].

Краніялогія. «Краніялогія (ад грэч. *kranion* — чэрап + *logos* — навука) — раздзел анатоміі чалавека і жывёл, які вывучае індывідуальныя і групавыя варыяцыі памераў, формы чэрапа і асобных яго частак.» [24, с. 463].

У XIX стагоддзі зарадзіўся і краніялагічны напрамак. З'яўленне яго звязана з імёнамі рускіх навукоўцаў: заолага, палеантолага С. С. Куторгі і антраполога, этнографа У. М. Майнова. С. С. Куторга ў 1842 годзе на тэрыторыі Мінскай губерні выявіў два чалавечыя чарапы каменнага веку. Даследаваў іх і надрукаваў грунтоўныя артыкулы, адзін быў апублікаваны ў нямецкім часопісе. Гэта былі першыя працы краніялагічнага напрамку па беларускіх матэрыялах. У. М. Майноў вывучаў чарапы з археалагічных раскопак Е. Р. Раманава ў 1870-х гадах на тэрыторыі Віцебскай губерні [25, с. 466; 26, с. 35—39; 27, с. 118—119].

«Калекцыі краніялагічных матэрыялаў са старажытных пахаванняў на тэрыторыі Беларусі пачалі стварацца ў 2-й пал. XIX ст. Частка іх захавалася ў НДІ і Музеі антрапалогіі пры Маскоўскім ун-це (160 чарапоў), у Вільнюскім (67) і Кракаўскім Ягелонскім (81) ун-тах. У 1920-я гг. матэрыялы з раскопак А. М. Ляўданскага і І. А. Сербавы ляглі ў аснову першай краніялагічнай калекцыі БелАН, якая налічвала звыш 100 чарапоў з курганных пахаванняў 10–13 стст. полацкіх крывічоў, дрыгавічоў, радзімічаў і ўпершыню даследавана ў 1932 г. Г. Ф. Дзэбецам.» [24, с. 464].

Асновы краніялагічнага напрамку ў сучаснай археалагічнай навуцы Беларусі заклалі ў 1920—1930-я гады беларускі антраполог А. А. Смірноў і рускі антраполог, прафесар Г. Ф. Дзэбец. А. А. Смірноў вывучаў чарапы з археалагічных раскопак курганных могільнікаў на Міншчыне і Магілёўшчыне А. М. Ляўданскага і І. А. Сербавы. Г. Ф. Дзэбец апрацоўваў краніялагічныя матэрыялы з даследаванняў А. М. Ляўданскага ў Заслаўі і Барысаве, С. А. Дубінскага (курганныя могільнікі каля Заслаўя), І. А. Сербавы (курганы каля Мінска і на Магілёўшчыне). Навуковец збіраў і ў этнагенетычным плане даследаваў матэрыялы пра старажытнае насельніцтва Беларусі X—XIII стагоддзяў [28, с. 69—80; 29, с. 93—95].

У 1920—1930-я гады ў археалагічнай навуцы Беларусі ўпершыню пачалі распрацоўвацца новыя навуковыя напрамкі: архітэктурна-археалагічны, палеалітазнаўства, палеанталогія (археазаалогія і археабатаніка).

Архітэктурна-археалагічны напрамак. У 1920-я гады заснаваны новы навуковы напрамак — архітэктурна-археалагічны. Аднак помнікі архітэктурны вывучаліся археолагамі з 1910-х гадоў. На працягу 1913—1914 гадоў В. В. Іадкоўскі праводзіў даследаванні архітэктурных аб'ектаў у Гродне, Лідзе, Міры, Крэве, Сынкавічах [30, с. 59—72].

У 1920—1930-я гады помнікі старажытнай беларускай архітэктурны даследавалі ў Віцебску, Полацку (І. М. Хозераў, М. М. Шчакаціхін, А. М. Ляўданскі) і Навагрудку, Гродне, Крэве (Е. Рэмер, Р. Гюртлер, О. Сасноўскі, Я. Бароўскі, В. В. Іадкоўскі, З. Дурчэўскі, Я.-М. Вайцяхоўскі).

У Полацку ў 1926 годзе І. М. Хозераў і М. М. Шчакаціхін праводзілі даследаванні Сафійскага сабора і абследавалі верхнія часткі Спаскай царквы. У 1928 годзе І. М. Хозераў правёў раскопкі Барысаглебскай і Пятніцкай цэркваў, Бельчыцкага Барысаглебскага манастыра, зрабіў абмеры ўцалелых рэшткаў храмаў, сфатаграфаваных і замаляваных фрэскавую размаляўку помнікаў [31, с. 277—292]. У тым годзе А. М. Ляўданскі з калегамі праводзіў абследаванні на тэрыторыях Спаса-Еўфрасінеўскага і Барысаглебскага манастыроў [11, с. 170].

Вялікая ўвага архітэктурна-археалагічным працам надавалася і на тэрыторыі Заходняй Беларусі. У 1920-я гады варшаўскі архітэктар-кансерватар Е. Рэмер правёў даследаванні на Замкавай гары ў Навагрудку, дзе адкрыў падмуркі дзвюх вежаў і прасла сцяны паміж імі. Архітэктурна-археалагічныя працы ў горадзе адноўлены ў 1930—1931 гадах пад кіраўніцтвам польскага інжынера і архітэктара Р. Гюртлера. У 1929—1933 гадах у Гродне польскі прафесар архітэктурны О. Сасноўскі праводзіў рэканструкцыю Фары Вітаўта, Стары замак у 1936 годзе даследаваў польскі рэстаўратар Я.-М. Вайцяхоўскі. У 1930—1931 гадах кансерватар помнікаў архітэктурны Я. Бароўскі кіраваў археалагічнымі працамі ў в. Крэва. Даследчык вывучаў старажытныя палацы ў Лявонпалі, Германавічах, Гняздзілаве Дзісенскага павету і інш. Ён таксама зрабіў кансервацыю замкаў на тэрыторыях Віленшчыны і Навагрудчыны [32, с. 520—531; 33, с. 163; 34, с. 181—190; 35, с. 119—142].

Пасля праведзеных даследаванняў у беларускіх гарадах былі падведзены першыя вынікі па вывучэнні такіх перспектывных напрамкаў, як горадазнаўства і архітэктурна-археалагічны. А. М. Ляўданскім была пададзена першая і найбольш поўная гістарычная тапаграфія Полацка, выказаны правільныя меркаванні аб яго дзядзінцы і рамесным пасадзе, а таксама прыведзены невядомыя звесткі аб помніках архітэктурны — Сафійскім саборы і Бельчыцкіх храмах. Даследчык першым выказаў думку, што гарадзішча Віцебска пабудавана ў дафеадальны час. На тэрыторыях даследаваных гарадоў выяўлены старажытныя культурныя слаі, а таксама асветлены пытанні гістарычнай тапаграфіі і іншыя моманты.

Палеалітазнаўства. На тэрыторыі Беларусі ў XIX стагоддзі выяўлены археалагічныя помнікі каменнага веку: эпох мезаліту і неаліту. Аднак да 1920-х гадоў невядома ніводнай стаянкі эпохі палеаліту. У канцы XIX стагоддзя Е. Р. Раманаў выказаў меркаванне, што тэрыторыя Беларусі была заселена чалавекам з палеалітычнай эпохі [4].

У другой палове 1920-х гадоў беларускі археолаг К. М. Палікарповіч упершыню адкрыў помнікі эпохі палеаліта ў Гомельскай вобласці. У 1926 годзе даследчык знайшоў першую стаянку каля в. Бердыж Чачэрскага раёна, а ў 1928-м выявіў стаянку каля мястэчка Юравічы Калінкавіцкага раёна [36, с. 358—360; 37, с. 123—252]. З гэтага часу пачалася распрацоўка такога напрамку, як палеалітазнаўства.

У 1927 годзе Інбелкульт арганізаваў комплексную экспедыцыю па вывучэнні Бердыжскай стаянкі. Узначаліў яе расійскі археолаг з Дзяржаўнай акадэміі гісторыі матэрыяльнай культуры С. М. Замятнін. У склад экспедыцыі ўваходзілі беларускія і расійскія даследчыкі: К. М. Палікарповіч, С. А. Дубінскі, С. С. Шутаў, І. Х. Юшчанка, Г. Ф. Мірчынк. С. М. Замятнін упершыню датаваў стаянку верхнепалеалітычным часам, вызначыў яе роднасць да культур касцёнкаўска-вілендорфскага кола і зрабіў выснову аб заляганні стаянкі *in situ* [38, с. 479—490].

У 1928—1929, 1938—1939 гадах К. М. Палікарповіч кіраваў Бердыжскай палеалітычнай экспедыцыяй, у 1929 і 1931 гадах раскопваў Юравіцкую палеалітычную стаянку. Пры раскопках гэтых стаянак навуковец атрымаў багаты археалагічны матэрыял. Сабраныя дадзеныя далі падставу ўпершыню выказаць думку аб засяленні першабытным чалавекам тэрыторыі сучаснай Беларусі ў эпоху сярэдняга палеаліту [39, с. 227—230].

Зараджэнне палеанталагічнага (археазаалагічнага, археабатанічнага) напрамку ў беларускай археалогіі звязана з імёнамі В. І. Громава, К. А. Фляксбергера.

Археазаалогія. «Археазаалогія (ад грэч. *archaios* — старажытны + *zōon* — жывёла + *logos* — слова, вучэнне) — навуковая галіна, якая вывучае фаўністычныя рэшткі з археалагічных помнікаў. ...Рэшткі млекакормячых з археалагічных помнікаў Беларусі ад палеаліту да сярэднявечча з 1930-х гг. вывучалі расійскія даследчыкі В. Я. Гарут, В. І. Громаў.» [40, с. 43].

Трэба адзначыць, што касцяныя рэшткі вымерлых жывёл на тэрыторыі Беларусі пачалі збіраць у XVIII стагоддзі. Актыўна гэты працэс працягваўся ў XIX стагоддзі і асабліва ў першай чвэрці XX стагоддзя. Да 1930-х гадоў выяўлена і нанесена на карту 101 месцазнаходжанне рэштак касцей чацвярцічных жывёл (40 месцаў абследаваны) [41, с. 167—185].

Рускі заолаг, палеантолаг В. І. Громаў у 1920-х гадах апрацоўваў фаўністычны матэрыял, здабыты пры даследаваннях стаянкі каля в. Бердыж. Даследчык таксама вывучаў астэалагічны матэрыял з іншых археалагічных помнікаў Беларусі [42, с. 7—30; 43, с. 213—217].

Археабатаніка. «Археабатаніка (ад грэч. *archaios* — старажытны + *botanikē* ад *botanē* — трава, расліна) — навука, якая вывучае рэшткі расліннага паходжання з раскопак помнікаў археалогіі: абпаленае збожжа, адбіткі раслін на кераміцы, матэрыялы, атрыманыя ў выніку флатацыі культурнага пласта.» [44, с. 43].

Асновы археабатанічнага напрамку беларускай археалагічнай навукі заклаў рускі батанік К. А. Фляксбергер. Ён вывучаў гісторыю культурных злакаў, займаўся навуковай класіфікацыяй і сістэматызацыяй сартоў пшаніцы, у тым ліку па беларускіх археалагічных матэрыялах. У 1920—1930-я гады даследчык першым пачаў апрацоўваць археабатанічныя даныя па земляробству з археалагічных раскопак на Беларусі. У прыватнасці, ён даследаваў зёрны (пшаніцу, авёс, жыта і інш.) з раскопак С. А. Дубінскага на Банцараўскім гарадзішчы каля Мінска ў 1926—1928 гадах [45, с. 163—166].

Заклучэнне. Першыя навуковыя напрамкі ў археалагічнай навуцы Беларусі ўпершыню зародзіліся яшчэ ў XIX стагоддзі, гэта былі горадазнаўства і краніялогія, якія атрымалі далейшае развіццё ў 1920—1930-я гады. Тады ж з'явіліся новыя навуковыя напрамкі: архітэктурна-археалагічны, палеалітазнаўства, археазаалогія, археабатаніка. Адным з першых і найбольш значных да цяперашняга часу навуковых напрамкаў у беларускай археалагічнай навуцы з'яўляецца горадазнаўства. Пачынаючы яшчэ з XIX стагоддзя, археолагамі праводзіліся абследаванні і невялікія раскопкі ў некаторых беларускіх гарадах: Віцебску, Полацку, Магілёве, Драгічыне і інш. У першай трэці XX стагоддзя рознабаковыя археалагічныя даследаванні былі выкананы ўжо ў многіх гарадах: Друі, Оршы, Віцебску, Полацку, Заслаўі, Ваўкавыску, Гродне, Давыд-Гарадку, Брэсце і г. д. Побач з горадазнаўствам стаіць і архітэктурна-археалагічны напрамак, які актыўна развіваўся ў XX стагоддзі (Полацк, Гродна, Ліда, Мір, Крэва, Навагрудак і інш.), паспяхова архітэктурныя помнікі даследуюцца археолагамі і ў XXI стагоддзі. Вельмі значнымі для беларускай археалогіі з'яўляюцца такія напрамкі, як палеалітазнаўства, археазаалогія, археабатаніка, краніялогія. Асабліва шырокае і ўсебаковае даследаванне ў гэтых накірунках пачалося ў 1970-я гады і актыўна працягвае развівацца на сучасным этапе археалагічных даследаванняў, што ў поўнай меры садзейнічае далейшаму паспяховаму развіццю беларускай археалагічнай навукі.

Спіс цытаваных крыніц

1. Донѣсеніе о первыхъ успѣхахъ путешествія въ Россіи Зоріана Долуга-Ходаковского изъ Москвы 13-го Липца 1822-го // Русскій историческій сборникъ. — М., 1844. — Т. 7. — 378 с.
2. *Авенариус, Н. П.* Дрогичинь Надбужскій и его древности / Н. П. Авенариус // Матеріалы по археологіи Россіи. — СПб., 1890. — Т. 1, вып. 1. № 4. — С. 3—42.
3. *Н. Б.* Раскопки Замковой горы / Н. Б. // Витебскія губернскія вѣдомости. — 1895. — № 62. — С. 6.
4. *Романовъ, Е. Р.* Къ археологіи Сѣверо-Западнаго края Россіи / Е. Р. Романовъ. — Вильна : Тип. А. Г. Сыркина, 1911. — 18 с.
5. *Даўяла, З.* Стары Менск / З. Даўяла // Звезда. — 1926. — № 207. — С. 3.
6. *Ляўданскі, А. Н.* Археолёгічныя раскопкі ў м. Заслаўі Менскай акругі / А. Н. Ляўданскі // Запіскі аддзелу гуманітарных навук / Ін-т беларус. культуры. — Менск, 1928. — Т. I, кн. 5 : Працы катэдры археолёгіі. — С. 1—92.
7. *Юшчанка, І. Х.* Археолёгічныя досьледы ў Гомельскай акрузе / І. Х. Юшчанка // Запіскі аддзелу гуманітарных навук / Беларус. акад. навук. — Менск, 1930. — Т. II, кн. 11 : Працы археолёгічнай камісіі. — С. 513—515.
8. *Каваленя, А. Д.* Матар'ялы з дагісторыі Тураўшчыны / А. Д. Каваленя, С. С. Шутаў // Запіскі аддзелу гуманітарных навук / Беларус. акад. навук. — Менск, 1930. — Т. II, кн. 11 : Працы археолёгічнай камісіі. — С. 339—378.
9. *Ляўданскі, А. Н.* Археолёгічныя досьледы ў Аршанскай акрузе / А. Н. Ляўданскі // Запіскі аддзелу гуманітарных навук / Беларус. акад. навук. — Менск, 1930. — Т. II, кн. 11 : Працы археолёгічнай камісіі. — С. 31—45.
10. *Ляўданскі, А. Н.* Археолёгічныя досьледы ў Віцебскай акрузе / А. Н. Ляўданскі // Запіскі аддзелу гуманітарных навук / Беларус. акад. навук. — Менск, 1930. — Т. II, кн. 11 : Працы археолёгічнай камісіі. — С. 93—104.
11. *Ляўданскі, А. Н.* Археолёгічныя досьледы ў Полацкай акрузе / А. Н. Ляўданскі // Запіскі аддзелу гуманітарных навук / Беларус. акад. навук. — Менск, 1930. — Т. II, кн. 11 : Працы археолёгічнай камісіі. — С. 157—198.
12. *Дубінскі, С. А.* Досьледы культур жалезнага пэрыоду па БССР у 1929 г. / С. А. Дубінскі // Запіскі аддзелу гуманітарных навук / Беларус. акад. навук. — Менск, 1930. — Т. II, кн. 11 : Працы археолёгічнай камісіі. — С. 510—513.
13. *Каваленя, А. Д.* Археолёгічныя росшукі ў вярхоўях рэк Друці, Усяж-Бук і Лукомкі / А. Д. Каваленя // Працы сэкцыі археолёгіі / Беларус. акад. навук, Ін-т гісторыі. — Менск, 1932. — Т. III. — С. 187—196.
14. *Ляўданскі, А. Н.* Кароткае паведамленьне аб досьледах культур эпохі жалеза ў БССР ў 1930—1931 гг. / А. Н. Ляўданскі // Працы сэкцыі археолёгіі / Беларус. акад. навук, Ін-т гісторыі. — Менск, 1932. — Т. III. — С. 230—235.
15. *Тарасенка, В. Р.* Археолёгічная праца на Магілёўшчыне ў 1930 г. / В. Р. Тарасенка // Працы сэкцыі археолёгіі / Беларус. акад. навук, Ін-т гісторыі. — Менск, 1932. — Т. III. — С. 237—239.
16. *Юшчанка, І. Х.* Археолёгічнае абсьледаваньне р. Брагінкі (вадазбор ніжняй Прыпяці) / І. Х. Юшчанка // Працы сэкцыі археолёгіі / Беларус. акад. навук, Ін-т гісторыі. — Менск, 1932. — Т. III. — С. 241—242.
17. *Jodkowski, J.* Grodzisko Wołkowyskie / J. Jodkowski. — Grodno : Muzeum w Grodnie, 1925. — 43 s. : 17 il.
18. *Jodkowski, J.* Grodno wczesnośredniowieczne w świetle prac wykopaliskowych dokonanych na Królewskim zamku Starym w Grodnie w latach 1932 i 1933 / J. Jodkowski // Przegląd historyczno-wojskowy. — 1934. — Т. 7, з. 1. — С. 1—17.
19. *Jodkowski, J.* Świątynia warowna na Koloży w Grodnie: w świetle badań archiwalnych i archeologicznych, dokonanych w 1935 r. / J. Jodkowski. — Grodno : Graf. L. Mejłachowicza, 1936. — 70 s. : il.
20. *Durczewski, Z.* Stary Zamek w Grodnie w świetle wykopalisk dokonanych w latach 1937—1938 / Z. Durczewski. — Grodno : Wojewódzki Komitet, 1939. — 16 s.
21. *Луцкевіч, А. І.* Княжыя магілы ў Давыд-Гарадку / А. І. Луцкевіч // Калоссе. — 1937. — № 2. — С. 112—116.
22. *Jakimowicz, R.* Dawidgródek / R. Jakimowicz. — Pińsk : Polskie Towarzystwa Krajoznawcze, 1939. — 45 s.
23. *Півавэрчык, С. А.* Невядомыя раскопкі Брэста ў 1938 г. / С. А. Півавэрчык // Гістарычна-археалагічны зборнік / Нац. акад. навук, Ін-т гісторыі. — Мінск, 1999. — № 14. — С. 171—177.
24. *Кушнір, А. І.* Краніялогія / А. І. Кушнір // Археалогія Беларусі : энцыклапедыя : у 2 т. / рэдкал.: Т. У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. — Мінск, 2009. — Т. 1. — С. 463—464.
25. *Куторга, С. С.* Записка о двухъ плосколобыхъ черепахъ изъ древнихъ кургановъ Минской губерніи / С. С. Куторга // Ведомости. — 1843. — № 100. — С. 466.
26. *Kutorga, S.* Notiz über zwei Menschen — Schodel aus dem Gouvernement Minsk / S. Kutorga // Verhandlungen der Russisch kais erlichen Mineralogischen Gesellschaft zu St.-Petersburg. — 1842. — S. 35—39.
27. *Майновъ, В. Н.* Описание череповъ изъ кургановъ Витебской губ. / В. Н. Майновъ // Извѣстія Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи. — М., 1879. — Т. II. — С. 118—119.

28. Дзэбеч, Г. Чарапы Люцынскага магільніку і старажытных славян Беларусі і месца апошніх у палеантропалогіі Ўсходняй Эўропы / Г. Дзэбеч // Працы сэкцыі археалёгіі / Беларус. акад. навук, Ін-т гісторыі. — Менск, 1932. — Т. III. — С. 69—80.
29. Сьмірноў, А. А. Асноўныя дэямэтры і тып сэрыі чарапоў курганнага пэрыяду / А. А. Сьмірноў // Запіскі аддзелу гуманітарных навук / Ін-т беларус. культуры. — Менск, 1928. — Т. I, кн. 5 : Працы катэдры археалёгіі. — С. 93—95.
30. Иодковский, О. О. Замокъ въ Мире / О. О. Иодковский // Древности. — 1915. — Т. 6. — С. 59—72.
31. Хозераў, І. Да пытаньня аб Спасаўскай царкве ў Полацку / І. Хозераў // Гістарычна-археалёгічны зборнік / Ін-т беларус. культуры. — Менск, 1927. — № 1. — С. 277—292.
32. Кансервацыйныя работы на Замкавай гары ў Навагрудку. Агульная справаздача // ARCHE. Пачатак. — 2014. — № 4. — С. 520—531.
33. Lorentz, S. Konserwacja ruin zamków w Wileńszczyźnie i Nowogródzczyźnie / S. Lorentz // Ochrona zabytków sztuki. — 1931. — Z. 1-4. — S. 163.
34. Raboty konserwatorskie na górze Zamkowej w Nowogródku // Ochrona zabytków sztuki, — 1931. — Z. 1-4. — S. 181—190.
35. Wojciechowski, J. Stary zamek w Grodnie / J. Wojciechowski // Biuletyn historii sztuki i kultury. — 1938. — R. VI, № 2. — S. 119—142.
36. Даўгяла, З. Знаходка палеалітычнае стаянкі ў Беларусі / З. Даўгяла // Гістарычна- археалёгічны зборнік / Ін-т беларус. культуры. — Менск, 1927. — № 1. — С. 358—360.
37. Палікарповіч, К. М. Дагістарычныя стаянкі сярэдняга і ніжняга Сажа (па досьледах 1926 г.) / К. М. Палікарповіч // Запіскі аддзелу гуманітарных навук / Ін-т беларус. культуры. — Менск, 1928. — Т. I, кн. 5 : Працы катэдры археалёгіі. — С. 123—252.
38. Замятнін, С. М. Раскопкі Бердыскай палеалітычнай стаянкі ў 1927 г. / С. М. Замятнін // Запіскі аддзелу гуманітарных навук / Беларус. акад. навук. — Менск, 1930. — Т. II, кн. 11 : Працы археалёгічнай камісіі. — С. 479—490.
39. Палікарповіч, К. М. Досьледы культур каменнага і бронзавага пэрыодаў у БССР у 1930—1931 гг. / К. М. Палікарповіч // Працы сэкцыі археалёгіі / Беларус. акад. навук, Ін-т гісторыі. — Менск, 1932. — Т. III. — С. 227—230.
40. Разлуцкая, А. А. Археазаалогія / А. А. Разлуцкая // Археалогія Беларусі : энцыклапедыя : у 2 т. / рэдкал.: Т. У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. — Мінск, 2009. — Т. 1. — С. 43—44.
41. Палікарповіч, К. М. Знаходкі рэштак чацьвярцэвай фаўны на тэрыторыі БССР / К. М. Палікарповіч // Працы сэкцыі археалёгіі / Беларус. акад. навук, Ін-т гісторыі. — Менск, 1932. — Т. III. — С. 167—185.
42. Громаў, В. І. Фаўна Бердыскай палеалітычнай стаянкі (па раскопках 1926—1927 гг.) / В. І. Громаў // Запіскі аддзелу гуманітарных навук / Беларус. акад. навук. — Менск, 1930. — Т. II, кн. 11 : Працы археалёгічнай камісіі. — С. 7—30.
43. Громаў, В. І. Аб фаўне гарадзішч БССР і Смаленскай губ. / В. І. Громаў // Запіскі аддзелу гуманітарных навук / Беларус. акад. навук. — Менск, 1930. — Т. II, кн. 11 : Працы археалёгічнай камісіі. — С. 213—217.
44. Лашанкоў, М. І. Археабатаніка / М. І. Лашанкоў // Археалогія Беларусі : энцыклапедыя : у 2 т. / рэдкал.: Т. У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. — Мінск, 2009. — Т. 1. — С. 43.
45. Фляксбэргэр, К. Зёрны з Банцараўскага гарадзішча пад Менскам / К. А. Фляксбэргэр // Працы сэкцыі археалёгіі / Беларус. акад. навук, Ін-т гісторыі. — Менск, 1932. — Т. III. — С. 163—166.

Паступіў у рэдакцыю 23.09.2024.

УДК 615.012.12+930

Я. А. Поддевалина

Белорусский государственный университет, пр-т Независимости, 4, 220030 Минск, Республика Беларусь

ПУБЛИКАЦИИ НАЧАЛА XXI ВЕКА ПО ПРОБЛЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КАЧЕСТВА ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА

Статья посвящена выявлению и анализу основных работ в области совершенствования документационного обеспечения управления, качества, качества программного обеспечения и работ, связанных с вопросами управления электронными документами, которые послужат основой для дальнейшего исследования проблемы обеспечения качества электронного документооборота.

Ключевые слова: качество; качество электронного документооборота; системы электронного документооборота.

Библиогр.: 43 назв.

Y. A. Poddevalina

Belarussian State University, 4 Nezavisimosti Ave., 220030 Minsk, the Republic of Belarus

PUBLICATIONS OF THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY ON THE PROBLEM OF ENSURING THE QUALITY OF ELECTRONIC DOCUMENT MANAGEMENT

The article is devoted to the identification and analysis of the main works in the field of improving documentation support for management, quality, software quality and work related to the issues of electronic document management, which will serve as the basis for further research on the problems of ensuring the quality of electronic document management.

Key words: quality; quality of electronic document management; electronic document management systems.

Ref.: 43 titles.

Введение. Качество электронного документооборота — многогранный объект исследования. Его полное и всестороннее рассмотрение будет основываться на анализе работ по следующим направлениям, которые в той или иной степени связаны с качеством электронного документооборота:

- 1) теоретические аспекты совершенствования документационного обеспечения управления;
- 2) практические аспекты совершенствования документационного обеспечения управления, в том числе использования систем электронного документооборота (далее — СЭД) в деятельности организаций;
- 3) обеспечение качества программного обеспечения.

Методология и методы исследования. Исследование опирается на общенаучные и специальные методы.

Общенаучные методы (анализ и синтез, метод абстрагирования) позволяют проанализировать результаты, полученные исследователями. Анализ работ различных авторов, в которых отражены отдельные явления и факты в области совершенствования документационного обеспечения управления, качества, качества программного обеспечения, электронного документооборота, СЭД, позволяет выявить присущие им закономерности и тенденции. С помощью синтеза данные закономерности и тенденции соединены в единое целое.

Метод абстрагирования позволяет исключить из рассмотрения при выполнении исследования несущественные характеристики объекта оценки качества и сосредоточиться на наиболее значимых характеристиках данного объекта.

С помощью историко-сравнительного метода, который относится к специальным методам, выявляются общее и особенное в работах авторов.

Публикации, рассматривающие качество как управленческую категорию, а также подходы к трактовке данного понятия, являясь теоретической основой исследования, позволяют обосновать выбранные методы исследования.

Процесс определения понятия «качество электронного документооборота» необходимо начинать с рассмотрения качества как научной категории с точки зрения философии, которая закладывает методологические принципы функционирования любой науки (Г. Гегель [1], И. Кант [2]). Некоторые современные исследователи, например В. М. Мишин [3], выделяют не только философский аспект использования категории качества, но и социальный, технический, управленческий аспекты. Предлагаемый ими подход позволяет рассматривать качество как систему.

Систематизации существующих трактовок понятия «качество» посвящены работы А. В. Гличева [4], Е. В. Милетовой [5], А. Л. Никифорова [6], А. С. Фраймана [7].

В рамках исследования возникает необходимость изучения проблем качества в менеджменте как объекта управления, экономической категории, так как на повышение качества деятельности нацелена каждая организация, в том числе при внедрении и использовании СЭД в своей деятельности.

Одним из первых вопросов о комплексном подходе к обеспечению качества поставил американский инженер Дж. Джуран [8]. Большой вклад в развитие управления качеством внесли У. Шухарт [9], У. Э. Деминг [10], К. Исикава [11], А. Фейгенбаум [12], Ф. Кросби [13].

Работы вышеперечисленных авторов создают основу для разработки требований к качеству процессов управления электронным документооборотом в государственных органах и иных организациях.

Системы электронного документооборота, в рамках функционирования которых и обеспечивается работа с электронными документами, — это отдельный вид специального программного обеспечения (далее — ПО), которое используется для решения определенной группы задач. Поэтому важную роль при проведении исследования играют работы, в которых отражены вопросы качества ПО.

Дж. Вайнберг указывает, что качество ПО по своей природе является субъективным, так как разные люди оценивают качество одного и того же ПО по-разному. Поэтому для того, чтобы создать качественный продукт, разработчики должны ответить на вопросы о том, кто те люди, которые будут оценивать это ПО, что будет ценным для этих людей [14]. Позднее Т. ДеМарко предложил при оценке качества ПО учитывать то, что «качество программного продукта является показателем того, насколько он меняет мир к лучшему» [15].

Чтобы судить о качестве ПО в числах, а не в абстрактных категориях, за почти полувековую историю программной инженерии авторами были предложены десятки разнообразных моделей оценки качества ПО. Но только часть из них стали широко известными и применяются при формировании требований, например, модели качества, предложенные Дж. МакКоллом [16], Б. Боэмом [17], К. Гецци [18], Г. Дроми [19] и др.

Без указанных работ рассмотрение проблемы качества электронного документооборота не представляется возможным.

Результаты исследования и их обсуждение. В одной из своих публикаций В. Ф. Янковая, анализируя историю делопроизводства на протяжении трех столетий (от Генерального регламента 1720 года по настоящее время), приходит к выводу, что эволюция делопроизводства шла как последовательная смена нескольких моделей организации работы с документами (организация работы с документами в тесной связи с процессом рассмотрения и решения дела, посредством организации документооборота, посредством регламентации административного процесса). И изменения, которые происходят в настоящий момент, можно охарактеризовать как своего рода возвращение к первой модели «производства дел», но на новом

технологическом уровне. В. Ф. Янковая также утверждает, что в современное время организовать работу с документами по процессу можно только с применением информационных технологий [20]. Как отмечает А. Е. Рыбаков, одним из наиболее важных вопросов работы с документами, непосредственно влияющих на качество управления и его документационное обеспечение, является рациональная организация документооборота [21, с. 47]. Автор указывает, что автоматизация документационных процессов (в частности, внедрение СЭД) является одним из основных методов, позволяющих сократить объем документооборота.

Интерес исследователей к вопросам управления электронными документами начал активно проявляться в середине 1990-х годов, когда в нормативных правовых актах в сфере делопроизводства и архивного дела стал употребляться термин «электронный документ», пришедший на смену более широкому понятию «машиночитаемый документ» [22]. Несмотря на то, что термин «электронный документ» имеет нормативное закрепление как в законодательстве Республики Беларусь, так и за рубежом, исследователи до сих пор не могут прийти к единой трактовке указанного термина.

Так, В. Ф. Янковая, анализируя существующие трактовки понятия, приходит к выводу, что электронный документ — это «принципиально иной тип документов по сравнению с документами на бумажном носителе» [23].

М. В. Ларин, рассматривая отраслевые нормативные акты Российской Федерации, указывает на отсутствие однозначного определения термина «электронный документ» и трактует его как «документ, информация которого представлена в цифровой форме» [24, с. 6].

И. В. Латушкин, проводя аналогичное исследование, определяет электронный документ как зафиксированную на материальном носителе информацию с реквизитами, позволяющими придать юридическую значимость, а также установить целостность и подлинность, которые подтверждаются путем применения сертифицированных средств электронной цифровой подписи [25, с. 144—145].

Совершенствованию правовых основ применения электронных документов в деятельности организаций посвящены работы М. В. Ларина [26—28], В. Ф. Янковой [29], Г. Кохановой, Е. Кукушкиной [30] и др.

Вопросы практической реализации теоретических основ управления электронными документами рассматриваются в ряде работ. М. В. Ларин обращает внимание на то, что копирование правил традиционного делопроизводства при автоматизации работы с документами не является правильным решением, и утверждает, что необходимо упрощать процессы документооборота и добиваться сокращения его объемов [31]. Исследователь выделяет проблему сокращения объемов документооборота как один из способов совершенствования документационного обеспечения управления [32].

Указывает на проблемы, возникающие при работе с электронными документами в организациях, В. Л. Носевич. Автор представляет «четыре объяснения» активного ведения в организациях гибридного документооборота (несовершенство нормативно-правовой базы, отсутствие технических (финансовых) возможностей, потребности (желания), отсутствие понимания, как это сделать) [33].

В. Л. Носевич исследует и вопросы обеспечения передачи электронных документов на оперативное хранение и последующее архивное хранение [34—36]. Особое внимание уделяется описанию функционирования автоматизированной информационной системы «Ведомственный архив».

В связи с цифровизацией всех сфер деятельности общества указанные вопросы не только не теряют своей актуальности, но и приобретают все большую значимость.

Появляются публикации, посвященные теории и практике применения СЭД [37—39], в которых в основном описываются и сравниваются наиболее популярные на рынке системы, рассматриваются возможности СЭД, механизмы организации и функционирования систем, а также указываются факторы и критерии выбора, проблемы внедрения СЭД в организациях.

Быстрое расширение рынка программных продуктов, необходимость выбора ПО и последующей его оценки использованием пользователем привели к разработке моделей оценки качества специального ПО: используемого в учебном процессе [40], чат-бот приложений [41], банковского [42], программных средств космического назначения [43] и др.

Заключение. Обеспечение качества электронного документооборота, являющегося основополагающим фактором успешного функционирования организации, до сих пор не являлось объектом отдельного изучения.

Анализ литературы по теме исследования позволяет сделать вывод о том, что если вопросы, посвященные совершенствованию документационного обеспечения управления, организации электронного документооборота и использованию СЭД, проблемам качества, качества ПО, в той или иной степени затрагивались отечественными и зарубежными исследователями, то работы комплексного характера, отражающие характеристики качества электронного документооборота и вопросы его обеспечения, отсутствуют.

Список цитируемых источников

1. Гегель, Г. Наука логики / Г. Гегель. — М. : АСТ, 2018. — 912 с.
2. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант. — М. : АСТ, 2019. — 784 с.
3. Мишин, В. М. Управление качеством / В. М. Мишин — М. : ЮНИТИДАНА, 2000. — 303 с.
4. Гличев, А. В. Основы управления качеством продукции / А. В. Гличев. — М. : Изд-во стандартов, 2001. — 424 с.
5. Милетова, Е. В. Становление категории «качество» в философии и языке / Е. В. Милетова // Молодой ученый. — 2012. — Т. 2, № 1 (36). — С. 22—24. — URL: <https://moluch.ru/archive/36/4157> (дата обращения: 12.11.2023).
6. Никифоров, А. Л. Качество / А. Л. Никифоров // Электронная библиотека ИФ РАН. — URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0140b25e3b350ce9bc35a140> (дата обращения: 12.11.2023).
7. Фрайман, А. С. Качество как философская категория / А. С. Файман // КиберЛенинка — научная электронная библиотека. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kachestvo-kak-filosofskaya-kategoriya/viewer> (дата обращения: 12.11.2023).
8. Джуран, Дж. Качество в истории цивилизации: эволюция, тенденции и перспективы управления качеством : в 3 т. / Дж. Джуран. — М. : Стандарты и качество, 2004. — Т. 3. — 205 с.
9. Shewhart, Walter A. Statistical method from the viewpoint of quality control / Walter A. Shewhart ; ed.: W. Edwards Deming. — Washington : The Graduate School, 1939. — 155 p.
10. Деминг, Э. Выход из кризиса. Новая парадигма управления людьми, системами и процессами / Э. Деминг. — М. : Альпина Паблишер, 2007. — 623 с.
11. Исикава, К. Японские методы управления качеством / К. Исикава. — М. : Экономика, 1988. — 215 с.
12. Фейгенбаум, А. Контроль качества продукции / А. Фейгенбаум. — М. : Экономика, 1986. — 471 с.
13. Кросби, Ф. Качество и я. Жизнь бизнеса в Америке / Ф. Кросби. — М. : Стандарты и качество, 2003. — 264 с.
14. Вайнберг, Дж. Как предотвратить кризис качества / Дж. Вайнберг // Тестирование и Качество ПО. — URL: <https://www.software-testing.ru/library/around-testing/processes/2499-preventing-software-quality-crisis> (дата обращения: 13.11.2023).
15. ДеМарко, Т. Deadline. Роман об управлении проектами / Т. ДеМарко // Project Management journal. — URL: <https://pmjournal.ru/upload/Roman-ob-upravlenii-pr.pdf> (дата обращения: 13.11.2023).
16. Software Quality Management Tutorial // Tutorial Point. — URL: https://www.tutorialspoint.com/software_quality_management/software_quality_management_factors.htm (date of access: 30.11.2023).
17. Бозм, Б. У. Характеристики качества программного обеспечения / Б. У. Бозм — М. : Мир, 1995. — 120 с.
18. Ghezzi, C. Fundamental of Software Engineering / C. Ghezzi, M. Jazayeri, D. Mandrioli. — New Jersey : Prentice-Hall, 1991. — P. 543.
19. Dromey, G. R. A Model for Software Product Quality / G. R. Dromey // Transactions of Software Engineering. — 1995. — Vol. 21 (2). — P. 146—162.
20. Янковая, В. Ф. Эволюция делопроизводства: от «производства дел» до управления документами / В. Ф. Янковая // Научная электронная библиотека. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46524310> (дата обращения: 01.12.2023).
21. Рыбаков, А. Совершенствование документооборота в государственных органах, иных организациях: комментарий разработчиков к новым Методическим рекомендациям / А. Рыбаков // Архивы и делопроизводство. — 2016. — № 4. — С. 47—54.

22. Рыбаков, А. Терминология в сфере делопроизводства и архивного дела: понятия «электронный документ», «документ в электронном виде». Целостность и подлинность электронного документа. Возникновение и развитие электронного документирования / А. Рыбаков // Архивы и делопроизводство. — 2015. — № 6. — С. 72—79.
23. Янковая, В. Ф. Электронный документ как объект документоведения / В. Ф. Янковая // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2013. — № 3. — С. 229—235.
24. Ларин, М. В. Электронные документы: теоретические аспекты / М. В. Ларин // Самарский архивист. — 2021. — № 2. — С. 3—9.
25. Латушкин, И. В. Электронный документ: проблемы определения и порядка использования в делопроизводстве организаций в Республике Беларусь / И. В. Латушкин // Архивы и делопроизводство. — 2023. — № 5. — С. 142—149.
26. Ларин, М. В. Электронные документы и научно-методическое обеспечение управления ими в делопроизводстве и архиве / М. В. Ларин, В. Ф. Янковая // Отечественные архивы. — 2018. — № 3. — С. 43—48.
27. Ларин, М. В. Электронные документы: вопросы теории и практики / М. В. Ларин // Вестник РГГУ. Серия «Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность». — 2015. — № 2. — С. 53—63.
28. Ларин, М. В. Электронные документы: нормативно-методическое обеспечение / М. В. Ларин // Вестник архивиста. — 2008. — № 4. — С. 106—124.
29. Янковая, В. Ф. Электронные документы и научно-методическое обеспечение управления ими в делопроизводстве и архиве / В. Ф. Янковая // Отечественные архивы. — 2018. — № 3. — С. 43—48.
30. Коханова, Г. Особенности отражения работы с документами в электронном виде, электронными документами в локальных правовых актах организации / Г. Коханова, Е. Кукушкина // Архивы и делопроизводство. — 2022. — № 1. — С. 52—62.
31. Ларин, М. В. Актуальные проблемы современного документоведения / М. В. Ларин // Вестник РГГУ. Серия «Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность». — 2014. — № 2. — С. 139—148.
32. Ларин, М. В. Новые горизонты государственной политики управления документами в цифровой экономике / М. В. Ларин // Управление документами в цифровой экономике : материалы науч.-практ. конф., Москва, 5 дек. 2018 г. / Рос. гос. гум. ун-т ; под общ. ред. М. В. Ларина. — М. : РГГУ, 2019. — С. 4—12.
33. Носевич, В. Плюсы и минусы электронного документооборота / В. Носевич // Архивы и делопроизводство. — 2013. — № 3. — С. 42—56.
34. Носевич, В. Как обеспечить хранение электронных документов организации / В. Носевич // Архивы и делопроизводство. — 2018. — № 4. — С. 73—78.
35. Носевич, В. Как будет происходить комплектование государственных архивов электронными документами / В. Носевич // Архивы и делопроизводство. — 2018. — № 2. — С. 47—56.
36. Носевич, В. Л. Организация архивного хранения электронных документов в Республике Беларусь / В. Л. Носевич // Отечественные архивы. — 2019. — № 2. — С. 40—45.
37. Кондакова, Н. Автоматизация делопроизводства с точки зрения специалистов—документоведов / Н. Кондакова // Секретарское дело. — 2013. — № 3. — URL: <https://www.profmmedia.by/pub/sec/art/75583> (дата обращения: 01.12.2023).
38. Варнашов, Д. Номенклатура дел в условиях внедрения автоматизированных систем документационного обеспечения управления: состояние и перспективы / Д. Варнашов // Архивы и делопроизводство. — 2021. — № 3. — С. 32—39.
39. Светлых, А. Н. Исследование проблем внедрения электронного документооборота / А. Н. Светлых // Научная электронная библиотека. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32652162> (дата обращения: 18.11.2023).
40. Бурдыко, Т. Г. Оценка качества программного обеспечения, используемого в учебном процессе студентов / Т. Г. Бурдыко, К. И. Бушмелева // Научная электронная библиотека. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32524762> (дата обращения: 16.11.2023).
41. Ураев, Д. А. Метрики оценки качества чат—бот приложений / Д. А. Ураев // Научная электронная библиотека. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41295376> (дата обращения: 14.11.2023).
42. Володько, Л. П. Методика экспертной оценки качества банковского программного обеспечения / Л. П. Володько // Белорусский государственный экономический университет. — URL: <http://www.bseu.by:8080/bitstream/edoc/5287/2/Volod%27ko%20L.%20Metodika%20ekspertnoy%20otsenki%20kachestva%20bankovskogo%20program.%20obespecheniya.pdf> (дата обращения: 22.11.2023).
43. Есмагамбет, И. Построение модели качества программных средств космического назначения / И. Есмагамбет, В. Топоров // Современные технологии автоматизации. — URL: <https://www.cta.ru/cms/f/467353.pdf> (дата обращения: 07.12.2023).

Поступила в редакцию 04.07.2024.

УДК 94:929.55(476)"17/19"

Л. С. Пухцеева

Дзяржаўная навуковая ўстанова «Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі»,
вул. Акадэмічная, 1, 220072 Мінск, Рэспубліка Беларусь, puhteeva.e@history.by

ЭПІТАФІ ЯК КРЫНІЦА ДЛЯ Вывучэння СВЕТАПОГЛЯДУ ШЛЯХТЫ БЕЛАРУСКІХ ГУБЕРНЯЎ У ПЕРЫЯД «ДОЎГАГА ХІХ СТАГОДДЗЯ»

Артыкул прысвечаны магчымасцям выкарыстання эпітафій як крыніц для вывучэння светапогляду шляхты беларускіх губерняў, асаблівасцям і складанасцям працы з падобнымі крыніцамі. Актуальнасць вывучэння эпітафій абумоўлена тым, што надмагільныя надпісы дапамагаюць выявіць светапогляд шляхты, адсачыць змены ў самаідэнтыфікацыі саслоўя, з'яўляюцца важным сведчаннем трансфармацый грамадства ў зменлівым сацыяльна-палітычным кантэксце. Робіцца выснова аб тым, што эпітафіі з надмагільляў шляхты дазваляюць вылучыць каштоўнасці арыенціры прадстаўнікоў саслоўя, сфармуляваць саслоўны ўзоры вобраз для пераймання. Выяўлення цяжкасці працы з гэтымі крыніцамі звязаны са станам іх захаванасці, колькасцю прыдатных для аналізу надмагільляў і ступенню рэпрэзентацыі ўсіх пластоў шляхецкага грамадства.

Ключавыя словы: эпітафіі; надмагільныя надпісы; ментальнасць шляхты; шляхта беларускіх губерняў; «доўгае ХІХ стагоддзе».

Бібліягр.: 7 назваў.

L. S. Pukhtseyeva

The State Scientific Institution "The Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus",
1 Academic Str., 220072 Minsk, the Republic of Belarus, puhteeva.e@history.by

EPITAPHS AS A SOURCE FOR STUDYING THE WORLDVIEW OF THE GENTRY OF THE BELARUSIAN PROVINCES DURING "THE LONG 19TH CENTURY"

The article is devoted to the possibilities of using epitaphs as sources for studying the worldview of the gentry of the Belarusian provinces, the peculiarities and difficulties of working with such sources. The relevance of studying epitaphs is due to the fact that tombstone inscriptions help to identify the worldview of the gentry and to track changes in self-identification of the estate. Such sources serve as important evidence of the transformations of society in a changing socio-political context. It is concluded that epitaphs from the tombstones of the gentry allow us to identify the value benchmarks of the representatives of the estate, help to compose a class exemplary image for imitation. The identified difficulties in working with such sources are related to the state of their preservation, the number of tombstones suitable for analysis, and the degree of representation of all strata of gentry society.

Key words: epitaphs; tombstone inscriptions; mentality of the gentry; the gentry of the Belarusian provinces; "the long 19th century".

Ref.: 7 titles.

Уводзіны. Месцы пахаванняў з'яўляюцца важнымі сведчаннямі гісторыі рэгіёну. Надпісы на надмагільлях фарміруюць калектыўную памяць, фіксуюць эпоху, норавы, моду, адлюстроўваюць трансфармацыйныя працэсы, праз якія прайшло дадзенае грамадства. Пры гэтым, нягледзячы на ўсю значнасць эпітафій як крыніцы для вывучэння сацыяльнай гісторыі (у прыватнасці, гэта тычыцца гісторыі Беларусі перыяду «доўгага ХІХ стагоддзя»*), у айчыннай гістарыяграфіі не склалася трывалых традыцый выкарыстання дадзеных крыніц.

© Пухцеева Л. С., 2024

*«Доўгае ХІХ стагоддзе» — паняцце, уведзенае ў навуковы ўжытак Э. Хобсбаўмам; гістарычная, а не календарная эпоха, пад якой у гістарыяграфіі разумеюцца перыяд ад Вялікай французскай рэвалюцыі (1789) да Першай сусветнай вайны (1914). У айчыннай гістарыяграфіі пад ёй разумеюць эпоху ад падзелаў Рэчы Паспалітай і ўваходжання беларускіх зямель у склад Расійскай імперыі да пачатку Першай сусветнай вайны або рэвалюцыйных падзей 1917 года.

У межах вивучэння светапогляду шляхты надмагіллі з эпітафіямі могуць быць карыснымі для выяўлення маральных каштоўнасцяў і ідэалаў прадстаўнікоў саслоўя. Акрамя таго, падобныя крыніцы дазваляюць прасачыць адаптацыю асобна ўзятых шляхецкіх радоў да новых сацыяльна-палітычных умоў, працэс уключэння некаторых прадстаўнікоў саслоўя ў новую структуру грамадства.

У дадзеным артыкуле робіцца спроба разгледзець і ацаніць інфармацыйны патэнцыял эпітафій як крыніц для вивучэння светапогляду шляхты беларускіх губерняў перыяду «доўгага XIX стагоддзя».

Матэрыялы і метады даследавання. Даныя для артыкула збіраліся ў ходзе палявых работ на хрысціянскіх могілках, а таксама праз адпаведныя даведачныя выданні (у першую чаргу гэта тычыцца працы «Пецярбургскі некропаль», якая больш падрабязна будзе разглядацца ў іншых артыкулах) і інтэрнэт-рэсурсы, базы даных, праграмы, якія змяшчаюць фотаздымкі могілак ці іх апісанне. У Беларусі гэта ў асноўным краязнаўчыя блогі ў Інтэрнэце, але ёсць і спецыяльныя рэсурсы, такія як www.graves.by. Гэты сайт змяшчае каталог гістарычных могілак Беларусі з каардынатамі і фотаздымкамі надмагілляў, на якіх, аднак, часта бывае складана вычытаць надпісы. Таксама ў якасці прыкладу варта прывесці сайт, прысвечаны польскім (каталіцкім) могілкам у Магілёве [1]. Нягледзячы на тое, што, па словах стваральнікаў сайта, яго мэтай з'яўляецца «захаванне гістарычнай памяці пра палякаў, якія раней пражывалі ў Магілёве і яго ваколіцах», ён змяшчае таксама нямала даных па прадстаўнікоў беларускага набілітэту, якіх, верагодна, аўтары рэсурса залічылі да палякаў на падставе іх веравызнання.

Сярод замежных крыніц інфармацыі варта вылучыць электронную базу даных могілак Росы ў Літве*, дзякуючы якой можна знайсці пахаванні па канкрэтным перыядзе, атрымаць іх падрабязнае апісанне і фотаздымкі (прычым, што важна, у даволі добрай якасці і з розных бакоў) [2]. Акрамя гэтага, у базе змяшчаецца інфармацыя пра стан захаванасці, матэрыял, з якога зроблены помнікі, дэфекты надмагілляў і інш.

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне. Зробленае намі папярэдняе даследаванне нарматыўнай дакументацыі ў азначанай сферы дазваляе меркаваць, што ў Расійскай імперыі заканадаўча рэгламентаваліся агульныя пытанні ўладкавання могілак, у першую чаргу гэта тычылася выканання санітарна-эпідэміялагічных правілаў, а таксама розных аспектаў арганізацыі гарадской прасторы [3]. Пры гэтым не было спецыфічнай цензуры ў дачыненні да надмагільных надпісаў (меліся некаторыя патрабаванні да пахаванняў, што знаходзіліся ўнутры храмаў, але яны вызначалі толькі тое, што надпісы павінны былі быць прыстойнымі) [4]. Як нам падаецца, той факт, што змест эпітафій заставаўся па-за кантролем дзяржавы, павышае інфармацыйны патэнцыял дадзеных крыніц і іх каштоўнасць для даследчыкаў.

Для шляхецкага стану нанясенне эпітафій на надмагілле з'яўлялася разам з напісаннем мемуараў фундацыяй храмаў, важным спосабам захавання памяці пра сябе. Зыходзячы з таго, што надмагілле павінна было выконваць рэпрэзентатыўную функцыю, лагічна меркаваць, што на ім змяшчалася самая істотная інфармацыя, якая магла б стварыць для наступных пакаленняў паўнавартасны вобраз «ідэальнага» шляхціца, прадстаўніка свайго роду. Зразумела, што памерлы мог і не характарызавацца такімі якасцямі і насамрэч не з'яўляўся «ідэальным», але ў межах нашага даследавання важна тое, што падобныя надпісы паказваюць, якія рысы цаніліся саслоўем у людзях, якім сацыяльным нормам яны імкнуліся адпавядаць. Акрамя гэтага, магіла чалавека з'яўлялася яго «месцам апошняга прытулку», а таму мела вартасць як асаблівае памятнае месца для нашчадкаў спачылай асобы. Таксама каштоўнасць даных, якія абіралі для эпітафіі, абумоўлена існаваннем істотных абмежаванняў, звязаных з памерамі

*У красавіку 2024 года рэсурс быў узламаны. На момант падачы артыкула сайт яшчэ не аднавіў сваю дзейнасць.

надмагілляў, коштам іх вырабу і нанясеннем надпісаў. Такім чынам, для надмагільнага надпісу абіралі толькі самую важную інфармацыю, якую хацелі пакінуць пра нябожчыка. У выніку даследчык мае крыніцу, у сціплым маштабе якой канцэнтруюцца вельмі карысныя даныя.

Звычайна ў эпітафіях пісалі, якім выбітным быў памерлы чалавек, называлі яго шляхетныя ўчынкі, рабілі акцэнт на нейкай пасадзе, якую чалавек займаў і праз гэта клапаціўся пра лёс іншых людзей ці краю. У якасці канкрэтнага прыкладу так званай інфарматыўнай эпітафіі можна прывесці магілу Адольфа Янушкевіча ў в. Дзягільна: *ADOLF JANUSZKIEWICZ / Z DUCHA, SERCA I MYŚLI, Z CNÓT, OFIAR I CZYNÓW, / BÓG NIE MIAŁ SŁUG WIERNIEJSZYCH, KRAJ GODNIEJSZYCH SYNÓW. / OBYWATEL Z WYZNAWCY NIEZACHWIANĄ SIŁĄ. / PRZECHODNIU! NIE ZAŃ TYLKO NAD JEGO MOGIŁĄ, / LECZ MÓDL SIĘ I ZA SIEBIE: BY PRZEZEŃ UPROSIC, / TAK ŻYC, WIERZYĆ I KOCHAĆ, TAK CIERPIEĆ I ZNOSIC*. Варта ўдакладніць, што існуючае зараз надмагілле — гэта копія, паколькі арыгінал быў зруйнаваны, але ў дакладнасці тэксту эпітафіі можна не сумнявацца, пра што сведчаць даныя археолагаў, якія займаліся раскопкам магілы А. Янушкевіча [5, с. 82], а таксама мемуары А. Адынца, які прыводзіць цытату дадзенай эпітафіі, меркаваным аўтарам якой ён сам і з’яўляецца [6, с. 150]. З тэксту вынікае, што для памерлага быў характэрны шэраг выбітных маральных якасцяў, ён з’яўляўся цалкам адданым Богу чалавекам, патрыётам і ўзоравым грамадзянінам. Цікава тое, што ў вачах уладаў Расійскай імперыі А. Янушкевіч, які прымаў удзел у паўстанні 1830—1831 гадоў, прыгаворваўся да смяротнага пакарання (пасля прысуд быў заменены вечнай ссылкай у Сібір), правёў амаль 25 гадоў у выгнанні, патрыётам або ўзорным грамадзянінам не выглядаў.

Яшчэ адзін прыклад — магіла Уладзіміра Цеханавецкага ў г. Магілёве: *S.P. WŁODZIMIERZ / CIECHANOWIECKI / B. MARSZAŁEK SZLACHTY GUB. MOHYLEWSKIEJ / ZGAŚL W PANU D. 3 WRZEŚNIA 1900 R. / BYŁ CZŁOWIEKIEM WEDŁUG SERCA BOŻEGO, / NAJLEPSZYM MEŻEM I OJCEM, / DLA RODZINY I PRZYJACIOŁ SERCEM WYLANY, / DLA BIEDNYCH OJCEM, / CZEŚĆ I POKÓJ JEGO ZACNEJ DUSZY*. Як бачым, дадзенае надмагілле адлюстроўвае, што памерлы быў маршалам шляхты, з’яўляўся чалавекам рэлігійным, адданым сям’і і сябрам, апекуном бедных. Атрымліваецца даволі прывабны партрэт прадстаўніка свайго саслоўя.

Пры вывучэнні дадзеных крыніц можна заўважыць, што большасць надмагілляў, эпітафіі з якіх падыходзяць для аналізу па нашай тэме, належаць мужчынам. Менавіта на мужчынскіх надмагіллях шляхта імкнулася падрабязна (наколькі гэта было магчыма) распісаць, якім быў гэты чалавек, адзначыць карысць, якую ён прынёс людзям, і г. д. Націск рабіўся на асабістыя якасці і заслугі чалавека, хаця апошнія і магілі быць даволі расплывістымі. Сярод жаночых надмагілляў значная частка эпітафій ці наогул не трансліруе патрэбнай для нас інфармацыі (на такіх надмагіллях звычайна пішуцца толькі гады ці працягласць жыцця памерлай, часам пазначаецца, з якога яна паходзіла роду), ці паказвае любоў родзічаў да жанчыны і іх перажыванні ў сувязі з яе сконам, але такая інфармацыя не звязана непасрэдна з асобай самой памерлай.

Нягледзячы на гэта, жаночыя надмагіллі таксама могуць быць карыснымі для нашага даследавання, але яны даволі выразна адрозніваюцца ад мужчынскіх: на іх звычайна сярод пазітыўных якасцяў жанчыны называюцца тыя, што звязаны з яе роллю маці ці жонкі. Акрамя таго, з некаторай доляй умоўнасці ў даследаванні нашай тэмы мы можам аналізаваць жаночыя эпітафіі, па якіх бачна, як прафесійная/службовая дзейнасць мужа памерлай распаўсюджвалася і на яе. Так, нярэдка сустракаюцца надмагіллі «жонак палкоўнікаў», «тыгулярных саветніц» і г. д. Эпітафію з усім вышэй пералічаным знаходзім на надмагіллі Язэфы Саковіч (каталіцкія фарныя могілкі ў г. Гродне): *J. W. Radczyni / Józefie z Ianiewiczów / SAKOWICZOWEJ / DOBREJ MATCE I ŻONIE / TEN POMNIK ŻALU W PAMIĘC / JEJ CNÓT DOMOWYCH JAKO / WZÓR DO NAŚLADOWANIA / DLA JEJ DZIECI / MAŻ ZASMUCZONY POSTAWIŁ / UMARŁA 22 WRZESNIA 1848 R. / ŻYLA LAT 29 / POKÓJ JEJ CIENIOM*.

Для параўнання мужчынскага і жаночага надмагілляў прывядзем наступныя эпітафіі. Першая належыць Францішку Баркоўскаму: *FRANCISZEK / BORKOWSKI / UR. 27 LISTOPADA 1803. / STUDENT UNIWERSYTETU / WILEŃSKIEGO 1826. / ŻOŁNIERZ KAUKAZU / NIZEGORODZKICH DRAGONÓW / 1828. / GENERAL-MAJOR 1863. / † 24 MARCA 1871. / POKOJ*

JEGO POPIOLOM. Другая эпитафія — з надмагіля Марыі Сушыньскай: *TU SPOCZYWA OBOOK MATKI MEZA / S P: MARYA z SUMOWSKICH / SUSZYŃSKA / ZONA INZYNIERA / ZESLA Z TEGO SWIATA / W 22 ROKU ZYCIA / DNIA 9 PAZDZ. 1876 R.* Такім чынам, на гэтым прыкладзе мы бачым, што надмагілле Ф. Баркоўскага даволі падрабязна адлюстроўвае жыццёвы шлях памерлага, інфармацыю пра яго адукацыю, прасоўванне па кар’ернай лесвіцы, а надмагілле М. Сушыньскай з асабістых дасягненняў памерлай паказвае хіба што тое, што яна была жонкай інжынера. У выніку мы можам зрабіць выснову аб гендэрным характары шляхецкіх эпитафій, які праяўляецца ў тым, што пазітыўныя якасці чалавека, якія выносіліся на надмагіллі, залежалі ад палавой прыналежнасці памерлага. Дадзеная акалічнасць дазваляе нам выявіць сацыяльныя чаканні, што існавалі ў шляхецкім асяроддзі ў дачыненні да мужчын і жанчын.

Як вядома, пасля ўваходжання беларускіх зямель у склад Расійскай імперыі частка шляхты адмовілася прымаць новыя рэаліі, заставалася ваража настроенай у адносінах да царскай улады, чыноўніцтва і вайскоўцаў і чакала адраджэння страчанай дзяржаўнасці, а прадстаўнікі іншай часткі, наадварот, па тых ці іншых прычынах прынялі новыя ўмовы жыцця і сталі шукаць сваё месца ў новым соцыуме. Такія з’явы таксама знаходзілі адлюстраванне ў эпитафіях памерлых прадстаўнікоў саслоўя. У рамках вывучэння светапогляду шляхты нас асабліва цікавяць надмагіллі тых людзей, якія перайшлі/паступілі на службу Расійскай імперыі, паколькі іх эпитафіі дазваляюць разгледзець, як змянялася самасвядомасць такога чалавека (ці, наадварот, як яе імкнуліся захаваць), як ён ставіўся да свайго жыццёвага выбару.

Так, напрыклад, перайшоў на рускую службу з польскай Вінцэнт Гечан-Гечэвіч, тайны саветнік, сенатар, мінскі губернатар. У 1-м томе даведачнага выдання «Пецябургскі некропаль» прыводзіцца наступная інфармацыя пра яго пахаванне: «Гечань-Гечевичъ, Винцентъ, сенаторъ, тайн, сов., кавалеръ Россійскихъ орденовъ, р. 5 апрѣля 1770 † 19/31 марта 1840. Надпись по-польски (Смоленское евангелическое кладбище» [7, с. 593]. Такім чынам, мы бачым, што на службе ў «новай» айчыне памерлы змог дасягнуць значных вышынь, заняў сваё месца ў іерархіі расійскага чыноўніцтва. Паколькі менавіта такая эпитафія была абраная для характарыстыкі В. Гечан-Гечэвіча для нашчадкаў, можна меркаваць, што блізкія памерлага (ці ён сам у выпадку, калі пакінуў якія-небудзь інструкцыі датычна свайго пахавання) шанавалі яго жыццёвыя дасягненні і ганарыліся ім. Пры гэтым польская мова эпитафіі, верагодна, была абрана як сродак захавання нейкай часткі ідэнтычнасці, павінна была служыць своеасаблівым адрозніннем, той дэталлю, якая б не дазволіла гэтаму пахаванню зліцца ў адну масу пахаванняў расійскіх чыноўнікаў.

У дачыненні да надмагілляў служылых асобаў на праваслаўных могілках варта адзначыць, што значны адсотак такіх пахаванняў належыць не выхадцам з беларускіх губерняў, а чыноўнікам і іншым асобам, якіх на нашы землі з унутраных тэрыторый Расійскай імперыі прывёў абавязак службы. Эпитафіі з такіх надмагілляў для нашага даследавання не падыходзяць, але могуць быць карыснымі пры вывучэнні іншых тэм.

Можна вылучыць шэраг праблемных момантаў і складанасцяў, якія ўзнікаюць падчас працы з такімі крыніцамі. Па-першае, як ужо адзначалася вышэй, надмагіллі і эпитафіі на іх каштавалі даволі дорага. Акрамя ўсяго іншага, гэта прывяло да таго, што гэтыя крыніцы не рэпрэзентуюць значны пласт шляхецкага саслоўя (у першую чаргу гэта тычыцца дробнай шляхты) — тых, хто не мог сабе дазволіць дарагія надмагіллі і таму звярталіся да больш таных варыянтаў (напрыклад, да выкарыстання дрэва замест каменя, усталёўвання на магіле крыжа замест помніка і інш.) ці наносіў самыя сціплыя надпісы.

Другая значная праблема — гэта захаванасць такіх надмагілляў. У першую чаргу такую праблему можна звязаць з натуральным разбурэннем могілак (у агульным) і надмагілляў (у прыватнасці) з-за эрозіі, з-за таго, што з цягам часу яны сыходзяць пад зямлю, зарастаюць, разбураюцца расліннасцю і г. д. У выніку тэкст эпитафіі на такіх надмагіллях немагчыма прачытаць. У якасці канкрэтнага прыкладу могілак, што амаль зніклі ў выніку разбурэння, можна прывесці

вясковыя могілкі ў в. Ясенец. Другі фактар, які ўплывае на захаванасць могілак, — мэтана-кіраванае разбурэнне і іншыя праяўлены антрапагеннага ўздзеяння, звязаныя са знішчэннем цэлых могілак ці іх асобных частак для будоўлі, у сувязі з наступствамі баявых дзеянняў і інш.

Трэцяя складанасць — малая колькасць надмагілляў, якія падыходзяць для нашага даследавання. Большасць эпітафій усё ж менш персаніфікаваная, створаная па пэўных узорах і стандартах, на іх звычайна пазначаецца імя памерлага, даты нараджэння і смерці, колькасць пражытых гадоў, ад каго пастаўлены помнік, сустракаюцца таксама малітвы, цытаты з Бібліі ці рэлігійнай літаратуры. Стандартныя фразы і цытаты (за некаторымі выключэннямі) не маюць вялікай каштоўнасці для вывучэння нашай тэмы. Акрамя гэтага, неабходна таксама даказаць, што надмагілле належыць менавіта прадстаўніку мясцовай шляхты, а не іншай сацыяльнай групы, з чым часам таксама ўзнікаюць цяжкасці, што можа ў выніку яшчэ больш скараціць лік прыдатных для аналізу эпітафій.

Заклучэнне. Эпітафій з’яўляюцца спецыфічнай, але інфарматыўнай і вартай разгляду дадатковай крыніцай па гісторыі светапогляду шляхты. Надмагільныя надпісы адлюстроўваюць набор якасцяў і ўласцівасцяў, якія выбудоўвалі вобраз «ідэальнага» прадстаўніка саслоўя. Падобныя рысы цаніліся шляхецтвам, вызначалі яго паводзіны і транслявалі саслоўныя каштоўнасці. Эпітафій шляхты маюць выразны гендэрны характар, які дэманструе сацыяльныя чаканні, што існавалі ў шляхецкім асяроддзі ў дачыненні да мужчын і жанчын. Надпісы на надмагіллях прадстаўнікоў саслоўя сведчаць пра ўключэнне часткі наблітэту ў новае грамадства праз ваенную ці чыноўніцкую службу, паказваюць, як змянялася, а таксама як захоўвалася ідэнтычнасць гэтых людзей. Асноўныя складанасці, з якімі можа сутыкнуцца даследчык падчас працы з такімі крыніцамі — гэта іх малалікасць, кепская захаванасць і адсутнасць прадстаўленасці шырокіх пластоў шляхецкага саслоўя.

Спіс цытаваных крыніц

1. Polski cmentarz w Mohylewie : [сайт]. — Рэйк’явік, 2016—2024. — URL: <https://polski-cmentarz.info> (дата звароту: 23.11.2023).
2. Cmentarz na Rossie w Wilnie. Badania inwentaryzacyjne : [сайт]. — Варшава, 2015—2023. — URL: <http://cmentarznarossie.uksw.edu.pl/index.php> (дата звароту: 23.11.2023).
3. *Чижевский, И.* Благоустройство кладбищ / И. Чижевский // Устройство православной российской церкви: ее учреждения и действующие узаконения по ее управлению / И. Чижевский. — Харьков : Тип. Губ. правл., 1898. — От. 4, гл. 9. — С. 124—131.
4. О том, что внутри церковей нельзя делать монументы в виде статуй, бюстов и т. п. : постановление Святейшего правительствующего синода от 12 окт. 1831 г. № 392 // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. — 1825—1835. — Т. 1.
5. *Кривальцэвіч, М. М.* «Старыя» могілкі XIX — пачатку XX ст. у вёсцы Дзягільна Дзяржынскага раёна Мінскай вобласці: прыклад выратавання, археалагічнага даследавання і мемарыялізацыі / М. М. Кривальцэвіч // Матэрыялы па археалогіі Беларусі : навук. зб. — Мінск, 2018. — Вып. 29, Даследаванні пахавальных і пасяленчых помнікаў эпохі сярэднявекі і Новага часу на тэрыторыі Беларусі і суседніх краін. — С. 73—83.
6. *Odyniec, A. E.* Wspomnienia z przeszłości opowiadane Deotymie / A. E. Odyniec. — Warszawa : Nakład Gebethnera i Wolffa, 1884. — 459 s.
7. *Саитов, В. И.* Петербургский некрополь : в 4 т. / В. И. Саитов. — СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1912—1913. — Т. 1 : А—Г. — XX, 715 с.

Паступіў у рэдакцыю 09.09.2024.

УДК 338.46

Е. Н. Карчевская¹, кандидат географических наук, доцент,

Л. Л. Соловьёва², кандидат экономических наук, доцент

Учреждение образования «Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого»,
пр-т Октября, 48, 246029 Гомель, Республика Беларусь, ¹+375 (29) 629 42 06, karchevskaya@gstu.by ,
²+375 (29) 165 05 63, soloveva@gstu.by

МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ АНАЛИЗА МУЗЕЙНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматривается авторская методика поэтапной оценки деятельности организации «Ресурсы — стратегия — брендинг», включающая оценку ресурсного потенциала организации, оценку стратегических приоритетов организации, оценку бренда организации, а также интегральную оценку деятельности организации.

Анализ проведен на примере музеев Гомельского региона с использованием таких методических инструментов, как концепция «Дерево компетенций» (оценивались «стержневые» компетенции, основная продукция, основные услуги, подразделения, конечная продукция, конечные услуги) и «Управленческий MOST» (оценивалась миссия, цель, стратегические приоритеты, тактика), методика анализа бренда организации (оценивалось качество, лидерство, узнаваемость бренда).

Показана степень стабильности организации, эффективность использования ею компетенций и стратегических приоритетов, маркетинговые усилия в продвижении организации и ее продукта.

Предложены направления рационализации деятельности музейных организаций.

Ключевые слова: музей; концепция; «Дерево компетенций»; «Управленческий MOST»; лидерство; качество; узнаваемость.

Табл. 4. Библиогр.: 5 назв.

E. N. Karchevskaya¹, PhD in Geography, Associate Professor,

L. L. Solovyova², PhD in Economics, Associate Professor

Institution of Education “Sukhoi State Technical University of Gomel”, 48 October Ave., 246029 Gomel, the Republic of Belarus, ¹+375 (29) 629 42 06, karchevskaya@gstu.by , ²+375 (29) 165 05 63, soloveva@gstu.by

METHODOLOGICAL TOOLS FOR ANALYSIS OF MUSEUM ACTIVITIES

The article discusses the author’s methodology of step-by-step assessment of the organization’s activities “Resources — strategy — branding”, including an assessment of the organization’s resource potential, an assessment of the organization’s strategic priorities, an assessment of the organization’s brand, as well as an integral assessment of the organization’s activities.

The analysis was carried out on the example of museums in the Gomel region using such methodological tools as the “Tree of Competencies” concept (“core” competencies, main products, main services, departments, end products, end services were assessed) and the “Management MOST” (mission, goal, strategic priorities, tactics were assessed), the methodology of analyzing the organization’s brand (brand quality, brand leadership, brand recognition were assessed).

The degree of stability of the organization, the effectiveness of its use of competencies and strategic priorities, marketing efforts in promoting the enterprise and its product are shown.

The directions of rationalization of the activities of museum organizations are proposed.

Key words: museum; concept; “Tree of competencies”; “Management MOST”; leadership; quality; recognition.

Table 4. Ref.: 5 titles.

Введение. Музейная деятельность сегодня претерпевает изменения, связанные с влиянием многих факторов окружающей среды, таких как снижение численности населения, высокая конкуренция в сфере досуга и развлечений, развитие информационных технологий, некоммерческий характер деятельности музеев, ее законодательное регулирование и т. п. [1].

В силу некоммерческого вида деятельности каждый музей ставит своей главной целью показатели социального эффекта, например, увеличение количества посетителей. Основными методами привлечения посетителей являются неценовые принципы конкуренции: новизна, известность, бренд, привлекательность, современность и т. п. Перед музейным учреждением стоит проблема, как оценить свою деятельность и какие направления развития разработать для укрепления своей позиции на рынке.

Методология оценки музеев имеет следующие проблемные зоны: выбор ключевых показателей оценки, выбор метода оценки, отсутствие единой методики оценки на уровне управления отдельным музеем, а также ограниченность используемой в инструментах управления системы показателей с точки зрения современных тенденций развития музейного дела.

В настоящее время в экономической литературе достаточно подробно описан ряд методик, позволяющих оценить качество услуг (в том числе музейных) с точки зрения потребителей. Среди них наиболее известной и широко используемой считается модель SERVQUAL [2]. Также одним из основных методов оценки уровня управления деятельностью музейного учреждения и его реального положения по отношению ко внешней среде является SWOT-анализ, однако этот метод в силу своей универсальности не раскрывает особенностей музейной деятельности, поэтому возникает необходимость в разработке методики оценки деятельности музейной организации не столько с позиции финансовой устойчивости, как с позиции её потенциала, стратегических приоритетов и продвижения.

Методологические основы изучения музейной деятельности составляют труды, посвященные процессу формирования музейной экспозиции, теории музейной коммуникации (работы Я. Долака, П. Менша, А. Е. Закса, П. В. Аксенова, Л. Л. Винокуровой, М. Т. Майстровской), затрагивающие исторические аспекты музейной деятельности (работы Г. Г. Григоряна, К. Хадсона, В. П. Грицкевича, В. П. Зайцева), описывающие и анализирующие методы экспозиционной деятельности (работы Д. А. Агаповой, А. П. Буслакова, О. В. Ванеевой, П. В. Аксенова, Н. Никишина, Д. Е. Озеровой, Н. А. Личак, А. Земко, Ж.-П. Натали, Ж. Ландри, Г. Кнерр).

Цель исследования — разработка направлений совершенствования использования ресурсного потенциала, стратегии и продвижения бренда посредством использования оригинальной методики.

Материалы и методы исследования. В рамках настоящего исследования предлагается авторская методика поэтапной экспертной оценки деятельности организации «Ресурсы — стратегия — брендинг».

Этап 1. Оценка ресурсного потенциала организации. Деятельность организации во многом зависит от используемых ресурсов, их количества, качества, разнообразия и, прежде всего, умения эффективно использовать ресурсный потенциал. Поэтому на первом этапе важно оценить потенциал организации, его «стержневые компетенции», способность производить основную и дополнительную продукцию, проанализировать слаженную работу всех подразделений в процессе производства и реализации потребителю произведенной продукции для удовлетворения его потребностей.

Этап 2. Оценка стратегических приоритетов организации. На данном этапе важно оценить стратегические приоритеты организации, тактические действия в направлении достижения целей. Важно понимать, насколько культурная организация чётко раскрывает предназначение своей деятельности, правильно сочетает в себе ценности, её продукты или услуги, благодаря которым и планирует удовлетворять потребности своих клиентов.

Этап 3. Оценка бренда организации. Рациональное использование и правильное стратегическое планирование в определенной степени дают организации конкурентное преимущество. Но для дальнейшего успешного существования ей необходимо положительное мнение потребителей. При равных условиях различных организаций на первый план выходят имидж

и брендинг. Позитивный имидж и сильный бренд являются гарантиями обеспечения конкурентоспособности субъекта хозяйствования. На данном этапе оценивается бренд организации.

Анализ деятельности каждого культурного учреждения для лучшего понимания картины необходимо представить в математическом виде. Для этого расставляются по каждому показателю, характеризующему структурный элемент музея, баллы (от 1 — «неудовлетворительно» до 5 — «полностью удовлетворяет»). Чем более широким спектром услуг представлена музейная деятельность, чем выше её конкурентоспособность, тем выше баллы.

Этап 4. Интегральная оценка деятельности музеев. Итоговая оценка призвана обозначить настоящую позицию организации и определить ее потенциал.

Расчет числовых значений показателей независимой оценки качества услуг музея был проведен по трем направлениям: 1) уровень реализации «ключевых» компетенций музея; 2) оценка стратегических приоритетов организации; 2) оценка бренда (качество бренда, лидерство бренда, узнаваемость бренда) организации.

Результаты исследования и их обсуждение. Анализ проведен на примере музеев Гомельского региона. Для этого были отобраны организации, предоставляющие схожий вид услуг на территории Гомельской области: ГУК «Жлобинский историко-краеведческий музей», музей природы и быта «Лясковичи», ГУ «Гомельский историко-краеведческий музей», ГУК «Историко-культурный центр Буда-Кошелёвского района», Ветковский музей старообрядчества и белорусских традиций им. Ф. Г. Шклярова. Экспертная комиссия в составе 7 человек (работники музеев: маркетолог, экскурсоводы, смотрители, научные сотрудники) оценила показатели. Компетентность экспертов и рассчитанный коэффициент конкордации (0,69) позволяют сделать вывод о согласованности мнений.

Этап 1. Для анализа ресурсов и производимой на их основе продукции существует различный инструментарий. Мы же предлагаем к применению концепцию «Дерево компетенций» — один из инструментов определения своих сильных сторон и оптимизации их развития, впервые предложенный в работах известных менеджеров Г. Хамела и К. Прахалада [3].

Данная концепция представляет собой метод описания и систематизации компетенций, необходимых для успешного выполнения задач в рамках работы организации, отрасли и даже страны. Его задача состоит в иерархическом представлении так называемых «ключевых» компетенций, которые в отличие от конкурентных преимуществ имеют долгосрочные сложно копируемые составляющие.

Итак, для применения данной концепции выделим её основные элементы:

- «стержневые» компетенции — комбинации ресурсов организации, её внутреннего потенциала, являющиеся уникальными и создающие конкурентное преимущество;
- основная продукция (услуги) — представленные экспонаты, их мировая или национальная уникальность;
- подразделения — отдельные части организации, её филиалы, способствующие повышению эффективности, имеющие свои цели и задачи;
- конечная продукция (услуги) — товары и услуги, реализуемые потребителю и предназначенные удовлетворить его потребности;
- конечная цель для музея состоит в идее, что сувениры позволяют сохранить в памяти гостей их посещение, воплощая собой нечто уникальное о полученном опыте. Для музея сувениры выступают не только дополнительным источником прибыли в целях поддержания своей деятельности, но и отличным инструментом по продвижению музея.

В таблице 1 представлены экспертные оценки музеев.

Так, согласно таблице 1, лидируют два учреждения — ГУК «Жлобинский историко-краеведческий музей» и Ветковский музей старообрядчества и белорусских традиций им. Ф. Г. Шклярова с оценками 4,7.

Т а б л и ц а 1. — Оценки музеев, выставленные на основе концепции «Дерево компетенций»

Музей	«Стержневые» компетенции	Основная продукция	Основные услуги	Подразделения	Конечная продукция	Конечная цель	Средняя оценка
ГУК «Жлобинский историко-краеведческий музей»	5	4	5	5	4	5	4,7
Ветковский музей старообрядчества и белорусских традиций им. Ф. Г. Шклярова	5	5	4	5	5	4	4,7
Музей природы и быта «Лясковичи»	4	4	3	3	4	4	3,7
ГУ «Гомельский историко-краеведческий музей»	3	4	3	3	4	4	3,5
ГУК «Историко-культурный центр Буда-Кошелёвского района»	4	4	4	5	4	4	4,2

Примечание — источник: составлено на основе экспертных оценок.

Этап 2. Одним из эффективных инструментов анализа выступает концепция мини-стратегии MOST (англ. mission миссия, objectives цели, strategy as strategic priorities стратегические приоритеты, tactics тактика). Данный бизнес-метод позволяет перейти от конкретных составляющих стратегического плана до его тактического выполнения.

Миссия представляет собой главную цель организации, раскрывающую предназначение деятельности фирмы [3]. Цель выступает в качестве инструмента для достижения миссии компании. Стратегические приоритеты — это разновидность планов, необходимых для выполнения стратегии организации. Тактика же представляет собой конкретные действия для достижения стратегии.

Цели и стратегические приоритеты для многих музеев одинаковы: 1) привлечение новых и удержание старых посетителей; 2) развитие и продвижение товаров и услуг музейной деятельности среди населения.

Анализ показал, что каждый из музеев стремится к тому, чтобы заявить о себе, сохраняя культурное и историческое наследие в виде бесчисленных экспонатов, используя при этом разнообразные инструменты по привлечению туристов. Вопрос состоит в том, успешна ли их тактика на практике и соответствует ли деятельность музея современным требованиям искушённых посетителей.

В таблице 2 представлены экспертные оценки по каждому структурному элементу.

Т а б л и ц а 2. — Оценки музеев, выставленные на основе концепции «Управленческий MOST»

Музей	Миссия	Цель	Стратегические приоритеты	Тактика	Средняя оценка
ГУК «Жлобинский историко-краеведческий музей»	5	5	5	5	5,00
Ветковский музей старообрядчества и белорусских традиций им. Ф. Г. Шклярова	5	5	5	5	5,00
Музей природы и быта «Лясковичи»	3	5	5	2	3,75
ГУ «Гомельский историко-краеведческий музей»	2	5	5	2	3,50
ГУК «Историко-культурный центр Буда-Кошелёвского района»	4	5	5	4	4,50

Примечание — источник: составлено на основе экспертных оценок.

В итоге наивысший балл получили два учреждения — ГУК «Жлобинский историко-краеведческий музей» и Ветковский музей старообрядчества и белорусских традиций им. Ф. Г. Шклярова. У них хорошо сформированная стратегическая концепция по управлению организацией, исполнение которой они проводят при помощи современных инструментов привлечения аудитории. В данном случае это интерактивные мероприятия.

Этап 3. Для анализа бренда предлагается авторская методика [4; 5], включающая три группы показателей: качество бренда, лидерство бренда, узнаваемость бренда. Качество бренда — фактор, формирующий потребительские отношения к бренду. Лидерство бренда — показатель, указывающий на силу бренда. Узнаваемость бренда включает в себя идентификацию характеристик продукта.

Такой показатель, как «лидерство», оценивается на основе представленности музея на интернет-площадках, предлагающих разнообразные программы культуры и досуга для потребителей. Показатель «качество» основан на оценке удовлетворённости клиентов услугами организации, важным элементом тут выступают потребительские отзывы. Анализ по показателю «узнаваемость» оценивался на основании экспертных опросов, включал в себя узнаваемость атрибутов бренда, элементов фирменного стиля организации.

Так, в таблице 3 содержатся полученные музеями оценки по изучаемым показателям.

Как видим, тройку лидеров среди историко-краеведческих музеев Гомельской области составляют Ветковский музей старообрядчества и белорусских традиций им. Ф. Г. Шклярова, ГУК «Жлобинский историко-краеведческий музей» и музей природы и быта «Лясковичи».

Этап 4. На данном этапе необходимо подвести общий итог работы организации по трем методикам, определив суммарную и среднюю оценки (таблица 4).

Поскольку в настоящем исследовании проводится поэтапный анализ, важно видеть стабильную позицию организации на всех этапах, что и демонстрируют ГУК «Жлобинский историко-краеведческий музей», Ветковский музей старообрядчества и белорусских традиций им. Ф. Г. Шклярова. Позиция музея природы и быта «Лясковичи» говорит о неэффективном использовании компетенций и стратегических приоритетов. Позиции ГУ «Гомельский историко-краеведческий музей» и ГУК «Историко-культурный центр Буда-Кошелёвского района» говорят о необходимости активизации маркетинговых усилий в продвижении организации и ее продукта.

Т а б л и ц а 3. — Анализ брендов музеев

Музей	Лидерство	Качество	Узнаваемость	Средняя оценка
ГУК «Жлобинский историко-краеведческий музей»	1,7	5,0	5,0	3,9
Ветковский музей старообрядчества и белорусских традиций им. Ф. Г. Шклярова	5,0	5,0	5,0	5,0
Музей природы и быта «Лясковичи»	5,0	5,0	3,3	4,4
ГУ «Гомельский историко-краеведческий музей»	1,7	3,3	2,5	2,5
ГУК «Историко-культурный центр Буда-Кошелёвского района»	1,7	3,3	1,7	2,2

Примечание — источник: составлено на основе экспертных оценок.

Т а б л и ц а 4. — Интегральная оценка деятельности музеев

Музей	Оценки на основе «Дерева компетенций»	Оценки на основе концепции «Управленческий MOST»	Анализ брендов музеев	Сумма баллов	Средняя оценка
ГУК «Жлобинский историко-краеведческий музей»	4,70	5,00	3,90	13,60	4,50
Ветковский музей старообрядчества и белорусских традиций им. Ф. Г. Шклярова	4,70	5,00	5,00	14,70	4,90
Музей природы и быта «Лясковичи»	3,70	3,75	4,40	11,85	4,00
ГУ «Гомельский историко-краеведческий музей»	3,50	3,50	2,50	9,50	3,20
ГУК «Историко-культурный центр Буда-Кошелёвского района»	4,20	4,50	2,20	10,90	3,60

Примечание — источник: составлено на основе экспертных оценок.

Заключение. Популярность и успех музея обусловлены рядом факторов:

– уникальность коллекции — музей, который предлагает уникальные и ценные экспонаты, привлекает больше посетителей;

– качество экспозиции и представления — музей должен предложить интересную и информативную экспозицию с хорошими интерактивными элементами, мультимедийными инсталляциями и качественными объяснениями. Это помогает посетителям лучше понять и оценить представленные экспонаты;

– маркетинг и реклама — успешные музеи активно продвигают свои выставки и мероприятия через различные каналы коммуникации. Хорошая репутация и положительные отзывы посетителей также способствуют привлечению новых гостей;

– клиентоориентированный подход — необходимо следить за настроением целевой аудитории, за трендами в музейной сфере, что позволит заявить о себе на рынке.

Слаженная работа в этих направлениях даёт возможность музею повысить свою конкурентоспособность на рынке культурного туризма, тем самым увеличив приток посетителей, следовательно, и прибыль. Для этого музею необходимо организовывать свою работу так, чтобы всегда была возможность быстро перестроиться в соответствии с новыми реалиями и новой конъюнктурой.

Для успешной работы музея нужно активизировать работу в следующих направлениях.

1. В целях повышения узнаваемости музейных организаций необходимо направить усилия не только на увеличение количества экспонатов, но и на использование разнообразных инструментов по привлечению туристов. Например, совместно с национальными центрами можно разрабатывать и проводить мероприятия этнографической направленности.

2. Лидерские позиции музеям могут обеспечить различные активные мероприятия. Например, одной из трендовых форм музейной деятельности для различных целевых сегментов могут выступать квест-игры — интерактивные игры с сюжетной линией, заключающейся в решении различных головоломок и логических заданий [3].

3. Стратегически важным фактором в эпоху Интернета становится обращённость музея в открытое информационное пространство. Тактическим решением может быть создание в Сети новых виртуальных музейных ресурсов, разных как по форме, так и по содержанию:

порталов, сайтов, электронных буклетов, небольших по объему интернет-представительств в форме визитных карточек музея.

4. Конкурентное преимущество в долгосрочной перспективе музею обеспечивает грамотное использование его компетенций. Например, улучшение качества сервисного обслуживания музея способствует увеличению числа посетителей, повышению уровня их удовлетворённости, что, в свою очередь, приведёт к увеличению доходов, повышению репутации компании и привлечению новых спонсоров.

В заключение следует сказать, что совершенствование работы музея позволит сохранить и приумножить культурное наследие города. Так, музей может стать более привлекательным для широкой аудитории, что поспособствует развитию туристической индустрии в стране и её регионах.

Список цитируемых источников

1. The World's Most-Visited Museums // Statista.com. — URL: <https://www.statista.com/chart/18141/museums-with-the-highest-attendance-figures/> (date of access: 10.03.2024).
2. *Нефедова, Н. Л.* Методика «SERVQUAL» как инструмент повышения инновационной активности в организациях сферы услуг / Н. Л. Нефедова, Б. Д. Сандитова // Экономика и социум. — 2022. — № 11-2 (102). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-servqual-kak-instrument-povysheniya-innovatsionnoy-aktivnosti-v-organizatsiyah-sfery-uslug-1> (дата обращения: 23.07.2024).
3. *Хамел, Г.* Конкурируя за будущее. Создание рынков завтрашнего дня / Г. Хамел, К. Прахалад. — М. : Олимп-Бизнес, 2002. — 288 с.
4. *Карчевская, Е. Н.* Методические аспекты анализа туристского бренда / Е. Н. Карчевская // Экономика. Бизнес. Финансы. — 2019. — № 9. — С. 10—14.
5. *Карчевская, Е. Н.* Теоретико-методические аспекты анализа и развития туристского бренда / Е. Н. Карчевская // Экономика. Бизнес. Финансы. — 2018. — № 10. — С. 7—10.

Поступила в редакцию 01.08.2025.

УДК 338.49; 378.4

В. В. Климук¹, кандидат экономических наук, доцент,
Е. В. Климук²

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», ул. Войкова, 21, 225404 Барановичи, Республика Беларусь, ¹+375 (29) 357 70 53, klimuk-vv@yandex.ru, ²+375 (29) 823 81 06, evgenya11s@mail.ru

ИНФРАСТРУКТУРА ПОДДЕРЖКИ МОЛОДЕЖНОГО ИННОВАЦИОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В УЧРЕЖДЕНИЯХ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Авторами проведен обзор некоторых литературных источников в направлении исследований по тематике инфраструктуры поддержки молодежного инновационного предпринимательства. Выделены основные направления деятельности научно-технологических парков и специализации их резидентов, основные направления деятельности центров трансфера технологий и центров поддержки предпринимательства, функционирующих на базе учреждений высшего образования Республики Беларусь. На примере учреждения образования «Барановичский государственный университет» представлена схема реализации молодежных проектов в сфере инновационного предпринимательства.

Ключевые слова: молодежное инновационное предпринимательство; инфраструктура поддержки; научно-технологический парк; центр трансфера технологий; центр поддержки предпринимательства; стартап-мероприятия; молодежные проекты.

Рис. 4. Табл. 3. Библиогр.: 18 назв.

V. V. Klimuk¹, PhD in Economics, Associate Professor,
E. V. Klimuk²

Institution of Education "Baranavichy State University", 21 Voykova Str., 225404 Baranavichy, the Republic of Belarus, ¹+375 (29) 357 70 53, klimuk-vv@yandex.ru, ²+375 (29) 823 81 06, evgenya11s@mail.ru

INFRASTRUCTURE FOR THE SUPPORT OF YOUTH INNOVATIVE ENTREPRENEURSHIP IN HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS OF THE REPUBLIC OF BELARUS

The authors conducted a review of some literary sources in the field of research on the infrastructure of support for youth innovative entrepreneurship. The main activities of science and technology parks and the specialization of their residents, the main activities of technology transfer centers and business support centers operating on the basis of higher education institutions of the Republic of Belarus are highlighted. Using the example of the educational institution "Baranovichi State University", a scheme for the implementation of youth projects in the field of innovative entrepreneurship is presented.

Key words: youth innovative entrepreneurship; support infrastructure; science and technology park; technology transfer center; entrepreneurship support center; startup events; youth projects.

Fig. 4. Table 3. Ref.: 18 titles.

Введение. В целях развития научно-технического, инновационного потенциала молодежи, реализации молодежных проектных инициатив в Республике Беларусь эффективно функционирует инновационная инфраструктура.

В Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года одними из основных направлений развития научно-технического потенциала в среднесрочном периоде определены: содействие развитию малых форм инновационного предпринимательства, формирование «поясов внедрения» из практикоориентированных организаций вокруг научно-исследовательских лабораторий (центров) НИЛ(Ц); расширение практики предоставления инновационных ваучеров и грантов физи-

ческим лицам и субъектам малого предпринимательства для реализации инновационных проектов, направленных на коммерциализацию объектов промышленной собственности [1].

В приоритете Стратегии развития государственной молодежной политики Республики Беларусь до 2030 года «Занятость молодежи» одной из задач является развитие молодежного предпринимательства, в том числе в социальной сфере [2].

В подпрограмме 10 «Молодежная политика» Государственной программы «Образование и молодежная политика» на 2021—2025 годы представлены «Мероприятия по вовлечению молодежи в различные виды занятости, инновационную деятельность, повышению ее предпринимательской активности (стартап-мероприятия, форумы, конференции, семинары, фестивали, конкурсы, акции, проекты и другое)». Одними из ключевых направлений в сфере молодежной политики отмечена профессиональная самореализация, карьерный рост, молодежное предпринимательство [3].

В качестве направления по решению задачи создания новых и ускорения развития существующих наукоемких и высокотехнологичных секторов экономики выступает развитие инновационного предпринимательства в высокотехнологичных отраслях [4].

Одним из приоритетов Государственной программы «Малое и среднее предпринимательство» на 2021—2025 годы является «стимулирование субъектов малого и среднего предпринимательства к созданию высокопроизводительных, экспортоориентированных и инновационных организаций» [5].

В числе направлений усиления кооперации образования, фундаментальной и прикладной науки представлена «практическая реализация концепции “Университет 3.0”, которая предполагает создание интегрированной образовательной, научно-исследовательской и предпринимательской среды путем использования модели гибкой современной компании, инкубатора стартапов, центра регионального развития, что обеспечивает единство системы “образование—наука—инновации—коммерциализация—производство”» [6].

Методология и методы исследования. В рамках исследования, направленного на изучение основных субъектов инновационной инфраструктуры и инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства, функционирующих на базе учреждений высшего образования (далее — УВО), были использованы материалы информационно-аналитической системы «ЭТАЛОН-ONLINE», официальных сайтов органов государственного управления, УВО Республики Беларусь, а также материалы наукометрической базы РИНЦ, Cyberleninka. В качестве методов исследования были применены метод структурного анализа, системный подход, методы сравнения, обобщения.

Результаты исследования и их обсуждение. Изучение вопросов функционирования научно-исследовательской, инновационной инфраструктуры, инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства представлено в научных исследованиях.

Основные институты поддержки, функционирующие в нашей стране, как ключевые факторы, влияющие на эффективное развитие малого и среднего предпринимательства и формирующие предпринимательскую активность в Республике Беларусь, рассмотрены в работе [7].

Отдельные конкретные примеры созданных субъектов инновационной инфраструктуры на базе университетов Республики Беларусь, осуществляющие передачу технологий для их практического использования в реальном секторе экономики, рассмотрены в работе [8].

В работе [9] приведены функционирующие в системе образования субъекты инновационной инфраструктуры — научно-технологические парки и центры трансфера технологий, а также выделены другие структуры, обеспечивающие поддержку научной и инновационной деятельности студентов и сотрудников УВО, такие как отраслевые лаборатории, центры коллективного пользования, бизнес-инкубаторы, клубы, школы и центры молодежного предпринимательства.

Роль бизнес-инкубатора как инструмента поддержки молодых предпринимателей, результаты социального исследования на примере одного из бизнес-инкубаторов г. Минска представлены в работе [10].

В работе [11] выделены направления в исследовании инновационного молодежного предпринимательства, рассмотрены структура и содержание компонента инновационного молодежного предпринимательства, систематизированы критерии инновационного молодежного предпринимательства.

Инновационная инфраструктура Республики Беларусь представлена научно-технологическими парками (далее — НТП), центрами трансфера технологий (далее — ЦТТ), иными организациями, имеющими статус субъекта инновационной инфраструктуры. В нашей стране функционирует 16 НТП, 6 ЦТТ, 2 организации со статусом субъекта инновационной инфраструктуры (Белорусский инновационный фонд, Национальный центр интеллектуальной собственности Республики Беларусь) [12] (рисунок 1).

Университеты являются генераторами инновационных молодежных идей, центрами концентрации интеллектуальных ресурсов, развития научно-технического, инновационного потенциала молодежи.

В рамках данного исследования проанализируем деятельность субъектов инфраструктуры поддержки молодежного инновационного предпринимательства (далее — МИП) на примере некоторых УВО Республики Беларусь. На базе УВО Республики Беларусь функционирует 6 НТП и 3 ЦТТ (рисунок 2).

Представим информацию о НТП, функционирующих на базе УВО Республики Беларусь (таблица 1).

Систематизированные данные о деятельности НТП на базе УВО свидетельствуют о реализации следующих основных направлений деятельности:

- оказание поддержки резидентам технопарка (материально-техническое, финансовое, организационно-методическое, информационное, консультационное и иное обеспечение их деятельности);
- содействие в создании и развитии субъектов малого предпринимательства в сфере инновационной деятельности;
- производство инновационной продукции.

Субъекты инновационной инфраструктуры Республики Беларусь

Условные обозначения

- Технопарк (16)
- Центр трансфера технологий (6)
- Субъекты инновационной инфраструктуры (БИФ и НЦИС)

Рисунок 1. — Расположение субъектов инновационной инфраструктуры Республики Беларусь (по состоянию на 04.12.2023) [13]

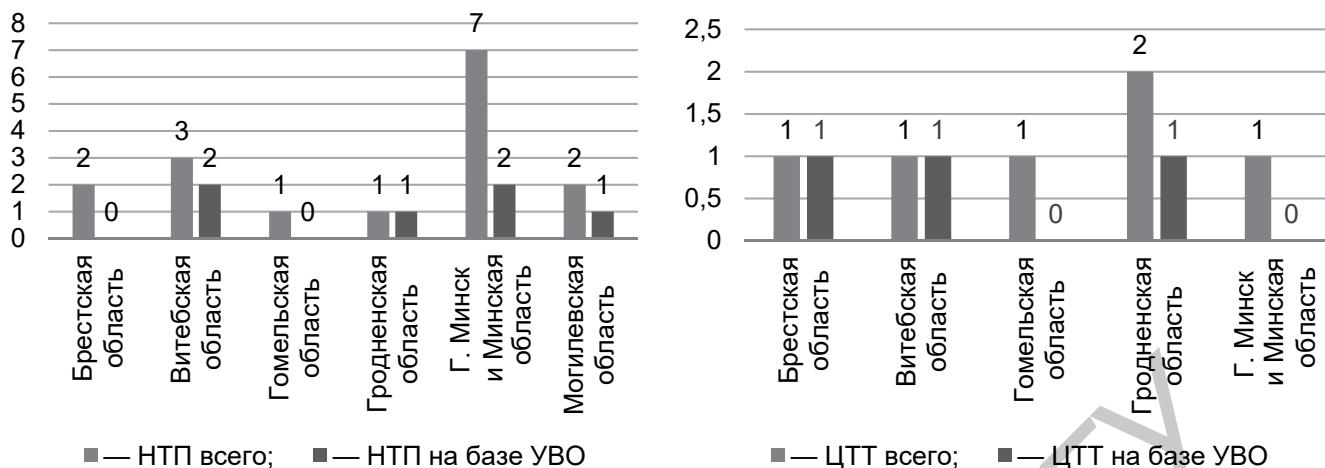

Рисунок 2. — Количество НТП и ЦТТ в Республике Беларусь, в том числе функционирующих на базе УВО

Примечание — источник: собственная разработка на основе [13].

Т а б л и ц а 1. — Научно-технологические парки, функционирующие на базе УВО Республики Беларусь

Наименование НТП	Направления деятельности	Описание услуг резидентов
Республиканское инновационное унитарное предприятие «Научно-технологический парк БНТУ «Политехник»»	– Оказание систематической поддержки резидентам технопарка; – содействие развитию предпринимательства в научной, научно-технической и инновационной сферах; – содействие в создании производств с новыми технологиями и создание высокотехнологичных производств, выпускающих законченную высокотехнологическую продукцию для реализации ее на рынок	Исследование, разработка и промышленное освоение оборудования, технологий и нанотехнологий, лазерной и другой техники, оказание услуг в области станкостроения и машиностроения, проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, ремонт оборудования, разработка технологических процессов и оборудования в области систем видеонаблюдения, разработке и изготовление изделий медицинского оборудования и др.
Республиканское инновационное унитарное предприятие «Научно-технологический парк Витебского государственного технологического университета»	– Оказание поддержки резидентам технопарка; – содействие в создании и развитии субъектов малого предпринимательства в сфере инновационной деятельности с приобретением ими статуса резидента технопарка и осуществление материально-технического, финансового, организационно-методического, информационного, консультационного и иного обеспечения их деятельности	Производство обуви, обработка металла, производство готовых механических изделий, обработка металла и нанесение покрытия на инструмент, производство игр и игрушек, отшив экспериментальных партий продукции туристическо-спортивного ассортимента и др.
Республиканское инновационное унитарное предприятие	– Оказание систематической поддержки резидентам технопарка; – содействие в создании производств с новыми технологиями и создание	Разработка программного обеспечения, энергосберегающего светодиодного оборудования,

Продолжение таблицы 1

Наименование НТП	Направления деятельности	Описание услуг резидентов
«Научно-технологический парк Полоцкого государственного университета»	высокотехнологичных производств, выпускающих законченную высокотехнологическую продукцию для реализации ее на рынок	внедрение и обслуживание инновационных продуктов и наукоемких информационных технологий, производство трубопроводной арматуры, изготовление по индивидуальным заказам продукции водосточной системы, разработка новых и совершенствование существующих методов и способов диагностирования электронных систем управления и др.
Учебно-научно-производственное республиканское унитарное предприятие «УНИТЕХПРОМ БГУ»	– Содействие развитию предпринимательства в научной, научно-технической и инновационной сферах; – создание благоприятных условий для юридических и физических лиц (резидентов) инновационной деятельности от поиска (разработки) нововведения до его реализации; – ускорение коммерциализации научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ БГУ; – внедрение НТ-разработок БГУ, придание разработкам коммерческой стоимости, выявление и развитие их конкурентоспособности на рынке продуктов и технологий; – обучение и подготовка работников БГУ, мотивированных и владеющих навыками коммерциализации результатов научно-технической деятельности	Выпуск препаратов для лечения крупного рогатого скота, станков с числовым программным управлением, ультразвуковая сварка, продукция из битумных и битумосодержащих отходов, хромотография, устройства, отслеживающие состояние животного, разработка и продвижение веб-сайтов для бизнеса, образцов и расходных материалов для лабораторной деятельности и др.
Республиканское инновационное унитарное предприятие «Научно-технологический парк БГУИР»	– Оказание услуг резидентам, среди которых могут быть малые и средние предприятия, индивидуальные предприниматели, планирующим или ведущим инновационную деятельность в области информатики и радиоэлектроники; – производство инновационной продукции, в том числе коммуникационного оборудования, узлов и компонентов сверхвысокочастотных устройств, используемых при построении радиотехнических устройств и информационно-измерительных систем	Выпуск продукции сверхвысоких частот: узлы, измерительные приборы; разработка программного обеспечения: микропроцессоров (MCU), ПЛИС (FPGA)
Республиканское унитарное предприятие «Учебно-научно-производственный центр “Технолаб” учреждения образования «Гродненский	– Разработка и производство учебных практикумов, лабораторных работ, учебной техники и учебного оборудования для УВО, колледжей и общеобразовательных учреждений; – обучение и стажировка преподавателей и персонала учреждений образования на хозрасчетной основе;	Разработка комплектов оборудования для общеобразовательных учреждений

Окончание таблицы 1

Наименование НТП	Направления деятельности	Описание услуг резидентов
государственный университет имени Янки Купалы»	– проведение дистанционного обучения при подготовке к централизованному тестированию; – дистанционная подготовка к олимпиадам; – подготовка магистрантов и аспирантов по направлению деятельности центра	

Примечание — источник: собственная разработка на основе [12].

Представим информацию о ЦТТ, функционирующих на базе УВО Республики Беларусь (таблица 2).

Таким образом, основными направлениями деятельности ЦТТ, функционирующих на базе УВО, являются:

- консалтинговые услуги по вопросам бизнес-планирования, коммерческой деятельности, коммерциализации инновационных, научно-технических, образовательных и бизнес-проектов;
- содействие в привлечении инвестиций, поиске инвесторов и (или) деловых партнеров;
- консультирование по вопросам бухгалтерского учета;
- деятельность по созданию рекламы;
- организация и проведение стартап-мероприятий;
- издание каталогов, сборников проектов, справочных и рекламных материалов;
- деятельность по ведению бухгалтерского учета организации и проведению рекламных кампаний;
- исследование конъюнктуры рынка и изучение общественного мнения;

Т а б л и ц а 2. — Центры трансфера технологий, функционирующие на базе УВО Республики Беларусь

Наименование ЦТТ	Направления деятельности
Обособленное подразделение «Центр трансфера медицинских и фармацевтических технологий» учреждения образования «Витебский государственный ордена Дружбы народов медицинский университет»	Трансфер медицинских и фармацевтических технологий
Обособленное структурное подразделение «Центр трансфера технологий» учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»	– Предоставление услуг по поддержке трансфера технологий и развитию инновационной деятельности и предпринимательства с реализацией, реализуя стратегию инновационного развития; – развитие сотрудничества разработчиков, инвесторов, производителей и потребителей наукоемкой продукции (продуктов, технологий, услуг); – содействие коммерциализации результатов научно-исследовательской, опытно-конструкторской и инновационной деятельности

Окончание таблицы 2

Наименование ЦТТ	Направления деятельности
Обособленное подразделение «Центр трансфера технологий» учреждения образования «Барановичский государственный университет»	<ul style="list-style-type: none"> – Разработка комплектов проектной документации (заявка, технико-экономическое обоснование (бизнес-план), проектно-сметная документация паспорт проекта, стратегия коммерциализации, этапы выполнения проекта и пр.) по запросу организаций, структурных подразделений университета, коллективов разработчиков для представления; – оказание услуг по информационному продвижению новшеств и (или) продукции, технологий, услуг, организационно-технических решений, созданных на основе новшеств; – организация участия субъектов инновационной деятельности в проведении выставок, ярмарок, конференций и других мероприятий (биржи деловых контактов, стартап-мероприятия и др.); – содействие в привлечении инвестиций, поиске инвесторов и (или) деловых партнеров; – консультационные услуги (в частности, в области финансов, права, техники и технологий) на всех этапах передачи новшества; – образовательные услуги, направленные на формирование знаний и компетенций в области трансфера технологий.

Примечание — источник: собственная разработка на основе [12].

- проведение обучающих курсов, семинаров по актуальным вопросам предпринимательской деятельности, бухгалтерскому учету и отчетности, управления проектами;
- предоставление услуг по поддержке трансфера технологий и развитию инновационной деятельности и предпринимательства с реализацией стратегии инновационного развития.

В целях развития предпринимательских инициатив в Республике Беларусь функционирует инфраструктура поддержки малого и среднего предпринимательства. Всего на 23.10.2024 в Республике Беларусь действовал 91 центр поддержки предпринимательства (ЦПП) и 19 инкубаторов малого предпринимательства [14]. Их основной целью деятельности является оказание субъектам малого и среднего предпринимательства содействия в организации и осуществлении предпринимательской деятельности.

Представим информацию о ЦПП, функционирующих на базе субъектов инновационной инфраструктуры УВО Республики Беларусь (таблица 3).

Т а б л и ц а 3. — Центры поддержки предпринимательства, функционирующие на базе субъектов инновационной инфраструктуры УВО Республики Беларусь

Наименование ЦПП	Направления деятельности
ООО «Технопарк «Полесье»»	<ul style="list-style-type: none"> – Проведение стартап-мероприятий (конкурс инновационных бизнес-проектов для начинающих предпринимателей с участием потенциальных инвесторов); – информирование о системе поддержки малого и среднего предпринимательства; – консультации по вопросам коммерческой деятельности и управления; – консалтинг в сфере «зелёной экономики» и рационального природопользования
Обособленное подразделение «Центр трансфера технологий» учреждения	<ul style="list-style-type: none"> – Оказание содействия субъектам малого и среднего предпринимательства в получении информационных, методических и консультационных услуг; – оказание содействия в подготовке, переподготовке и привлечении квалифицированных кадров для субъектов малого и среднего предпринимательства; – проведение маркетинговых исследований; – организация взаимодействия центров поддержки предпринимательства области (г. Минска) по проведению мероприятий, оказанию субъектам малого и среднего предпринимательства услуг, связанных с организацией и осуществлением предпринимательской деятельности;

Окончание таблицы 3

Наименование ЦПП	Направления деятельности
образования «Барановичский государственный университет»	– анализ тенденций развития малого и среднего предпринимательства; – информирование субъектов предпринимательства о системе поддержки предпринимательства в регионе; – иные мероприятия, направленные на реализацию задач центра поддержки предпринимательства (базового центра поддержки предпринимательства)
ООО «Технопарк “Горки”»	– Консультации по вопросам коммерческой деятельности и управления, регистрации субъектов хозяйствования; – разработка бизнес-планов инвестиционных проектов; – бухгалтерские услуги; – содействие в поиске инвесторов; – проведение семинаров, стартап-мероприятий

Примечание — источник: собственная разработка на основе [14].

В целях повышения предпринимательской активности молодежи в Республике Беларусь проводятся стартап-мероприятия. В Комплексе мероприятий по развитию национальной инновационной системы на 2021—2025 годы в разделе «Вовлечение талантливой молодежи в научно-инновационную сферу, повышение роли и престижа ученых, разработчиков, изобретателей, рационализаторов, предпринимателей-инноваторов» представлено мероприятие «27. Развитие в учреждениях образования системы вовлечения молодежи в научно-техническую и инновационную деятельность», содержащее «развитие стартап-движения, включая оказание организационной, информационной и иной поддержки организациям, осуществляющим подготовку и проведение мероприятий, направленных на вовлечение молодежи в инновационную и предпринимательскую деятельность, установление профессионально-деловых связей изобретателей и начинающих инновационных предпринимателей с потенциальными инвесторами и деловыми партнерами» [15].

Согласно Плану проведения стартап-мероприятий на 2024 год, в Брестской области запланировано 113 стартап-мероприятий. Учреждениями высшего образования Брестской области запланировано проведение 57 стартап-мероприятий, в том числе ЦПП, функционирующим на базе учреждения образования «Барановичский государственный университет», — 20 стартап-мероприятий [16].

В качестве основных форм проводимых стартап-мероприятий следует отметить: мастер-классы, семинары-тренинги, деловые игры, воркшопы, обучающие семинары, обучающие курсы, семинары-практикумы, бизнес-хакатоны, кейс-чемпионаты, биржи деловых контактов, митап-сессии, стартап-школы, онлайн-интенсивы, конкурсы бизнес-идей, стартапов, инновационных проектов.

На базе УВО Республики Беларусь функционирует 35 отраслевых лабораторий, в деятельности которых принимают участие коллективы молодых ученых, студентов, выполняющих научные исследования, реализуя инновационные проекты.

Согласно Примерному положению об отраслевой лаборатории, «под отраслевой лабораторией понимается подразделение, создаваемое в структуре научной организации для обеспечения выполнения научно-исследовательских, опытно-конструкторских и опытно-технологических работ, научного сопровождения инновационных проектов, опытно-промышленной апробации и внедрения в производство результатов научной и научно-технической деятельности в организациях профильной области или отрасли, осуществляющее свою деятельность на основе плана совместных работ с республиканскими органами государственного управления и иными государственными организациями, подчиненными Правительству Республики Беларусь, Национальной академии наук Беларуси, реализующими государственную политику в соответствующей сфере» [17].

В УВО функционируют научно-исследовательские лаборатории, выступающие площадкой для выполнения научных исследований, генерации инновационных разработок, их практического применения.

В целях развития МИП в УВО функционируют бизнес-инкубаторы, стартап-центры, обеспечивающие создание условий для разработки и апробации молодежных предпринимательских идей.

В Республике Беларусь эффективно функционируют центры компетенций, которые работают на базе учреждений профессионально-технического, среднего специального и высшего образования.

На базе учреждения образования «Брестский государственный технический университет» создан Центр компетенций «Промышленная робототехника и цифровой инжиниринг», основной целью которого является «повышение эффективности реализации образовательных, научно-исследовательских и научно-практических проектов в области исследования, разработки и сопровождения при внедрении автоматизированных систем организации и управления цифровым производством в высокотехнологичных отраслях экономики» [18].

В целях развития компетенций у молодежи в сфере инновационного предпринимательства университетами Республики Беларусь реализуются образовательные, научно-практические, презентационные, конкурсные и другие мероприятия. Представим ряд мероприятий, реализуемых в УВО, на примере БарГУ (рисунок 3).

Реализация представленных мероприятий осуществляется в рамках «Дорожной карты» с указанием формата, содержания мероприятия, сроков его проведения, организаторов, планируемых результатов.

Представим схему реализации молодежных проектов в сфере инновационного предпринимательства на примере БарГУ (рисунок 4).

Рисунок 3. — Комплекс мероприятий по развитию компетенций у молодежи в сфере инновационного предпринимательства, проводимых БарГУ

Примечание — источник: собственная разработка.

Рисунок 4. — Схема реализации молодежных проектов в сфере инновационного предпринимательства на примере БарГУ

Примечание — источник: собственная разработка.

Систематизированная информация о результатах проведенных мероприятий, ее анализ выступают основой для подготовки комплекса мероприятий по тематическим направлениям для дальнейшего развития МИП в плановом периоде на основе образовательных, научно-практических, презентационных, внедренческих мероприятий.

Заключение. Результаты проведенного исследования позволили: выделить основные направления деятельности НТП, функционирующих на базе УВО Республики Беларусь, а также специализацию деятельности их резидентов; выделить основные направления деятельности ЦТТ, функционирующих на базе УВО Республики Беларусь; отразить основные направления деятельности ЦПП, функционирующих на базе УВО Республики Беларусь; выделить основные формы проводимых стартап-мероприятий на примере УВО Брестской области; представить схему реализации молодежных проектов в сфере инновационного предпринимательства на примере БарГУ. Инфраструктура поддержки МИП обеспечивает условия для генерации молодежных инновационных идей, их апробации и практического использования для дальнейшего социально-экономического развития Республики Беларусь.

Список цитируемых источников

1. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года : одобр. протоколом заседания Президиума Совета Министров Респ. Беларусь от 02.05.2017 № 10. — Минск, 2017.
2. О Стратегии развития государственной молодежной политики Республики Беларусь до 2030 года : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 19 июня 2021 г. № 349 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — 2021. — № 5/49172.
3. О Государственной программе «Образование и молодежная политика» на 2021—2025 годы : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 29 янв. 2021 г. № 57 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — 2021. — № 5/48744.
4. О Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2021—2025 годы : указ Президента Респ. Беларусь от 15 сент. 2021 г. № 348 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — 2021. — № 1/19898.
5. О Государственной программе «Малое и среднее предпринимательство» на 2021—2025 годы : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 29 янв. 2021 г. № 56 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — 2021. — № 5/48750.
6. Стратегия «Наука и технологии: 2018—2040» : утв. постановлением Президиума Нац. акад. наук Беларуси от 26.02.2018 г. № 17. — Минск, 2017.
7. Ключня, В. Л. Институты поддержки малого и среднего предпринимательства в Республике Беларусь: состояние и направления развития / В. Л. Ключня, В. Н. Козловская // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D, Экономические и юридические науки. — 2019. — № 14. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/instituty-podderzhki-malogo-i-srednego-predprinimatelstva-v-respublike-belarus-sostoyanie-i-napravleniya-razvitiya> (дата обращения: 24.09.2024).
8. Верняховская, В. Высшее образование как ключевая составляющая национальной инновационной системы / В. Верняховская // Наука и инновации. — 2019. — № 5 (195). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vysshee-obrazovanie-kak-klyuchevaya-sostavlyayuschaya-natsionalnoy-innovatsionnoy-sistemy> (дата обращения: 25.09.2024).
9. Марахина, И. Развитие инновационной инфраструктуры ВУЗа при переходе к модели «Университет 3.0» / И. Марахина // Наука и инновации. — 2020. — № 12 (214). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-innovatsionnoy-infrastruktury-vuza-pri-perehode-k-modeli-universitet-3-0> (дата обращения: 25.09.2024).
10. Кислицкий, М. М. Бизнес-инкубатор как инструмент формирования предпринимательских и организационных компетенций молодежи / М. М. Кислицкий, Г. Ф. Бедулина, В. О. Бевза, П. М. Кислицкий // Вестник НИБ. — 2022. — № 48. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/biznes-inkubator-kak-instrument-formirovaniya-predprinimatelskih-i-organizatsionnyh-kompetentsiy-molodyozhi> (дата обращения: 25.09.2024).
11. Климук, В. В. Теоретические подходы к исследованию инновационного молодежного предпринимательства / В. В. Климук, Е. В. Климук // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 2, Гісторыя. Эканоміка. Права. — № 1. — 2024. — С. 60—70.
12. Государственный комитет по науке и технологиям Республики Беларусь : [сайт]. — URL: <https://gknt.gov.by/> (дата обращения: 08.11.2024).
13. Белорусский институт системного анализа и информационного обеспечения научно-технической сферы : [сайт]. — URL: <http://www.belisa.org.by> (дата обращения: 08.11.2024).
14. Министерство экономики Республики Беларусь : [сайт]. — URL: <https://economy.gov.by/ru/> (дата обращения: 08.11.2024).
15. О поддержке малого и среднего предпринимательства : Закон Респ. Беларусь от 1 июля 2010 г. № 148-3 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. — 2010. — № 170. — 2/1703.
16. О комплексе мероприятий по развитию национальной инновационной системы на 2021—2025 годы : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 15 дек. 2021 г. № 722 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — 2021. — № 5/49747.
17. Брестский областной исполнительный комитет : [сайт]. — URL: <https://brest-region.gov.by/> <https://brest-region.gov.by/special/ru/predprinimatelstvo-101-ru/view/plan-provedeniya-startap-meroprijatij-na-2024-god-2000013345/> (дата обращения: 08.11.2024).
18. Учреждение образования «Брестский государственный технический университет» : [сайт]. — URL: <https://www.bstu.by> (дата обращения: 08.11.2024).

Поступила в редакцию 25.11.2024.

УДК 338.22

О. А. Лабейко, кандидат экономических наук, доцент
Учреждение образования «Барановичский государственный университет»,
ул. Войкова, 21, 225404 Барановичи, Республика Беларусь, +375 (44) 541 76 45, Olgalabeyko@bk.ru

ГЕНЕЗИС ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ

Статья посвящена исследованию закономерностей развития современной системы реабилитации людей с инвалидностью. Показана эволюция организационных форм реабилитации: церковно-приходская благотворительность, общественное попечительство, государственное призрение. Раскрывается сущность социокультурных, медико-педагогических и социально-экономических факторов, обусловивших зарождение реабилитации больных и инвалидов. Сделан вывод о необходимости расширения направлений государственной политики в сфере реабилитации путем включения мер социально-экономического, организационного, педагогического, правового характера, направленных на создание условий для воспроизводства человеческого потенциала людей с инвалидностью, их адаптацию и интеграцию в социально-экономическое пространство страны.

Ключевые слова: болезнь; увечье; благотворительность; восстановительная медицина; специальное обучение; трудотерапия; система реабилитации; адаптация и интеграция.

Библиогр.: 10 назв.

O. A. Labeyko, PhD in Economics, Associate Professor
Institution of Education "Baranavichy State University", 21 Voykova Str., 225404 Baranavichy,
the Republic of Belarus, +375 (44) 541 76 45, Olgalabeyko@bk.ru

GENESIS OF THE MAIN DIRECTIONS OF REHABILITATION OF PEOPLE WITH DISABILITIES

The article is devoted to the study of the development patterns of the modern rehabilitation system for people with disabilities. The evolution of organizational forms of rehabilitation is shown: church-parish charity, public guardianship, state care. The essence of socio-cultural, medical-pedagogical and socio-economic factors determined the emergence of rehabilitation of the sick and disabled is revealed. A conclusion is made about the need to expand the directions of state policy in the field of rehabilitation by including measures of socio-economic, organizational, pedagogical, legal nature aimed at creating conditions for the reproduction of the human potential of people with disabilities, their adaptation and integration into the socio-economic space of the country.

Key words: illness; injury; charity; rehabilitation medicine; special education; occupational therapy; rehabilitation system; adaptation and integration.

Ref.: 10 titles.

Введение. Когда речь заходит о реабилитации людей с инвалидностью, внимание ученых и специалистов-практиков, как правило, фокусируется на социальных проблемах по восстановлению утраченных жизненно важных функций человека. Такое восприятие феномена реабилитации сложилось на основе доминирования в течение длительного исторического периода медицинской модели инвалидности, первостепенными задачами являются лечение людей с различными патологиями, компенсация имеющихся у них ограничений жизнедеятельности.

В современных условиях долгосрочное устойчивое развитие общества возможно при особом внимании к обеспечению равного доступа и высокого качества образования и здравоохранения, полной и производительной занятости и достойной работе для всех. Необходимы действенные механизмы государственной политики по развитию и реализации потенциала людей с инвалидностью, созданию условий для их адаптации и интеграции в социально-экономическое пространство страны. Таким механизмом может выступить реабилитация при условии пересмотра ее сущностных признаков, функций и организационных форм реализации.

Цель работы — установить условия и движущие силы становления реабилитации больных и инвалидов. Полученные результаты позволят развить методологические основы современного содержания реабилитации людей с инвалидностью, определить направления развития ее государственной политики.

Материалы и методы исследования. Материалами для проведения исследования послужили научные публикации белорусских и зарубежных авторов. Для систематизации факторов формирования направлений реабилитации больных и инвалидов применялись такие методы научного познания, как исторический подход, системный и системно-функциональный анализ, сравнительный анализ.

Результаты исследования и их обсуждение. Этимология слова «реабилитация» указывает на его латинское происхождение: *rehabilitatio* — восстановление способностей, в основе которого лежит глагол *rehabilitare* — восстанавливать. Понятие «реабилитация» имеет несколько значений в русском языке: 1) восстановление чести, репутации неправильно обвиненного или опороченного лица; 2) восстановление (по суду в административном порядке) в прежних правах; 3) восстановление здоровья и трудоспособности лиц, физические или психические способности которых ограничены после перенесенных заболеваний, травм [1, с. 688; 2, с. 16]. Существенное семантическое изменение значения исследуемого понятия объясняется отличным его словоупотреблением во времени и пространстве. На протяжении десяти столетий восстановление утраченных жизненно важных функций у больных и инвалидов осуществлялось с различной степенью интенсивности и в разных организационных формах. Только к началу XX века реабилитация формируется как самостоятельное направление государственной политики.

На территориях Древнерусского государства распространение христианства определило характер отношений между обществом и людьми, имеющими физические и психические аномалии. Идеи христианского вероучения о помощи, любви и милосердии к нуждающимся через духовные стихи, молитвы, проповеди, а затем исторические и лирические песни, былины, баллады формировали ценностные ориентиры общества. Обращаясь к истории реабилитации, ученые указывают, что немощные, больные, калеки, увечные воспринимались как «церковные люди» и окружались божественным ореолом. Помощь, оказываемая людям с различными видами нарушений, становится духовно-нравственным ориентиром сознательной деятельности людей. Государственные деятели (Владимир Святославович, Иван Грозный, Петр I, Екатерина II, Александр II и др.) создают документы, закрепляющие практику помощи и заботы о людях с особыми потребностями [3, с. 23—24]. Как отмечают И. П. Волкова, О. С. Булгакова и В. Д. Емельянов, благодаря общественным деятелям (Н. П. Шереметьеву, братьям Солодовниковым, Е. П. Морозовой, Н. Б. Трубецкой, Н. Н. Демидову и др.) создавались богадельные дома и общественные организации, оказывающие медицинскую помощь, осуществляющие обучение грамоте, ремеслу инвалидов [4, с. 10]. Философско-христианские взгляды по отношению к инвалидам находят особое отражение в литературных произведениях Н. А. Добролюбова, А. Н. Островского, Н. С. Лескова, И. С. Тургенева, В. М. Гаршина, В. Г. Короленко и др. [5, с. 68].

Исторический опыт развития европейской цивилизации свидетельствует о существенном изменении положения инвалидов в обществе. Так, в эпоху Средневековья считалось, что глухота, слепота, сумасшествие, врожденные физические аномалии связаны с действием сверхъестественных сил и религиозным наказанием человека за грехи. Укоренившийся античный культ красоты и безупречности человеческого тела в философии, праве, медицине обусловил полное бесправие и социальную эксклюзию людей с физическими недостатками. По мнению Н. Н. Малофеева, отношение общества к таким людям было агрессивным и нетерпимым. Человек, лишенный разума или телесного органа, не мог рассчитывать на заботу и участие окружающих, подвергался осмеянию, унижению и побоям, чему не проти-

востояла и Католическая церковь [6, с. 26]. К XIX веку в трудах философов, врачей, писателей, педагогов стали проявляться, а затем получили распространение гуманистические идеи всеобщего человеческого равенства, одинаковости человеческой природы. Появляются новаторские исследования по лечению слабоумия, восстановлению зрения и слуха (Г. Гельмгольц, Ф. Пинель, Ж. Итар, А. Бланше, Д. Бурневиль и др.), обучению детей с нарушениями зрения, слуха, интеллекта (В. Ратке, Г. Рафель, Я. Р. Перейра, И. Ф. Арнольди, В. Гаюи). Отношение Короны, Церкви, аристократии и буржуазии к людям с физическими и умственными нарушениями постепенно меняется: от осознания возможности лечения, обучения и осуществления трудовой деятельности к необходимости полной социальной инклюзии.

На рубеже XIX—XX веков стремительно распространяются философско-гуманистические идеи, расширяются практики лечения и обучения граждан, имеющих физические и психические патологии. Формируются национальные системы специального образования в странах Западной Европы. Частные практики обучения и воспитания детей с патологиями дали основу для развития целого ряда научных педагогических направлений, школ в сурдопедагогике, тифлопедагогике и олигофренопедагогике. Создана сеть специальных образовательных учреждений. Так, например, в Германии получили широкое распространение «добавочные» классы и «вспомогательные» школы, обучение в которых проходили дети с умственными отклонениями в развитии. Обобщение опыта функционирования «добавочных» классов позволило сформировать систему обучения Й. Вайзе, разделяющую с позиции обучения слабоумных детей на три группы: не способных к обучению, обладающих «спящими» духовными силами, способных к обучению и поддающихся воспитанию. Благодаря деятельности выдающихся педагогов Ш. М. Эпе и Р. Сикара, во Франции создается уникальная концепция обучения неслышащих детей — «мимический метод». Зарождение первой научной педагогической школы по обучению незрячих детей связано с открытием и функционированием Института для слепых детей в Париже (ныне Национальный институт молодых слепых). Именно там под руководством его учредителя В. Гаюи были разработаны дидактика и методика обучения незрячих детей. Л. Брайлем создана признанная во всем мире система письменности для слепых — рельефно-точечный шрифт [6, с. 85].

Формирование системы специального обучения неразрывно связано с достижениями ученых, специалистов-практиков в области восстановительной медицины. Благодаря деятельности известных специалистов в области глазных заболеваний С. С. Головина, Л. Г. Беллярминова, А. И. Скребницкого зарождается практика медицинской реабилитации инвалидов по зрению [4, с. 10]. В. П. Сербским, В. И. Яковлевым, П. П. Кашенко разработаны и апробированы технологии реабилитации лиц с умственными психическими нарушениями. Практика специального обучения в России берет свое начало в XIX веке. В это время открывается первое учебное заведение для глухонемых детей (1806), под руководством французского педагога В. Гаюи создан Санкт-Петербургский институт рабочих слепых (1807). В научных исследованиях Л. В. Милько отмечает выдающихся врачей и педагогов (Н. А. Добролюбов, А. Я. Кожевников, И. М. Балинский, Ф. Пляц, И. В. Маляревский и др.), благодаря которым создаются лечебно-педагогические и врачебно-воспитательные заведения для детей, имеющих умственные отклонения. Перенимая богатый научный и практический опыт Франции, Германии, Англии по обучению детей с физическими недостатками, к концу XIX века в России насчитывалось более 30 учебных заведений для слепых и 60 учреждений для глухонемых детей [7, с. 70]. На постоянной основе организуются съезды, международные конгрессы по проблемам технического и профессионального образования, в рамках которых велись научные дискуссии о содержании, методах обучения, воспитания слепых, глухих и умственно отсталых детей. Таким образом, к началу XX века создаются направления специального образования, ориентированные на обучение трех категорий детей: глухих, слепых, умственно отсталых [8, с. 132].

Особой уникальной формой оказания помощи различного рода нуждающимся, в том числе инвалидам, стала деятельность Православной церкви. При монастырях сформир-

ровалась целая система, включающая специальные учебные и воспитательные учреждения, больницы, дома для умалишённых, выполнявшие функцию социального призрения. Всего в лоне Православной церкви содержалось 660 богаделен, 500 больниц, более 200 обитателей осуществляли призрение инвалидов [5, с. 73]. Следует отметить, что финансирование монастырской деятельности по призрению нуждающихся осуществлялось исключительно на пожертвования. Не менее активную деятельность по организации помощи и поддержки увечным, инвалидам, тяжелобольным осуществляли русские цари, князья, императоры и их семьи. Под общественным призрением практика пожертвования становится целенаправленной и упорядоченной. На благотворительные средства создаются богадельни, приюты, инвалидные дома, где нуждающиеся находятся на полном содержании. В рассматриваемый период общее количество созданных в России институтов общественного призрения достигло 1 090 заведений, охватывающих порядка 1 100 тыс. человек. Накапливается большой опыт оказания социальной помощи немощным и убогим государственными органами, органами общественного самоуправления. Учреждены городские попечительства о бедных, осуществляющие различные виды денежной, медицинской, юридической помощи, содействие в трудоустройстве. Открыты ночлежные дома, в которых получали приют как на платной, так и на бесплатной основе нуждающиеся категории населения: безработные, нищие, бездомные инвалиды, чернорабочие, поденные рабочие железных дорог и др. Стремительно развивали свою деятельность городские работные дома и дома трудолюбия. Е. Г. Студенова отмечает, что основная функция указанных домов заключалась в снижении уличного попрошайничества и бродяжничества, городской нищеты путем предоставления возможности заработка, в том числе на дому, различным социально уязвимым категориям населения [9, с. 22].

В основе зарождения трудовой реабилитации лежало твердое убеждение научного сообщества, специалистов-практиков в благотворном влиянии труда на состояние людей с физическими и умственными патологиями, возможности и целесообразности осуществления ими трудовой деятельности. В странах Западной Европы широкое распространение получили земельные (трудовые) колонии, в которых были заняты по большей части инвалиды (80—90 %) [10, с. 107]. Благодаря организованным во всех деталях хозяйственного уклада сельскохозяйственным работам, молочным фермам, овцеводству, столярным и слесарным мастерским, колонии давали большие доходы. В России к посильной трудовой деятельности в учреждениях общественного призрения привлекались все категории инвалидов, создавались слесарные и ремесленные мастерские, организовывались производства с привлечением к труду работников с нарушениями зрения, слуха, имеющих физические аномалии.

Заключение. Проведенное исследование позволило установить, что развитие организационных форм защиты и помощи больным и инвалидам начинается с введения христианства на Руси. Церковно-приходская благотворительность сменяется общественным попечительством, а в начале XX века зарождается государственно-общественное призрение. Именно на государство возлагаются специфические функции по организации, координации и контролю за предоставлением помощи различным категориям нуждающихся. Дифференцируются субъекты получателей государственной помощи: инвалиды, бездомные, нищие, чернорабочие, калеки и др. Анализ исторического опыта государственной поддержки инвалидов показал, что не только медицина, но и уровень экономического развития общества, социально-гуманитарного знания, доминирующие духовно-нравственные ценности, особенности законодательства, регулирующего главные сферы жизни, выступили факторами, определяющими интенсивность формирования и содержание направлений реабилитации: трудовой, профессиональной и социальной. Выявленная закономерность позволяет сделать вывод о необходимости расширения компонентов государственной политики в сфере реабилитации за счет включения мер социально-экономического, организационного, педагогического, правового характера, направленных на создание условий для воспроизводства человеческого потенциала людей с инвалидностью, их адаптацию и интеграцию в социально-экономическое пространство страны.

Список цитируемых источников

1. Словарь русского языка : в 4 т. / ред.: А. П. Евгеньева, Е. А. Иванникова ; Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. — М. : Рус. яз., 1984. — Т. 3 : П—Р. — 750 с.
2. Надель-Червинская, М. А. Большой толковый словарь иностранных слов : в 3 т. / М. А. Надель-Червинская, П. П. Червинский. — Ростов н/Д : Феникс, 1997. — Т. 3. — 512 с.
3. Исследования инвалидности в России и за рубежом / Л. С. Деточенко, Е. А. Агапова, Л. А. Гутерман [и др.]. — Ростов н/Д ; Таганрог : Изд-во Юж. федер. ун-та, 2023. — 334 с.
4. Волкова, И. П. Исторические аспекты становления концептуальных основ реабилитации лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов / И. П. Волкова, О. С. Булгакова, В. Д. Емельянов // Вестник психофизиологии. — 2019. — № 4. — С. 8—21.
5. Басов, Н. Ф. Становление и развитие социальной защиты и поддержки инвалидов в дореволюционной России / Н. Ф. Басов // Вестник ПСТГУ. Серия IV : Педагогика. Психология. — 2010. — Вып. 3 (18). — С. 67—78.
6. Малофеев, Н. Н. Западная Европа: эволюция отношения общества и государства к лицам с отклонениями в развитии / Н. Н. Малофеев. — М. : Экзамен, 2003. — 256 с.
7. Милько, Л. В. Социальная деятельность Смоленского училища слепых (исторический аспект) / Л. В. Милько // Славянский мир: письменность, культура, история : материалы Междунар. науч. конф., Смоленск, 22 мая 2016 г. — Смоленск : ОГБОУ ВО «Смоленский государственный институт искусств», 2016. — С. 67—72.
8. Быстрова, Ю. А. К истории развития специального образования и современные проблемы инклюзии в России / Ю. А. Быстрова, С. Н. Савинков // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. — 2023. — Т. 22, № 2. — С. 125—136.
9. Студенова, Е. Г. Взаимодействие государственных органов и органов общественного самоуправления по развитию благотворительности, государственного попечительства и призрения в Москве (с начала XVII по начало XX века) / Е. Г. Студенова // Отечественный журнал социальной работы. — 2018. — № 2 (73). — С. 19—32.
10. Карасаева, Л. А. История развития трудовой реабилитации больных и инвалидов с нервно-психическими заболеваниями (XIX—XX вв.) / Л. А. Карасаева, С. М. Милотин, П. А. Чайка // Социальная и клиническая психиатрия. — 2014. — Т. 24, № 1. — С. 106—109.

Поступила в редакцию 09.09.2024.

УДК 657

А. Н. Прудникова¹, Д. В. Маковчик²

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», ул. Войкова, 21,
225404 Барановичи, Республика Беларусь, ¹+375 (29) 880 21 61, aksanaprudnikova@gmail.com ,
²+375 (29) 880 21 61, makovchik.diana@gmail.com

РАЗВИТИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО УЧЕТА И АНАЛИЗА В ЦЕЛЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УПРАВЛЕНИЯ БИЗНЕС-ПРОЦЕССАМИ ХЛЕБОПЕКАРНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

В статье раскрыты особенности современного развития управленческого учета и анализа с ориентацией на информационное обеспечение управления бизнес-процессами хлебопекарных организаций как одного из наиболее действенных и перспективных направлений повышения эффективности их учетно-аналитической системы. Проблема эффективного управления бизнес-процессами хлебопекарных организаций находится в тесной взаимосвязи с информационной подготовкой принятия эффективных, научно обоснованных управленческих решений. В условиях неопределенности и быстро меняющейся внешней среды существенно возрастает поток информации, требующей оперативной обработки, что обуславливает необходимость создания такой учетно-аналитической системы, которая бы могла удовлетворять растущие информационные запросы управления, т. е. приобретает особую значимость развитие таких ее составляющих элементов, как управленческий учет и анализ. Недостаточная разработанность теоретических положений и методик управленческого учета и анализа для целей управления бизнес-процессами хлебопекарных организаций, недостаточное исследование возможностей их информационного обеспечения в учетно-аналитической системе хлебопекарных организаций определяют проблемную область и обуславливают актуальность исследования.

Ключевые слова: учетно-аналитическая система; учет; управленческий учет; управленческий анализ; бизнес-процесс; показатели бизнес-процесса; информационное обеспечение; управленческая отчетность.

Библиогр.: 21 назв.

A. N. Prudnikova¹, D. V. Makovchik²

Institution of Education "Baranavichy State University", 21 Voykova Str., 225404 Baranavichy, the Republic of
Belarus, ¹+375 (29) 880 21 61, aksanaprudnikova@gmail.com , ²+375 (29) 880 21 61, makovchik.diana@gmail.com

DEVELOPMENT OF MANAGEMENT ACCOUNTING AND ANALYSIS FOR THE PURPOSE OF ENSURING BUSINESS PROCESS MANAGEMENT IN BAKERY ORGANIZATIONS

The article reveals the features of the modern development of management accounting and analysis with a focus on information support for business process management in bakery organizations as one of the most effective and promising areas for improving the efficiency of their accounting and analytical system. The problem of effective business process management in bakery organizations is closely related to the information preparation for making effective, scientifically sound management decisions. In the conditions of uncertainty and a rapidly changing external environment, the flow of information requiring prompt processing increases significantly, which necessitates the creation of such an accounting and analytical system that could satisfy the growing information demands of management, that is, the development of such its components as management accounting and analysis is of particular importance. Insufficient development of theoretical provisions and methods of management accounting and analysis for the purposes of managing business processes in bakery organizations, insufficient research into the possibilities of their information support in the accounting and analytical system of bakery organizations determine the problem area and the relevance of the study.

Key words: accounting and analytical system; accounting; management accounting; management analysis; business process; business process indicators; information support; management reporting.

Ref.: 21 titles.

Введение. В современных, стремительно меняющихся условиях ведения хлебопекарного бизнеса залогом успешной деятельности хлебопекарных организаций является быстрое реагирование на все происходящие изменения, оказывающие влияние на их функционирование и последующее принятие управленческих решений. Для этого руководящий состав хлебо-

пекарных организаций должен быть обеспечен максимально релевантной, достоверной и полной информацией обо всех процессах. В связи с этим развитие информационного обеспечения управления бизнес-процессами и осуществление стратегического планирования развития хлебопекарных организаций в условиях становления цифровой экономики и реализации концепции устойчивого развития, растущей конкуренции и ограниченности ресурсов немислимо без формирования учетно-аналитической системы управления бизнес-процессами хлебопекарных организаций, включающей подсистемы управленческого учета и анализа.

Производство хлебобулочных изделий является специфическим производственным процессом, особым видом экономической деятельности, что необходимо обязательно учитывать при выстраивании подсистемы управленческого учета и анализа. С одной стороны, появление и продолжающееся развитие прогрессивных управленческих технологий позволяют хлебопекарным организациям принимать стратегически верные решения, с другой — значительные объемы информационных потоков и многовариантность принимаемых решений на каждом этапе бизнес-процесса может вызвать определенные трудности, негативно сказаться на текущей деятельности. Соответственно, в таких условиях становится объективным пересмотр подходов к организации информационного обеспечения, появляется необходимость внедрения управленческого учета и анализа в целях создания еще более эффективной системы управления бизнес-процессами.

Материалы и методы исследования. Методологической основой исследования явились положения и выводы, сформированные в научных трудах белорусских, российских и зарубежных ученых в области управленческого учета и анализа. Теоретические аспекты состояния и развития управленческого учета и анализа в хлебопекарных организациях рассмотрены на основе анализа экономической литературы, монографий, научных трудов отечественных и зарубежных ученых, экономистов. Основу исследования составили всеобщие и общенаучные методы: анализ, синтез, индукция и дедукция, сравнение, обобщение теоретического и практического материала, системный подход и абстрактно-логический метод, специальные методы бухгалтерского учета и экономического анализа.

Результаты исследования и их обсуждение. Хлебопекарная отрасль, обеспечивая стратегически важный сегмент продовольственного рынка, в настоящее время функционирует в условиях ускорения научно-технического прогресса, глобальных вызовов, усиления конкурентной борьбы на национальных и мировых рынках. Данные условия вызывают необходимость оптимизации бизнес-процессов, постоянную адаптацию деятельности хлебопекарных организаций к новым реалиям и поиску эффективных стратегий их развития с учетом многочисленных рисков и угроз.

Основные проблемы развития хлебопекарных организаций, обеспечивающих продовольственную безопасность страны, социально-экономическую стабильность и реализацию важнейших функций Республики Беларусь как социального государства, не могут быть решены без формирования и эффективного функционирования учетно-аналитической системы, ключевую роль в которой занимает управленческий учет и анализ. Стремительное развитие управленческого учета и анализа в современных условиях обусловлено невозможностью существующей системы бухгалтерского учета в оперативном режиме удовлетворять растущие потребности руководства в дополнительной аналитической информации, необходимой при принятии управленческих решений и выработке стратегии развития хлебопекарной организации.

Несмотря на стремительное развитие управленческого учета, категория понятия «управленческий учет» в теории и практике еще далека от полного логического осмысления, в отечественной и зарубежной практике существуют различные подходы как к определению понятия «управленческий учет», так и к его организации. Термин «управленческий учет» законодательно в Республике Беларусь не определен, более того, ведение управленческого

учета организациями не обязательно и является решением руководства с учетом оценки экономической целесообразности — сопоставления затрат и выгоды от его функционирования. При этом следует отметить, что в Республике Беларусь направлениям развития и вопросам внедрения, методикам управленческого учета и анализа в последние годы уделяется все больше внимания [1—5]. Однако если рассматривать в отраслевом аспекте, то очевидно, что отдельным отраслям не уделяется соответствующего внимания, что существенно ограничивает возможности субъектов хозяйствования данных отраслей по внедрению эффективной подсистемы управленческого учета и анализа, поскольку бизнес-процессы субъектов хозяйствования отдельных отраслей имеют ряд специфических особенностей, существенно влияющих на организацию управленческого учета и анализа.

Существующая неоднозначность к пониманию сущности и роли управленческого учета и анализа приводит к необходимости проведения анализа точек зрения отечественных и зарубежных ученых, экономистов к определению данных понятий.

Ряд авторов в своих работах пытаются выяснить, что в действующей учетной системе является производственным учетом, а что — управленческим. Анализ литературных источников позволяет сделать вывод о том, что термину «производственный учет» уделено не так много внимания, как управленческому учету. Вместе с тем существование производственного учета признают многие ученые, как белорусские, так и российские [6—8].

П. Я. Папковская, рассматривая вопрос стандартизации калькулирования себестоимости продукции, пишет: «Характерные особенности производственного учета и калькулирования себестоимости продукции как информационной системы формируются под воздействием технологических и организационных особенностей предпринимательской деятельности. Эта система должна базироваться на соответствующих принципах, которые не могут быть произвольными» [6, с. 93].

Е. А. Мизиковский, И. Е. Мизиковский отмечают, что «несущей конструкцией информационного обеспечения в системе управления экономикой промышленного производства объективно признается управленческий учет (англ. management accounting), центральная идея которого — обеспечить управленческий персонал учетно-экономической информацией для конструктивной работы в области регулирования качественных результатов производственной деятельности предприятия и соответственно подотчетного использования хозяйственных ресурсов... Однако далеко не каждое промышленное предприятие по разным причинам может иметь и постоянно совершенствовать обособленную систему бухгалтерского управленческого учета» [7, с. 7—8]. Можно согласиться с авторами, которые приходят к выводу, что «...производственный учет — это неотъемлемая составная часть как финансового, так и управленческого бухгалтерского учета...» и для субъектов хозяйствования, не использующих управленческий учет, началом кардинального повышения качества и влияния учетной информации можно считать создание системы «продвинутого» производственного учета [7, с. 10—11].

Н. А. Казакова, Л. В. Пермитина в монографии «ESG-концепция производственного учета и управление устойчивостью развития промышленной организации», рассматривая этапы становления и трансформации учетных практик промышленных организаций, считают, что «концепция и внедрение принципов устойчивого развития во все сферы деятельности требуют приоритетного перехода промышленных организаций, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, на риск-ориентированное управление. Одним из инструментов повышения прозрачности и достоверности информации о деятельности промышленной организации является производственный учет, в том числе расходов на производство продукции в разрезе новой учетной классификации, позволяющей агрегировать экономические, экологические и социальные показатели — индикаторы устойчивого развития» [8, с. 4—5].

Авторами отмечается важность разработки новой модели производственного учета, позволяющей проводить диагностику, анализ, контроль и своевременное управление рисками, связанными с оптимизацией экологических, социальных и экономических расходов на различных

стадиях жизненного цикла продукции, и способствующей более предсказуемому и устойчивому развитию промышленных организаций в интересах ключевых стейкхолдеров [8, с. 6].

Несмотря на то, что производственный учет зачастую рассматривается в трудах ученых как обособленный этап развития управленческого учета, следует отметить, что единая позиция относительно его места в учетной системе отсутствует, мнения в основном сводятся к следующему:

- производственный учет — самостоятельный вид учета;
- производственный учет — часть управленческого учета;
- производственный учет — неотъемлемая составная часть как финансового, так и управленческого бухгалтерского учета;
- производственный учет ничем не отличается от управленческого учета, по сути, эти термины можно считать синонимами;
- управленческий учет — составляющая производственного учета.

Несмотря на то, что проблемам управленческого учета и анализа посвящено значительное количество научных трудов как белорусских, так и российских ученых, в частности, отдельные аспекты формирования системы учетно-аналитического обеспечения управления бизнес-процессами хлебопекарных организаций, формирования информации о затратах на производство и калькулирование себестоимости продукции хлебопечения в системе управленческого учета, совершенствования организации управленческого учета и анализа в хлебопекарных организациях затрагиваются в диссертационных работах российских авторов (С. В. Холоденко, Н. Г. Урасовой, Т. С. Долгих, Т. А. Башкатовой, Л. А. Барекковой, Л. В. Ермаковой, О. А. Саклаковой и др.), следует отметить, что до сих пор не сформировано единое системное представление о сущности понятий и методиках управленческого учета и анализа, в том числе нацеленных на формирование информации для обеспечения управления бизнес-процессами хлебопекарных организаций.

Л. С. Маханько полагает, что в современных условиях управленческий учет — комплексная система, которая, помимо непосредственно вопросов накопления, систематизации, обработки и представления информации, охватывает бюджетирование, прогноз, управление рисками и стратегическое управление. При этом отмечает, что «...предметное поле управленческого учета выходит за рамки традиционного бухгалтерского учета, а методологические основания и разработанные методики анализа представляются включенными в рассматриваемую область деятельности. В этом смысле изучать становление и развитие управленческого анализа можно только в контексте управленческого учета» [5, с. 246].

Е. О. Лагуновская, рассматривая сущность, задачи и направления развития управленческого учета, дает следующее его определение: «Управленческий учет представляет собой упорядоченную систему выявления, измерения, сбора, регистрации, интерпретации, обобщения, подготовки и предоставления информации внутренним пользователям организации для принятия управленческих решений» [3, с. 11]. Также отмечает, что управленческий учет охватывает все виды информации, необходимой для управления организацией, связывает процесс управления с учетно-аналитическим процессом и делает вывод о том, что управленческий учет можно характеризовать как самостоятельное направление общей системы бухгалтерского учета, представляющее информацию для управления деятельностью организации [3, с. 17].

Н. А. Антипенко дает следующее определение: «Управленческий учет — это информационная система организации, которая включает в себя отдельные взаимосвязанные элементы, обеспечивающие в совокупности принятие эффективных управленческих решений менеджерам организации в целях управления их текущей и прогнозной хозяйственной деятельности» [1, с. 48].

М. К. Каткова определяет управленческий учет как подсистему бухгалтерского учета одной организации, обеспечивающую получение оперативной информации для менеджмента организации в целях принятия эффективных управленческих решений [2, с. 85].

В энциклопедическом словаре В. Г. Гавриленко «Капитал» дается следующее определение термина: «Управленческий учет (англ. management accounting) — любая отчетность,

используемая для информирования управляющих с целью облегчения планирования и контроля над деятельностью компании. Управленческий учет обычно содержит более детальную информацию, чем финансовая отчетность, например, сведения об изменениях выручки и затрат по различным продуктам, заводам или отделам. Это дает возможность сравнить и обнаружить прибыльные и неприбыльные виды деятельности. Управленческий учет также обеспечивает более частое, чем финансовая отчетность, информирование о состоянии дел — раз в месяц или даже в неделю. Это дает управляющим оперативную обратную связь, позволяющую быстро выявлять причины неэффективности» [9].

Анализ точек зрения белорусских ученых и исследователей дает возможность сделать вывод об отсутствии единого мнения о сущности понятия «управленческий учет», его отличительных особенностях от других видов учета, целях и задачах, стоящих перед ним, его месте в учетной подсистеме организации.

В научной литературе российских авторов большинством авторов основное назначение управленческого учета определяется как обеспечение менеджмента организации информацией, необходимой для управления и контроля.

В. Б. Ивашкевич дает следующее определение: «Управленческий учет — это область знаний и сфера деятельности, связанная с формированием и использованием экономической информации для управления внутри хозяйствующего субъекта... Его цель заключается в том, чтобы помочь управляющим (менеджерам) в принятии экономически обоснованных решений. Управленческий учет в основном использует те же принципы, что и финансовый, и является логическим следствием развития бухгалтерского учета, его эволюции» [10, с. 25].

М. А. Вахрушина придерживается практически такой же точки зрения и приводит следующее: «Управленческий учет можно определить как самостоятельное направление бухгалтерского учета организации, обеспечивающее информационную поддержку системы управления предпринимательской деятельностью. Этот процесс включает выявление, измерение, фиксацию, сбор, хранение, защиту, анализ, подготовку, интерпретацию, передачу и прием информации, необходимой управленческому аппарату для выполнения его функций. Управленческий учет является важным элементом системы управления организацией и функционирует параллельно с системой финансового учета» [11, с. 11—12].

В свою очередь, О. Р. Кондрашова определяет управленческий учет как «...самостоятельное направление экономической работы, обеспечивающее на систематической основе сбор и обобщение информации о качественных и количественных показателях деятельности организации, их планирование, анализ и контроль, необходимые для принятия эффективных управленческих решений» [12, с. 16].

В учебном пособии «Управленческий учет» под редакцией Ю. И. Сигидова и М. С. Рыбанцевой содержится следующее определение: «Управленческий учет — это полноценный вид учета, имеющий свои специфические цели и задачи, механизмы сбора и обработки учетной информации. Выделение управленческого учета обусловлено необходимостью обособления экономической информации для повышения результативности системы управления» [13, с. 8].

Практическими всеми авторами отмечается, что управленческий учет связывает процесс управления с учетным процессом.

К. Друри под управленческим учетом понимает «...предоставление информации лицам в самой организации, на основе которой они принимают более обоснованные решения и повышают эффективность и производительность текущих операций» [14, с. 13].

Национальная ассоциация бухгалтеров США дает следующую трактовку понятия «управленческий учет»: «...процесс измерения, накопления, анализа, подготовки, интеграции и передачи финансовой информации, используемой управленческим персоналом для планирования, оценки и контроля за производственной деятельностью и эффективностью использования ресурсов» [15, с. 133].

Из представленных определений управленческого учета следует, что основными пользователями информации, собранной в системе управленческого учета, являются управляющие

(менеджеры) организации и их структурные подразделения. Однако для принятия необходимых управленческих решений данные управленческого учета следует проанализировать, поэтому возникает необходимость в управленческом анализе.

Что касается определения управленческого анализа, то до сих пор данный вопрос остается недостаточно исследованным и противоречивым, нет единого мнения по вопросу взаимосвязи управленческого анализа с управленческим учетом и экономическим анализом. В целом можно выделить следующие подходы к определению управленческого анализа:

- управленческий анализ — самостоятельное научно-практическое направление анализа;
- управленческий анализ — часть управленческого учета организации;
- управленческий анализ — часть экономического анализа.

Управленческий анализ, возникнув в комплексной системе управленческого учета и получив развитие в качестве его структурного элемента в рамках практической деятельности, постепенно начинает рассматриваться в учебном процессе в качестве обособленной учебной дисциплины (модуля учебной дисциплины), что позволяет уточнить его предметное поле, обеспечивает детальное рассмотрение специфических приемов и методов, формируя востребованные профессиональные компетенции [5, с. 246].

М. А. Вахрушиной, Л. Б. Самариной сформулированы следующие признаки управленческого анализа: ориентация на внутреннее потребление; использование релевантной непубличной информации; перспективная направленность результатов анализа; основа для принятия управленческих решений; конфиденциальный характер; оперативность; отраслевая ориентация [16, с. 11]. В отличие от финансового, проводимого по общим методикам, он имеет отраслевую направленность, т. е. при проведении управленческого анализа необходимо учитывать технико-экономические особенности субъекта хозяйствования [16, с. 11].

Тенденция усиления конкурентной борьбы способствует повышению требований к качеству оперативной информации о совершаемых процессах хлебопекарной организации. Эффективное управление хлебопекарной организации все больше зависит от уровня информационной поддержки отдельных ее бизнес-процессов. Бизнес-субъектам нужна такая бухгалтерская (финансовая) и управленческая система, которая содержала бы информацию, подходящую для оперативного менеджмента, мониторинга и анализа [17, с. 52]. Информационная система состоит из множества информационных потоков, основу взаимодействия которых составляет интегрированная учетно-аналитическая система [17, с. 53].

Рассмотрев мнения ученых о сущности управленческого учета и анализа, их роли и значении в системе управления деятельностью организации, можно констатировать многогранность подходов к определению данных понятий. Тем не менее имеет место общий момент, что информация управленческого учета и анализа является конфиденциальной и предназначена для использования внутренними пользователями (менеджерами) организации для целей эффективного управления, т. е. управленческий учет и анализ выступают одной из нескольких частей учетно-аналитической системы управления, что предопределяет возможности их активного воздействия на производственный процесс.

Управленческий учет и анализ представляют собой сложную, регулируемую, постоянно развивающуюся подсистему с обратными связями, ориентированную на разработку всех возможных альтернативных вариантов управленческих решений, основанных как на финансовой, так и на нефинансовой информации, для обеспечения эффективного управления деятельностью организации.

Несмотря на ценные результаты научных трудов отечественных и зарубежных ученых в области процессного подхода к организации учета, следует отметить, что до настоящего времени недостаточно разработаны критерии выделения бизнес-процессов, их виды и классификация, состав информации, подлежащей раскрытию по каждому бизнес-процессу, порядок формирования показателей в управленческой учете и их обобщение в управленческой отчетности.

Недостаточность теоретических и практических разработок в области развития учетно-аналитической системы управления по бизнес-процессам хлебопекарных организаций и необхо-

димось разработки схемы интеграции финансового и управленческого учета для целей информационного обеспечения по бизнес-процессам обуславливают актуальность исследования.

В хлебопекарных организациях нашей страны использование методов управленческого учета на основе процессного подхода пока не получило широкого применения, эффективность отдельных бизнес-процессов в хлебопекарных организациях не анализируется. При этом Ж. М. Корзовых отмечает, что формирование системы управленческого учета по бизнес-процессам позволит использовать следующие достоинства данного подхода:

- оценить вклад каждого из них в осуществление общей стратегии и создание стоимости организации, при необходимости выявить и пересмотреть проблемные бизнес-процессы;
- контролировать затраты отдельных бизнес-процессов, повысив точность определения их стоимости и трудоемкости;
- повысить финансовую дисциплину и создать в хлебопекарной организации систему адресной мотивации;
- на выходе получать более прозрачные показатели финансово-хозяйственной деятельности хлебопекарной организации [18, с. 85].

Поэтапное построение системы управленческого учета по бизнес-процессам включает в себя:

- систематизацию бизнес-процессов предприятия (основная деятельность, вспомогательная деятельность, управление, развитие);
- назначение владельца бизнес-процесса;
- определение ключевых показателей для оценки эффективности и результативности каждого бизнес-процесса;
- использование управленческой отчетности по бизнес-процессам [18, с. 85].

При этом нельзя забывать, что формирование подсистемы управленческого учета и анализа должно быть основано на использовании каналов прямой и обратной связи. Поступающую оперативную информацию, потребителями которой будут являться как владельцы процесса, так и руководство организации, по всей совокупности бизнес-процессов, имеющих место быть в хлебопекарной организации, необходимо структурировать. Важной частью эффективной учетно-аналитической системы управления становится управленческая отчетность. Использование управленческой отчетности по бизнес-процессам позволит обеспечить возможность проведения глубокого детального анализа показателей для мобилизации внутренних резервов производства и принятия руководством объективно обоснованных и экономически взвешенных управленческих решений [19; 20].

Управленческая отчетность является важнейшим инструментом контроля в системе управления хлебопекарной организации и должна содержать информацию о подконтрольных показателях каждого бизнес-процесса, характеризующих его деятельность и определение вклада каждого бизнес-процесса в общий результат деятельности организации для оценки использования производственных ресурсов и определения эффективности функционирования организации в целом.

Несмотря на общественное признание разделения бухгалтерского учета на финансовый и управленческий, теоретические аспекты управленческого учета нуждаются в уточнении, для обеспечения их дальнейшего развития необходимо решение ряда проблемных вопросов, которые, на наш взгляд, существенно сдерживают развитие как управленческого учета, так и управленческого анализа:

- отсутствие определения термина в нормативных правовых актах, отсутствие органа, осуществляющего методологическое руководство развитием управленческого учета в нашей стране, приводит к существованию терминологических, теоретических и методологических проблем в области управленческого учета;
- система управления изолирована от собственной информационной базы, взаимосвязь между менеджментом и управленческим учетом в организациях нашей страны должным образом пока не установлена, зачастую управленческий учет не рассматривается как инфор-

мационная составляющая менеджмента, несмотря на то, что в управленческом учете формируется информация для менеджмента;

– практически отсутствуют исследования о возможностях повышения аналитичности информации с учетом отраслевых особенностей хлебопекарных организаций, внедрения системы аналитических счетов, субсчетов и кодов для целей управленческого учета и анализа, формирования управленческой отчетности и повышения эффективности информационного обеспечения управления бизнес-процессами хлебопекарных организаций;

– отсутствие коммуникаций, связи между управленческим учетом и контроллингом, исследования в области управленческого учета и контроллинга ведутся параллельно, практически не анализируется связь между ними, при этом в последние годы все больше внимания уделяется контроллингу, отдельные авторы даже определяют контроллинг как учетно-аналитическую систему организации, но в то же время контроллинг не может отдельно существовать от учетной базы;

– несмотря на проявляемый интерес со стороны субъектов хозяйствования к управленческому учету и анализу, а также появление спроса на специалистов по управленческому учету, отмечается большое разнообразие как в названии заявляемой должности, профессии, так и в требованиях к данным специалистам и их обязанностях (от регистрации хозяйственных операций по реализации продукции до постановки информационной управленческой системы организации). Решением данной проблемы может стать разработка соответствующего профессионального стандарта. Так, в Российской Федерации разработан проект профессионального стандарта «Специалист по управленческому учету». В Финансовом университете при Правительстве Российской Федерации 25 апреля 2024 прошло очередное обсуждение данного проекта, по результатам которого принято решение о целесообразности внесения необходимых корректировок и передачи проекта на утверждение Министерству труда и социальной защиты Российской Федерации [21].

Заключение. Вопрос о направлениях развития управленческих элементов учетно-аналитической системы хлебопекарных организаций остается открытым в современных условиях ведения бизнеса. В условиях неопределенности и жесткой конкуренции необходимо ответственно подходить к сбору, анализу и использованию информации, отслеживать и контролировать различные направления деятельности хлебопекарных организаций, обеспечивать их устойчивое развитие, экономическую и продовольственную безопасность страны. Развитие управленческого учета и анализа с ориентацией на бизнес-процессы позволит хлебопекарным организациям повысить эффективность управления, контролировать и управлять экономическими, социальными и экологическими рисками, что, в свою очередь, будет способствовать как их устойчивому развитию, так и отрасли, общества в целом.

Таким образом, решение проблем информационного обеспечения управления бизнес-процессами выступает мощным инструментом повышения эффективности деятельности хлебопекарных организаций. Развитие подсистемы управленческого учета и анализа в учетно-аналитической системе управления бизнес-процессами хлебопекарных организаций будет способствовать формированию информации, обеспечивающей возможность системного обоснования управленческих решений и определяющей направления эффективного развития хлебопекарных организаций.

Статья выполнена в рамках проекта БРФФИ № Г24М-051 «Развитие учетно-аналитической системы субъектов хозяйствования в условиях концепции устойчивого развития».

Список цитируемых источников

1. *Антипенко, Н. А.* Применение стратегического управленческого учета и анализа как инструментария достижения устойчивого развития компании / Н. А. Антипенко // Бухгалтерский учет и анализ. — 2018. — № 2. — С. 49—51.
2. *Каткова, М. К.* Управленческий учет как ключ к эффективному управлению организацией / М. К. Каткова // Новая экономика. — 2018. — № 1. — С. 84—89.
3. *Лагуновская, Е. О.* Управленческий учет: сущность, задачи и направления развития / Е. О. Лагуновская // Бухгалтерский учет и анализ. — 2021. — № 7. — С. 11—17.
4. *Лагуновская, Е. О.* Управленческий учет как основа управленческого анализа / Е. О. Лагуновская // Бухгалтерский учет и анализ. — 2024. — № 6. — С. 9—15.
5. *Маханько, Л. С.* Управленческий анализ в информационной системе управленческого учета: становление и развитие / Л. С. Маханько // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость : материалы XVII Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 16 мая 2024 г. / М-во образования Респ. Беларусь, Белорус. гос. экон. ун-т ; редкол.: А. В. Егоров (отв. ред.) [и др.]. — Минск : Колорград, 2024. — С. 246.
6. *Папковская, П. Я.* Производственный учет в АПК: теория и методология : монография / П. Я. Папковская. — Минск : Информпрес, 2001. — 211 с.
7. *Мизиковский, Е. А.* Производственный учет / Е. А. Мизиковский, И. Е. Мизиковский. — М. : Магистр : ИНФРАМ, 2019. — 272 с.
8. *Казакова, Н. А.* ESG-концепция производственного учета и управление устойчивостью развития промышленной организации : монография / Н. А. Казакова, Л. В. Пермитина. — М. : ИНФРА-М, 2024. — 251 с.
9. *Гавриленко, В. Г.* Капитал: энциклопедический словарь / В. Г. Гавриленко. — 2-е изд., доп. — Минск : Право и экономика, 2009. — 755 с. — URL: <https://ilex-private.ilex.by/view-document/BELAW/86497/#M112948> (дата обращения: 10.10.2024).
10. *Ивашкевич, В. Б.* Бухгалтерский управленческий учет : учебник / В. Б. Ивашкевич. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Магистр : Инфра-М, 2019. — 448 с.
11. *Вахрушина, М. А.* Бухгалтерский управленческий учет / М. А. Вахрушина. — М. : Омега-Л, 2010. — 570 с.
12. *Кондрашова, О. Р.* Управленческий учет и отчетность по сегментам : монография / О. Р. Кондрашова. — М. : ИНФРА-М, 2018. — 236 с.
13. Управленческий учет : учеб. пособие / под ред. Ю. И. Сигидова и М. С. Рыбьянцевой. — М. : ИНФРА-М, 2023. — 240 с.
14. *Друри, К.* Управленческий учет для бизнес-решений : учебник / К. Друри ; пер. с англ. — М. : Юнити-Дана, 2017. — 655 с.
15. *Нечеухина, Н. С.* Развитие теории и методологии управленческого учета в учетно-аналитическом обеспечении управления / Н. С. Нечеухина, О. В. Мустафина // Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент». — 2019. — Т. 13, № 2. — С. 131—138.
16. *Вахрушина, М. А.* Управленческий анализ: вопросы теории, практика проведения : монография / М. А. Вахрушина, Л. Б. Самарина. — М. : Вуз. учеб. : ИНФРА-М, 2017. — 144 с.
17. *Антипенко, Н. А.* Трансформация финансового и управленческого анализа в системе стратегического менеджмента компании / Н. А. Антипенко // Бухгалтерский учет и анализ. — 2022. — № 11. — С. 51—55.
18. *Корзоватых, Ж. М.* Формирование системы управленческого учета с ориентацией на бизнес-процессы / Ж. М. Корзоватых // Вестник Университета Российской академии образования. — 2020. — № 4. — С. 80—90.
19. *Кулигина, С. В.* Направления развития управленческого учета на хлебопекарных предприятиях / С. В. Кулигина, Л. В. Усатова, Н. А. Калущая // Экономика. Информатика. — 2017. — № 9 (258). — С. 83—88. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/napravleniya-razvitiya-upravlencheskogo-ucheta-na-hlebopekarnyh-predpriyatiyah> (дата обращения: 10.10.2024).
20. *Костюкова, Е. И.* Совершенствование системы управленческого учета на хлебопекарных предприятиях / Е. И. Костюкова, Т. А. Башкатова // Все для бухгалтера. — 2012. — № 4. — С. 11—15. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-sistemy-upravlencheskogo-ucheta-na-hlebopekarnyh-predpriyatiyah> (дата обращения: 10.10.2024).
21. Обсуждение проекта профессионального стандарта «Специалист по управленческому учету». — URL: <http://www.fa.ru/org/chair/dba/News/2024-04-27-27.04.aspx> (дата обращения: 10.10.2024).

Поступила в редакцию 10.10.2024.

УДК 338.49

А. Н. Унсович¹, кандидат педагогических наук,А. Г. Толкач²Учреждение образования «Барановичский государственный университет», ул. Войкова, 21, 225404 Барановичи,
Республика Беларусь, ¹+375 (29) 521 63 02, unsovich1970@mail.ru , ²+375 (29) 795 07 28, ctt.barsu@yandex.by

МОДЕЛЬ И ПРАКТИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЦЕНТРА ТРАНСФЕРА ТЕХНОЛОГИЙ И ЦЕНТРА ПОДДЕРЖКИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В УЧРЕЖДЕНИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Содействие развитию инновационного предпринимательства осуществляется посредством формирования системы субъектов инновационной инфраструктуры в целях создания благоприятных условий, стимулирующих предпринимательскую активность граждан и малого бизнеса. При этом важное значение имеет организация деятельности и развитие материально-технического обеспечения центров трансфера технологий и центров поддержки предпринимательства, действующих при крупных региональных научно-технических центрах и учреждениях высшего образования. В статье рассмотрена модель и основные результаты функционирования обособленного подразделения «Центр трансфера технологий» БарГУ, способствующего коммерциализации результатов научно-технической деятельности университета и развитию компетенций у различных целевых групп в сфере инновационной и проектной деятельности.

Ключевые слова: центр трансфера технологий; инновационная деятельность; коммерциализация результатов научно-технической деятельности; новшества; центр поддержки предпринимательства.

Рис. 4. Табл. 2. Библиогр.: 8 назв.

A. N. Unsovich¹, PhD Pedagogic Sciences, Associate Professor,A. G. Talkach²Institution of Education "Baranavichy State University", 21 Voykova Str., 225404 Baranavichy, the Republic of
Belarus, ¹+375 (29) 521 63 02, unsovich1970@mail.ru , ²+375 (29) 795 07 28, ctt.barsu@yandex.by

THE MODEL AND PRACTICE OF FUNCTIONING OF THE TECHNOLOGY TRANSFER CENTER AND THE ENTREPRENEURSHIP SUPPORT CENTER IN A HIGHER EDUCATION INSTITUTION

Assistance to the development of innovative entrepreneurship is carried out through the formation of a system of subjects of innovative infrastructure in order to create favorable conditions that stimulate entrepreneurial activity of citizens and small businesses. At the same time, the organization of activities and development of material and technical support for technology transfer centers and entrepreneurship support centers operating at large regional scientific and technical centers and institutions of higher education is of great importance. The article considers the model and main results of the functioning of the separate division "Technology Transfer Center" of BarSU, which promotes the commercialization of the results of scientific and technical activities of the university and the development of competencies among various target groups in the field of innovative and project activities.

Key words: technology transfer center; innovation activity; commercialization of scientific and technical activity results; innovations; entrepreneurship support center.

Fig. 4. Table 2. Ref.: 8 titles.

Введение. В целях оказания содействия развитию малого инновационного предпринимательства в регионе, реализации молодежных предпринимательских инициатив и создания системы непрерывного сопровождения субъектов малого и среднего предпринимательства с момента их государственной регистрации на этапе становления, достижения ими финансовой самостоятельности в ходе ведения хозяйственной деятельности в республике действует сеть субъектов инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства, в которую входят центры поддержки предпринимательства и бизнес-инкубаторы, а также

субъекты инновационной инфраструктуры к которой относятся центры трансфера технологий и научно-технологические парки.

В основе инновационного развития регионов лежит инновационная инфраструктура, являющаяся основным флагманом стимулирования инновационных предпринимательских инициатив субъектов хозяйствования. Согласно Закону Республики Беларусь от 10 июля 2012 года № 425-3 «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности», к субъектам инновационной инфраструктуры относятся:

– научно-технологический парк (технопарк) — субъект инновационной инфраструктуры, содействующий развитию предпринимательства в научной, научно-технической и инновационной сферах и создающий условия для осуществления юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, являющимися резидентами технопарка, инновационной деятельности;

– центр трансфера технологий — субъект инновационной инфраструктуры, имеющий среднесписочную численность работников до 100 человек, содействующий осуществлению трансфера технологий или имеющий обособленное подразделение с численностью работников не менее семи человек, содействующее осуществлению трансфера технологий;

– иные юридические лица в случаях, предусмотренных настоящим законом и иными законодательными актами [1].

Основными задачами центров поддержки предпринимательства как субъектов инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства являются оказание субъектам малого и среднего предпринимательства содействия в получении финансовых и материально-технических ресурсов, информационных, методических и консультационных услуг, подготовке, переподготовке и привлечении квалифицированных кадров, проведение обучающих курсов и маркетинговых исследований, а также оказание иного содействия в осуществлении субъектами малого и среднего предпринимательства их деятельности.

Данное исследование направлено на активизацию инновационной деятельности и предпринимательства в рамках стратегии инновационного развития, содействие трансферу технологий из сферы разработки в практическую сферу, организационное, техническое и информационно-методическое обеспечение международной, научной, инновационной деятельности университета. В ходе исследования необходимо выявить ряд проблем и барьеров институционального, инфраструктурного и финансово-экономического характера, сдерживающих развитие инновационной деятельности юридического лица и снижающих показатели коммерциализации результатов научно-технической деятельности центра трансфера технологий как структурного подразделения учреждения высшего образования.

В статье будет рассмотрен организационный и финансово-экономический механизм функционирования Центра трансфера технологий и Центра поддержки предпринимательства, действующих на базе учреждения образования «Барановичский государственный университет», с учетом материально-технического, кадрового, финансового обеспечения и направлений инновационной деятельности университета.

Методология и методы исследования. В процессе регулирования инновационной деятельности важную роль играет наличие соответствующей нормативно-правовой базы, формирующей институциональный базис для развития инновационной политики государства. При этом особое значение имеет поддержка данной политики на региональном уровне. Нормативно-правовая база, регламентирующая механизмы развития инновационной деятельности, представлена законодательными актами, постановлениями Правительства Республики Беларусь, нормативными правовыми актами Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь, других государственных органов и организаций, подчиненных Правительству Республики Беларусь, Национальной академии наук Беларуси. Приведем основные из них:

1) Закон Республики Беларусь от 10 июля 2012 года № 425-3 (редакция от 11.05.2016 № 364-3) «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности

в Республике Беларусь», направленный на определение правовых и организационных основ государственной инновационной политики и инновационной деятельности в Республике Беларусь. Закон создал правовую базу для стимулирования инновационной деятельности и заложил основы для развития государственно-частного партнерства в сфере научно-инновационной деятельности [1];

2) Указ Президента Республики Беларусь от 15 сентября 2021 года № 348 «О Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2021—2025 годы». Государственная программа направлена на достижение приоритетов социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021—2025 годы в области эффективных инвестиций и ускоренного развития инновационных секторов экономики и является основным документом, обеспечивающим реализацию важнейших направлений государственной инновационной политики [2].

В рамках программы стратегия инновационной политики на 2021—2025 годы будет заключаться в выполнении исполнителями всех форм собственности инновационных проектов, соответствующих приоритетным направлениям научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2021—2025 годы, с оптимальным сочетанием развития собственного научно-технологического потенциала, продвижения отечественных технологий на мировой рынок и трансфера новых зарубежных технологий.

Основные усилия будут направлены на:

- стимулирование разработок технологий, товаров и услуг, соответствующих V и VI технологическим укладам, в том числе за счет приоритетного их финансирования, а также экспортоориентированных разработок;
- формирование полноценного рынка научно-технической и инновационной продукции, совершенствование институциональной среды, развитие и стимулирование инновационного предпринимательства;
- создание национальной системы технологического прогнозирования;
- создание и стимулирование развития опытно-внедренческих структур;
- развитие инновационной инфраструктуры;
- развитие национальной системы интеллектуальной собственности;
- стимулирование участия молодежи в сфере научно-технической и инновационной деятельности, формирование и развитие новых бизнес-моделей молодежной занятости в инновационной сфере, в том числе на поддержку молодежных стартапов;
- развитие системы научно-технической информации;

3) Декрет Президента Республики Беларусь от 23 ноября 2017 года № 7 «О развитии предпринимательства», определяющий принципы взаимодействия государственных органов с юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, упрощающий процессы организации и осуществления отдельных видов экономической деятельности [3];

4) постановление Совета Министров Республики Беларусь от 29 января 2021 года № 56 «О Государственной программе “Малое и среднее предпринимательство” на 2021—2025 годы», формирующее благоприятную среду для развития субъектов малого и среднего предпринимательства с учетом их потребностей [4];

5) Указ Президента Республики Беларусь от 4 апреля 2006 года № 202 (редакция от 15.09.2016 № 342) «Об освобождении от обложения ввозными таможенными пошлинами и налогом на добавленную стоимость товаров, предназначенных для обеспечения научной, научно-исследовательской и инновационной деятельности». В рамках указа освобождаются от обложения ввозными таможенными пошлинами (с учетом международных обязательств Республики Беларусь) и налогом на добавленную стоимость ввозимые резидентами Республики Беларусь на территорию Республики Беларусь оборудование, приборы, материалы и комплектующие изделия, предназначенные для выполнения на территории Республики Беларусь научно-исследовательских, опытно-конструкторских и опытно-технологических работ [5];

б) Указ Президента Республики Беларусь от 20 мая 2013 года № 229 «О некоторых мерах по стимулированию реализации инновационных проектов», определяющий основные подходы и принципы обращения хозяйствующих субъектов за государственной финансовой поддержкой с целью реализации инновационных проектов. Основные критерии конкурсного отбора инновационных проектов: новизна, актуальность, экономическая эффективность [6].

В исследованиях белорусских и российских авторов нашли отражение организационно-экономические, правовые, экономико-статистические аспекты частного инновационного предпринимательства, проблемы развития инновационных систем в контексте ускоренного социально-экономического развития национальной хозяйственной системы. Однако модели функционирования субъектов региональной инновационной инфраструктуры, их взаимодействия с государством в направлении обеспечения качественного роста и конкурентоспособности национальной экономики не нашли своего достойного отражения. Совершенствования также требуют организационно-методические подходы к анализу деятельности центров трансфера технологий, созданных на базе учреждений высшего образования, оценке их вклада в содействие коммерциализации инновационных проектов и развитию частного инновационного предпринимательства с учетом потребностей и специфики региона.

Результаты исследования и их обсуждение. Согласно Закону Республики Беларусь от 10 июля 2012 года № 425-З «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь», к «субъектам инновационной деятельности» относятся физические лица, в том числе индивидуальные предприниматели или юридические лица, осуществляющие инновационную деятельность. Закон разграничивает понятия «новшества» и «инновации». Новшество представляет результат интеллектуальной деятельности (новое знание, техническое или иное решение, экспериментальный или опытный образец и др.), обладающий признаками новизны по сравнению с существующими аналогами для определенного сегмента рынка, практической применимости, способный принести положительный экономический или иной полезный эффект при создании на его основе новой или усовершенствованной продукции, новой или усовершенствованной технологии, новой услуги, нового организационно-технического решения [1].

К перечню сводных целевых показателей, характеризующих уровень инновационной деятельности, относятся:

- удельный вес инновационно-активных организаций в общем числе организаций, основным видом экономической деятельности которых является производство промышленной продукции;
- удельный вес отгруженной инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции организациями, основным видом экономической деятельности которых является производство промышленной продукции;
- доля экспорта наукоемкой и высокотехнологичной продукции в общем объеме белорусского экспорта;
- количество создаваемых (модернизируемых) рабочих мест.

Сведения о выполнении основных показателей инновационного развития Республики Беларусь в 2021—2023 годах приведены в таблице 1.

Данные таблицы свидетельствуют о наличии положительной динамики в развитии инновационного сектора, что обусловлено ростом количества посредников на рынке наукоемкой продукции и организаций, в функции которых вменено развитие высокопроизводительных инновационных организаций с высокими темпами роста, которые позволяют успешно коммерциализировать новые идеи.

Т а б л и ц а 1. — Показатели инновационной деятельности в Республике Беларусь за 2021—2023 годы, %

Показатель	2021		2022		2023	
	Значение	Отклонение 2021/2020	Значение	Отклонение 2022/2021	Значение	Отклонение 2023/2022
Доля экспорта наукоемкой и высокотехнологичной продукции в общем объеме экспорта товаров и услуг	36,5	-1,8	37,5	+1,0	39,5	+2,0
Удельный вес отгруженной инновационной продукции (работ, услуг) в общем объеме отгруженной продукции (работ, услуг) организаций промышленности	19,8	+1,9	17,7	-2,1	22,2	+4,5
Удельный вес организаций, осуществлявших затраты на инновации, в общем числе обследованных организаций промышленности	27,5	+0,4	27,8	+0,3	28,3	+0,5

Примечание — источник: собственная разработка на основе [7].

В Республике Беларусь функционирует ряд организаций (структурных подразделений), осуществляющих содействие передаче технологий из сферы разработки в сферу практического использования. Среди зарегистрированных шести центров трансфера технологий один является подведомственной организацией Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь, четыре — университетскими центрами. Также в системе Министерства образования создана и функционирует разветвленная инфраструктура для коммерциализации результатов научно-технической деятельности, включающая маркетинговые центры, научно-инновационные подразделения и другие субъекты, которые требуют совершенствования в части кадрового, материально-технического и финансового обеспечения.

На основе информации, содержащейся в таблице 2, можно сделать вывод о наблюдающемся спаде в деятельности центров трансфера технологий, вызванных спецификой деятельности структурных подразделений.

Согласно ежегодным отчетам о деятельности центров трансфера технологий, следует отметить, что количество вовлеченных в данную деятельность сотрудников, финансово-экономические показатели, вклад в коммерциализацию результатов научной-технической деятельности в масштабах региона остаются весьма незначительными. По причине специфики

Т а б л и ц а 2. — Значения показателей деятельности центров трансфера технологий в Республике Беларусь в 2020—2022 годах

Показатель	2020	2021	2022
Количество центров трансфера технологий, ед.	7	7	6
Численность работников на конец отчетного периода, чел.	82	75	67
Количество технологических запросов, принятых к работе, ед.	23	71	21

Примечание — источник: собственная разработка на основе анализа сайтов центров трансфера технологий.

деятельности данных структур и ввиду необходимости обеспечения самокупаемости преобладающая часть выручки некоторых структурных подразделений формируется за счет оказания услуг, непосредственно не связанных с трансфером технологий (разработка бизнес-планов, содействие в организации предпринимательской деятельности субъектам малого предпринимательства, проведение семинаров, реализация образовательных программ, проведение стартап-мероприятий, не имеющих прямого отношения к осуществлению инновационной деятельности).

Инфраструктурное обеспечение инновационной и предпринимательской деятельности в областном разрезе представлено на рисунке 1.

Одной из важнейших целевых установок, стоящих перед субъектами инновационной инфраструктуры, является комплексная поддержка в развитии инновационного предпринимательства в регионах. Целевые субъекты инновационной инфраструктуры предназначены для становления и развития малых инновационных фирм, созданных для коммерциализации инноваций. Инфраструктурное обеспечение инновационной предпринимательской деятельности в Республике Беларусь представлено сетью научно-технологических парков, центров трансфера технологий, венчурных организаций и Белорусским инновационным фондом. Целью субъектов является содействие созданию высокотехнологических производств, стимулирование инновационной деятельности, а также передача технологий из сферы разработки в сферу их коммерческого использования.

Рассмотрим на примере учреждения образования «Барановичский государственный университет» поэтапное развитие инновационной инфраструктуры университета. Так, 8 января 2020 года Государственным комитетом по науке и технологиям Республики Беларусь присвоен статус субъекта инновационной инфраструктуры учреждению образования «Барановичский государственный университет» в части деятельности обособленного подразделения «Центр трансфера технологий» (свидетельство о регистрации № 35 от 08.01.2020). 15 сентября 2021 года Министерством экономики Республики Беларусь принято решение о присвоении статуса субъекта инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства учреждению образования «Барановичский государственный университет». 13 октября 2023 года при содействии Национального центра интеллектуальной собственности на базе университета открыт Центр поддержки технологий и инноваций.

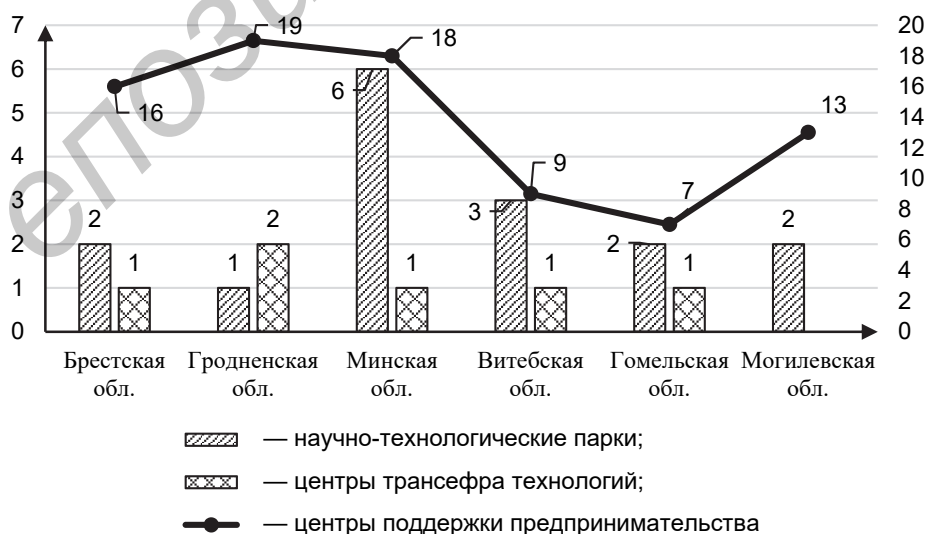

Рисунок 1. — Количество субъектов инновационной инфраструктуры и инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства в Республике Беларусь, ед.

Примечание — источник: разработка на основе [8; 9].

Учреждение образования «Барановичский государственный университет» в части деятельности обособленного подразделения «Центр трансфера технологий» является региональным центром, содействующим развитию инновационной деятельности и молодежного предпринимательства для удовлетворения потребностей экономики и социальной сферы региона, а также коммерциализации научно-технических, технологических, образовательных проектов коллективов разработчиков.

Центр трансфера технологий стремится стать региональным инновационным центром в сфере инновационной деятельности, включенным в сеть субъектов инновационной инфраструктуры Республики Беларусь, обладающим необходимыми ресурсами и потенциалом для успешного и качественного решения задач по оказанию инновационных и научных услуг по направлению передачи технологий из сферы разработки в сферу их коммерческого и практического использования.

Предметом деятельности Центра трансфера технологий является осуществление комплекса мероприятий, направленных на передачу новшеств из сферы их разработки в сферу практического применения (рисунок 2). Структура и штат Центра трансфера технологий, а также изменения к ним, определяются штатным расписанием, утвержденным приказом ректора университета. Векторы взаимодействия с целевыми группами заказчиков представлены на рисунке 3.

Рисунок 2. — Направления деятельности Центра трансфера технологий и Центра поддержки предпринимательства БарГУ

Примечание — источник: собственная разработка на основе материалов Центра трансфера технологий и Центра поддержки предпринимательства БарГУ.

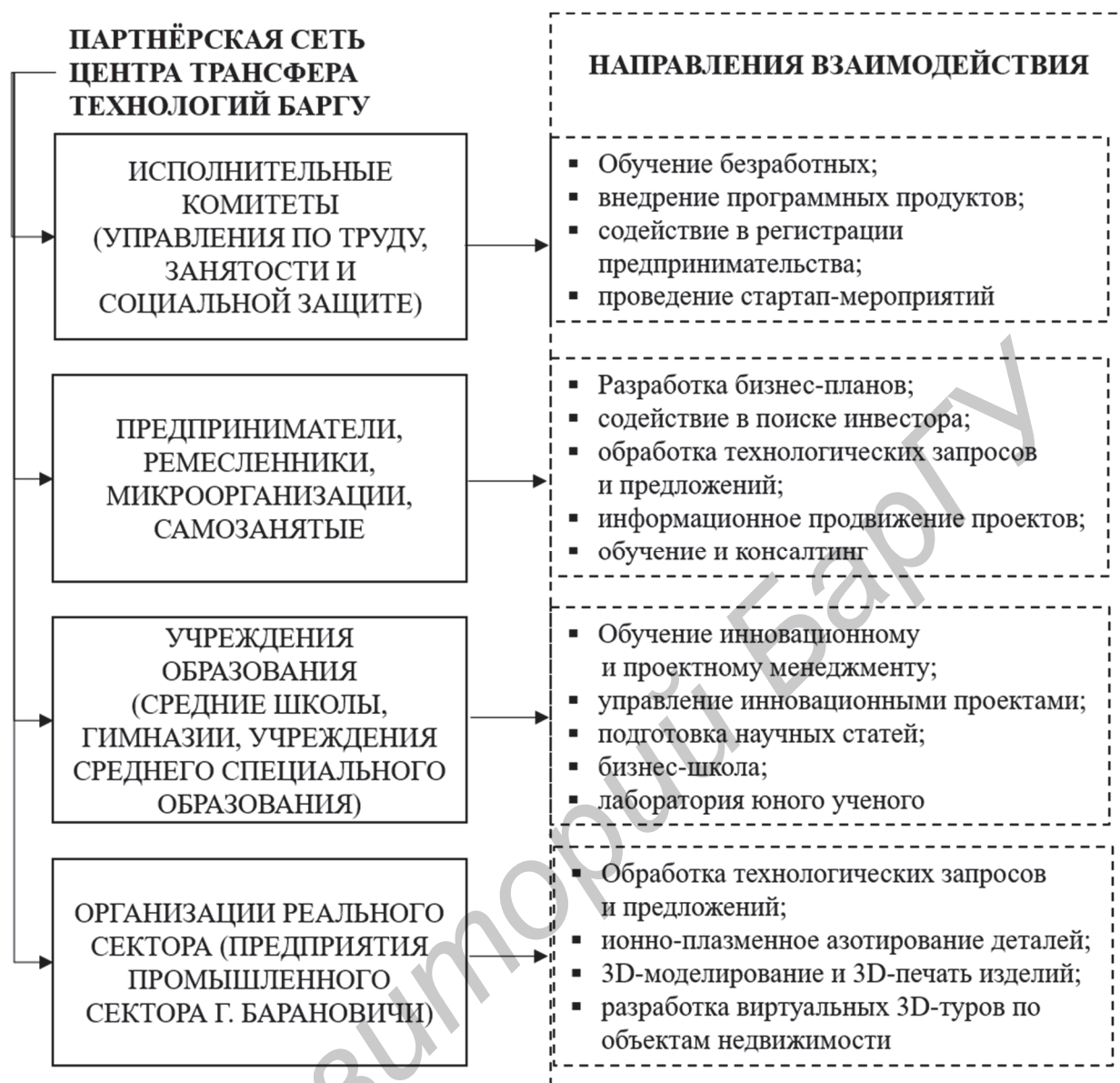

Рисунок 3. — Векторы взаимодействия с основными целевыми группами заказчиков Центра трансфера технологий БарГУ

Примечание — источник: собственная разработка по материалам деятельности Центра трансфера технологий.

Проведем анализ основных показателей деятельности обособленного подразделения «Центр трансфера технологий» за 2020—2023 годы. Одним из основных источников верификации деятельности центра является обработка технологических запросов и предложений организаций промышленного сектора. Количество технологических запросов составило в 2020 году 4, в 2021-м — 2, 2022-м — 6; 2023-м — 8. Основное количество запросов направлено на выполнение работ по ионно-плазменному азотированию деталей, 3D-моделированию и 3D-печати изделий, разработке виртуальных туров по объектам недвижимости и разработке программного обеспечения и интернет-ресурсов организаций.

В рамках реализации образовательной программы обучающего курса «Основы предпринимательской деятельности и бизнес-планирования» для субъектов малого предпринимательства разработано 132 бизнес-плана (ТЭО) для привлечения бюджетного финансирования предпринимательской деятельности. 104 проекта получили финансирование за счет средств фонда социальной защиты населения Брестского облисполкома в соответствии

с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 7 марта 2008 года № 342 «Об утверждении Положения о содействии безработным в организации предпринимательской деятельности, деятельности по оказанию услуг в сфере агроэкотуризма, ремесленной деятельности».

Осуществлялось консультирование субъектов малого предпринимательства (микро- и малых организаций), индивидуальных предпринимателей, ремесленников, самозанятых, студенческой молодежи, учащихся учреждений общего среднего образования по вопросам организации предпринимательской деятельности, бизнес-планирования, управления проектами, финансовой грамотности и пр.

На рисунке 4 представлены виды стартап-мероприятий, реализуемых Центром трансфера технологий и Центром поддержки предпринимательства.

По направлению проектной деятельности за исследуемый период разработано 32 инновационных проекта (из них 7 финалистов) на соискание грантов финансовой поддержки инновационной, образовательной, научно-технической деятельности:

- на конкурс инновационных проектов в рамках региональной научно-технической программы «Инновационное развитие Брестской области, 2021—2025 годы» — 7 проектных заявок (3 проекта получили положительное заключение по итогам научно-технической экспертизы учреждения образования «Брестский государственный технический университет»);
- на конкурс отдельных проектов научно-исследовательских работ Министерства образования Республики Беларусь — 2 проектные заявки;
- на Республиканский конкурс инновационных проектов — 8 проектных заявок (3 финалиста);
- на стартап-марафон ОАО «Белагропромбанк» — 2 проектные заявки;
- на конкурс бизнес-идей НТП «ИнКата» — 3 проектные заявки (1 финалист);
- на конкурс стартап-проектов Belarus ICT StartupAward — 2 проектные заявки (1 финалист);
- на конкурс «100 идей для Беларуси» — 8 проектов (2 финалиста).

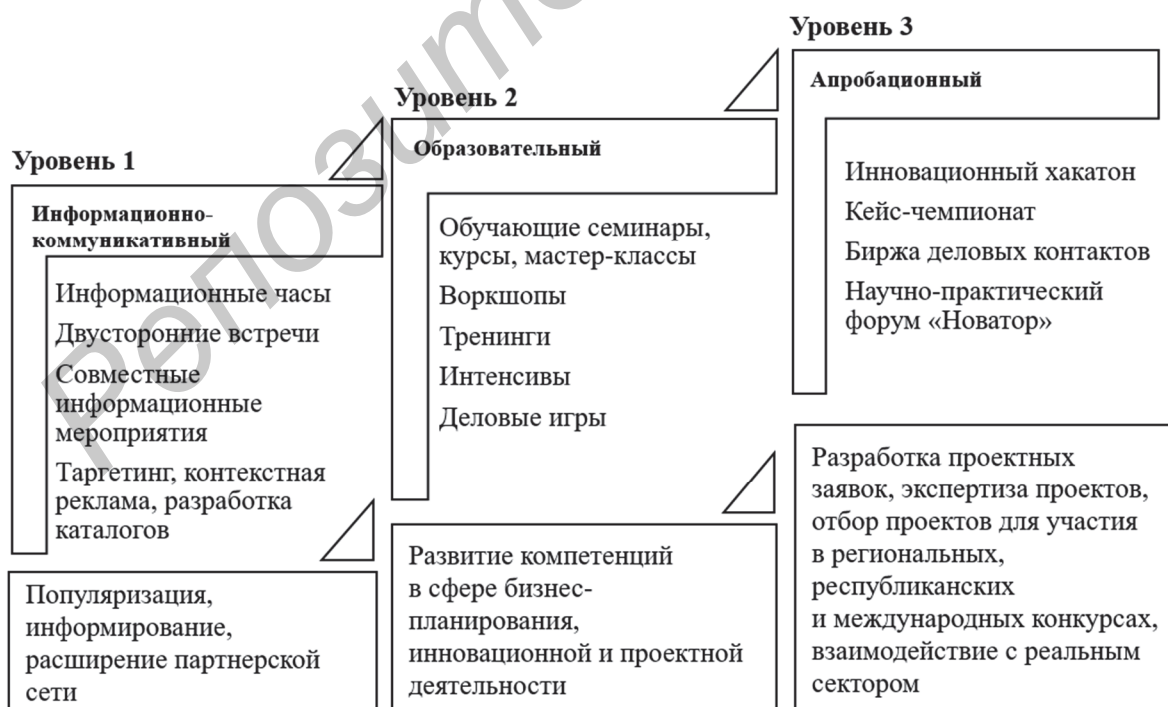

Рисунок 4. — Виды стартап-мероприятий Центра трансфера технологий БарГУ

Примечание — источник: собственная разработка.

За исследуемый период проведено 52 стартап-мероприятия по вопросам предпринимательской, инновационной и проектной деятельности для различных групп населения (руководители и сотрудники организаций, студенты, педагогические коллективы, безработные, начинающие предприниматели). Общее количество участников мероприятий составило 1 253 человека. Количество потенциальных инвесторов, принявших участие в стартап-мероприятиях, — 21 человек. Количество экспертов, принявших участие в мероприятиях, — 54 человека. Количество представленных бизнес-проектов — 175 единиц, из них профинансировано за счет средств ФСЗН Брестского облисполкома (государственная субсидия на организацию предпринимательской деятельности) — 104. Также между учреждением образования «Барановичский государственный университет» и ОАО «Белагропромбанк» заключено соглашение о сотрудничестве в целях формирования экосистемы, объединяющей партнеров соглашения, оказывающих услуги субъектам малого и среднего предпринимательства, и предлагающей интегрированные сервисы для субъектов малого и среднего предпринимательства в целях инновационного развития. В рамках соглашения реализуются следующие направления: информирование работников университета и студентов о реализуемом в рамках соглашения совместном проекте и связанных с ним возможностях; разработка собственных программ обучения, привлечение бизнес-тренеров, консультантов в рамках реализации стартап-мероприятий; проведение мероприятия по информированию субъектов малого и среднего предпринимательства о совместном проекте, а также по подготовке плана информационных, обучающих и консалтинговых мероприятий в рамках совместного проекта на 2022—2025 годы.

В числе научно-технических, технологических разработок внедрены в деятельность субъектов инновационной инфраструктуры и инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства программный продукт «Автоматизированная система разработки инновационных и бизнес-проектов»; автоматизированная система по сбору и систематизации инновационных запросов (предложений) организаций; сайт модульной системы учебно-методического обеспечения дополнительного образования; личный кабинет слушателя; сайт обособленного подразделения «Центр трансфера технологий».

Проведенный комплексный анализ вклада субъекта инновационной инфраструктуры в развитие направлений коммерциализации результатов научно-технической деятельности университета позволил сделать вывод о необходимости использования институциональных мер и организационно-экономических стимулов в развитии Центра трансфера технологий. Содействие развитию инновационного предпринимательства осуществляется посредством формирования модели функционирования центра в целях создания благоприятных условий, стимулирующих предпринимательскую активность граждан и малого бизнеса в городе Барановичи. При этом важное значение имеет поддержка приоритетных направлений деятельности предпринимательского сектора, в том числе в направлении развития молодежного предпринимательства, а также поддержка инновационных, импортозамещающих и экспортоориентированных производств.

Заключение. Развитие национальной социально-экономической системы, рост ее конкурентоспособности обусловлены эффективной реализацией государственной инновационной политики в направлении активизации деятельности субъектов инновационной инфраструктуры. Расширение инфраструктурной сети нацелено на региональную специфику, развитие молодежных предпринимательских инициатив (инновационного предпринимательства), максимально полное использование имеющихся ресурсов, создание собственных и трансфер успешных зарубежных инновационных технологий, адаптируемых к условиям функционирования и трендовых векторов развития страны. В Республике Беларусь функционирует многокомпонентная, гибкая нормативно-правовая среда, регулирующая и стимулирующая направления развития инновационной инфраструктуры с учетом запросов научно-образовательного, бизнес-сектора, реального сектора экономики, государственных

органов власти. Деятельность обособленного подразделения «Центр трансфера технологий» учреждения образования «Барановичский государственный университет» содействует ст. 27 Закона Республики Беларусь от 10.07.2012 № 425-З «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь» и направлена на стимулирование инновационной, проектной и предпринимательской деятельности структурных подразделений университета. В качестве основных векторов работы выступают научно-технические разработки, научно-исследовательская деятельность, разработка проектной документации, содействие в привлечении инвестиций и поиске инвестора, разработка бизнес-планов инновационных проектов, информационное продвижение новшеств, реализация образовательных программ в области трансфера технологий.

Список цитируемых источников

1. О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь : Закон Респ. Беларусь от 10 июля 2012 г. № 425-З : с изм. и доп. от 11 мая 2016 г. № 364-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — URL: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11200425> (дата обращения: 01.09.2024).
2. О Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2021—2025 годы : Указ Президента Респ. Беларусь от 15 сент. 2021 г. № 348 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — URL: http://www.pravo.by/upload/docs/op/p31700031_1486414800.pdf (дата обращения: 01.09.2024).
3. О развитии предпринимательства : Декрет Президента Респ. Беларусь от 23 нояб. 2017 г. № 7 : в ред. от 7 марта 2024 г. № 358-З : с изм. и доп., вступившими в силу с 23 июля 2024 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — URL: http://pravo.by/upload/docs/op/Pd1700007_1511730000.pdf (дата обращения: 18.10.2024).
4. О Государственной программе «Малое и среднее предпринимательство в Республике Беларусь» на 2021—2025 годы : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 29 янв. 2021 г. № 56 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — URL: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C21600149> (дата обращения: 22.10.2024).
5. Об освобождении от обложения ввозными таможенными пошлинами и налогом на добавленную стоимость товаров, предназначенных для обеспечения научной, научно-исследовательской и инновационной деятельности : Указ Президента Респ. Беларусь от 4 апр. 2006 г. № 202 : ред. от 15.09.2016 № 342 // Интернет-портал Государственного комитета по науке и технологиям. — URL: <http://www.gknt.gov.by/rules/pravovye-akty-respubliki-belarus-v-sferakh-nauchnoy-nauchno-tekhnicheskoy-i-innovatsionnoy-deyatelnosti/> (дата обращения: 10.10.2024).
6. О некоторых мерах по стимулированию реализации инновационных проектов : Указ Президента Респ. Беларусь от 20 мая 2013 г. № 229 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P31300229> (дата обращения: 12.10.2024).
7. Наука и инновационная деятельность Республики Беларусь : стат. сб. / под ред. И. В. Медведева. — Минск, 2024. — 79 с.
8. Инновационная инфраструктура // Интернет-портал БелИСА. — URL: http://www.belisa.org.by/ru/nis/innovac_infrastr/ (дата обращения: 15.10.2024).

Поступила в редакцию 15.11.2024.

LAW

УДК 342.9

Е. С. Иосько

Учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет»,
пр-т Рокоссовского, 65, 220094 Минск, Республика Беларусь, hineviche@mail.ru

**ОБЖАЛОВАНИЕ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ПО ДЕЛАМ
ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В АДМИНИСТРАТИВНОМ
ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

В статье проанализирован генезис становления института обжалования постановлений по делам об административных правонарушениях на основе анализа отечественной правовой доктрины и законодательства советского периода, а также рассмотрена реализация организационно-правового механизма обжалования постановлений по делам об административных правонарушениях, не вступивших в законную силу и вступивших в законную силу. В целях совершенствования законодательства автором выдвинуты предложения изменения и (или) дополнения отдельных норм.

Ключевые слова: жалоба; обжалование; административное правонарушение; порядок обжалования; генезис института обжалования; стадии.

Библиогр.: 12 назв.

K. S. Iosko

Institution of Education “Belarus State Economic University”, 65 Rokossovsky Ave., 220094 Minsk,
the Republic of Belarus, hineviche@mail.ru

**APPEAL OF DECISIONS ON CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENCES
IN THE ADMINISTRATIVE PROCESS OF THE REPUBLIC OF BELARUS**

The article analyzes the genesis of establishment of the institution of appealing decisions on cases of administrative offences based on the analysis of domestic legal doctrine and legislation of the Soviet period, and also considers the implementation of the organisational and legal mechanism for appealing decisions on cases of administrative offences that have not entered into force and have entered into force. In order to improve the legislation, the author has put forward proposals to amend and (or) supplement certain norms.

Key words: complaint; appeal; administrative offence; procedure of appeal; genesis of the institution of appeal; stages.

Ref.: 12 titles.

Введение. Институт обжалования постановлений по делам об административных правонарушениях является одним из ключевых институтов, гарантирующих право лицам, участвующим в административном процессе, на обращение в государственные органы или суды в случае несогласия с решениями или действиями судей, должностных лиц органов, ведущих административный процесс. Необходимо отметить, что обжалование постановления по делу об административном правонарушении (далее — постановление) представляет собой совокупность процессуальных действий, направленных на восстановление нарушенных прав и охраняемых интересов лиц, участвующих в административном процессе, а также служит средством выявления и устранения недостатков в деятельности органов, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях.

Законодательное закрепление права на обжалование постановления призвано предоставить возможность защитить нарушенные права лиц, участвующих в административном процессе, проверить правомерность привлечения или отказа в привлечении к административной ответственности лица, совершившего административное правонарушение. Одновременно с вышесказанным обжалование непосредственно зависит от усмотрения лиц, которым данное право предоставлено.

Методология и методы исследования. Методологическую основу работы составили как общие, так и частнонаучные методы исследования: сравнительного правоведения, комплексного исследования, аналогии и др. В процессе написания статьи использовались положения нормативных правовых актов, результаты научных трудов белорусских и российских ученых-административистов.

Результаты исследования и их обсуждение. В рамках анализа института обжалования постановления необходимо обратить внимание на историю развития и закрепления права на обжалование. Истоки указанного права лежат в XX веке, когда правоведами активно вносились предложения о принятии отдельного закона, который предусматривал бы возможность обращения в суд с жалобами на органы государственной власти [1, с. 13]. Это связано с тем, что до середины XX века развитие законодательства в сфере обжалования неправомερных действий должностных лиц государственных органов носило ограниченный характер [2, с. 49]. Подтверждением указанного факта служит длительное отсутствие в конституциях СССР и БССР права на обжалование неправомερных действий должностных лиц органов государственной власти.

С течением времени в законодательстве СССР стали формироваться институты административного и судебного обжалования неправомερных действий органов государственной власти и их должностных лиц.

Полноценное конституционное закрепление вопросы обжалования неправомερных действий должностных лиц органов государственной власти получили в ст. 58 Конституции СССР 1977 года, которая зафиксировала право граждан, чьи права были нарушены, обжаловать в суд действия должностных лиц, совершенные с нарушением закона, с превышением полномочий, а также Конституция СССР 1997 года закрепила право на возмещение ущерба, причиненного незаконными действиями государственных и общественных организаций, должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей [3, с. 58]. Аналогичная норма получила закрепление и в ст. 56 Конституции БССР 1978 года [4].

В целях развития зафиксированных конституционных норм в 1980-е годы был принят ряд нормативных правовых актов, расширивших основания для обжалования неправомερных действий должностных лиц органов государственной власти. Закрепленные ранее нормы получили продолжение в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 года «О возмещении ущерба гражданину, причиненного незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении служебных обязанностей» (Указ). Часть 1 ст. 2 Указа зафиксировала нормы о том, что «ущерб, причиненный гражданину в результате незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу, незаконного наложения административного взыскания в виде ареста или исправительных работ, возмещается государством в полном объеме независимо от вины должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда» [5]. Необходимо отметить, что решения, принимаемые коллегиально, обжалованию не подлежали, так как Указ предусматривал возможность обжалования только единоличных действий должностных лиц.

Дальнейшим шагом в развитии конституционного законодательства в сфере ответственности должностных лиц органов государственной власти стало внесение в Конституцию БССР 1978 года изменений и дополнений от 27 октября 1989 года. Так, в ч. 5 ст. 80 закреплена

норма о том, что «любое должностное лицо может быть досрочно освобождено от занимаемой должности в случае ненадлежащего выполнения им своих служебных обязанностей» [4]. Дополнил указанную норму также Закон СССР от 2 ноября 1989 года «О порядке обжалования в суд неправомερных действий органов государственного управления и должностных лиц, ущемляющих права граждан», который в ч. 1 ст. 2 определил, что к действиям органов государственного управления и должностных лиц, подлежащим судебному обжалованию, относятся как коллегиальные, так и единоличные действия [6].

Следующим актом, закрепившим общие основания обжалования неправомερных действий должностных лиц органов государственной власти, стала Декларация прав и свобод человека 1991 года (Декларация), содержащая ряд положений в сфере конституционных гарантий прав и свобод личности. Так, ст. 1, 2, 22 Декларации закрепили, что все государственные органы обязаны обеспечивать и охранять права и свободы человека как высшие социальные ценности, а все права и свободы, закрепленные в Декларации, подлежат судебной защите, при этом каждый имеет право судебного обжалования незаконных действий должностных лиц, государственных органов и общественных организаций, а также право на возмещение морального и материального ущерба [7]. Указанные положения составили основу конституционно-правового регулирования ответственности органов государственной власти за нарушение конституционных прав и свобод личности. В последующем указанные принципы получили продолжение и развитие в нормативных правовых актах современной Республики Беларусь.

В Республике Беларусь концепция совершенствования законодательства в сфере административной ответственности, в том числе в части совершенствования института обжалования постановлений, заключалась в том, чтобы кодифицировать и регламентировать процессуальную составляющую административной ответственности. В рамках данной концепции был принят кодифицированный нормативный правовой акт — Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 20 декабря 2006 года. Указанный кодифицированный нормативный правовой акт утратил силу 1 марта 2021 года в связи с введением в действие нового одноименного кодифицированного нормативного правового акта.

Таким образом, в настоящее время процессуальные вопросы привлечения к административной ответственности, в том числе вопросы обжалования постановлений, регламентированы Процессуально-исполнительным кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 года № 92-3 (далее — ПИКоАП).

Действующий ПИКоАП выделяет несколько стадий административного процесса:

- 1) начала административного процесса;
- 2) подготовки дела об административном правонарушении к рассмотрению;
- 3) непосредственного рассмотрения дела об административном правонарушении;
- 4) исполнения постановления о наложении административного взыскания.

Выделяются также факультативные (необязательные) стадии административного процесса:

- 1) обжалования (опротестования) не вступившего в законную силу постановления;
- 2) пересмотра вступившего в законную силу постановления.

Необходимо отметить, что факультативные стадии присутствуют в административном процессе только в том случае, если участники административного процесса (лицо, в отношении которого постановление вынесено, потерпевший, их представители, защитник) подадут жалобу или прокурором будет принесен протест.

Рассмотрим более детально процедуру обжалования постановлений, ключевым элементом которой является непосредственно жалоба.

Жалоба — это носитель информации о качестве деятельности должностных лиц органов, ведущих административный процесс, судей, а также последствия деятельности вышеуказанных лиц. Жалоба основывается на информации, состоящей из требований лиц, ее составивших.

Жалоба представляет собой письменное обращение лица, в отношении которого вынесено постановление, потерпевшего, их представителей, защитника со своими возражениями на вынесенное постановление. Подаче жалобы с соблюдением установленных требований корреспондирует обязанность должностных лиц соответствующих государственных органов рассмотреть ее и проверить законность и обоснованность постановления.

Возможность обжалования постановления является гарантией практической реализации конституционного права на обжалование решений и действий (бездействия) государственных органов и должностных лиц, ущемляющих права и свободы граждан.

При этом жалобам присущ особый правовой статус, который заключается в том, что правом на обращение с жалобой обладает лишь лицо, чьи права и законные интересы нарушены. В юридической литературе жалоба справедливо названа одним из универсальных и наиболее распространенных средств защиты в административно-юрисдикционном процессе, поскольку она является основанием для пересмотра постановлений и служит средством исправления правоприменительных ошибок [8, с. 88]. Можно согласиться с мнением, выраженным в коллективной монографии докторов юридических наук О. И. Чуприс, Л. М. Рябцева и ряда иных ученых-правоведов, что основной положительной чертой обжалования постановления по делу об административном правонарушении является социальная активность участников административного процесса, основанная на личной заинтересованности в исходе дела, что позволяет выявить различные нарушения субъективных прав, зачастую скрытые по различным причинам от деятельности надзорных органов, а следовательно, и привести деятельность должностного лица органа, ведущего административный процесс, в рамки установленной для него законом компетенции [9, с. 200].

Также ценность права на обжалование определяется не самой возможностью обжаловать то или иное решение, действие (бездействие) органа публичной власти, а совокупностью факторов, позволяющих заинтересованному лицу в конечном счете добиться отмены незаконного акта [10, с. 3]. Действующее правовое регулирование обеспечивает участникам административного процесса возможность беспрепятственно обратиться в уполномоченный орган за защитой своего нарушенного права, достичь отмены незаконного постановления по делу об административном правонарушении и добиться справедливости.

Порядок обжалования (опротестования) постановления регулируется главой 13 ПИКоАП. Основанием для пересмотра постановления является непосредственно жалоба, которая должна быть подана с соблюдением закрепленных в ПИКоАП сроков и требований. Часть 1 ст. 12.11 говорит о том, что обжаловаться могут любые постановления по делу, в частности постановления:

- 1) о наложении административного взыскания;
- 2) о наложении административного взыскания с прекращением дела об административном правонарушении в части;
- 3) о прекращении дела об административном правонарушении [11].

ПИКоАП закрепляет два способа обжалования постановления по делу:

- 1) обжалование не вступившего в законную силу постановления по делу;
- 2) обращение к прокурору с жалобой на постановление по делу и с просьбой принести протест.

Необходимо отметить, что указанные способы не могут быть использованы одновременно.

Принимая во внимание, что жалоба представляет собой требование восстановить права, свободы и законные интересы, нарушенные в ходе административного процесса, в ней должны быть указаны нарушения, которые, по мнению лица, подавшего жалобу, должны стать основанием для отмены или изменения постановления по делу в силу ст. 13.16 ПИКоАП.

Рассмотрим более детально каждое из оснований к отмене или изменению постановления.

1. Неправильное применение норм Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — КоАП).

Неправильное применение норм КоАП имеет место в случаях, когда, например, суд или орган, ведущий административный процесс, применил норму КоАП, которая утратила силу

или не вступила в законную силу. Также среди случаев неправильного применения норм КоАП можно выделить неправильное применение норм КоАП, исключающих административную ответственность или отягчающую ответственность, а также наложение взыскания, выходящего за пределы санкций, установленных определенной статьей КоАП. Также к неправильному применению норм КоАП можно отнести неправильную квалификацию содеянного, что означает привлечение лица к ответственности по статье КоАП, диспозиция которой не соответствует фактически совершенному деянию. Однако необходимо отметить, что такое совершенное деяние должно подпадать под признаки какого-либо иного нарушения, предусмотренного КоАП. В ином случае будет иметь место не неправильная квалификация содеянного, а отсутствие в совершенном лицом деянии непосредственно события правонарушения:

2. Нарушение норм ПИКоАП.

В соответствии с ПИКоАП постановление может быть отменено в случае нарушения каких-либо процессуальных требований, которые могут послужить основаниями к отмене или изменению постановления по делу при одновременном соблюдении следующих условий:

- нарушение процессуальных требований выразилось в ущемлении законных прав участников административного процесса и несоблюдении порядка его ведения;
- нарушение процессуальных требований помешало всесторонне рассмотреть дело и повлияло или могло повлиять на вынесение обоснованного постановления по делу.

Также среди существенных нарушений норм ПИКоАП, которые часто встречаются на практике, можно выделить следующие: составление протокола об административном правонарушении неуполномоченным должностным лицом, нарушение права на защиту лица, в отношении которого ведется административный процесс, например, необеспечение его переводчиком, если оно не владеет языком, на котором ведется административный процесс, и т. п.

Полагаем, что существенные нарушения лишают или ущемляют гарантированные законом права участников административного процесса при рассмотрении дела об административном правонарушении или иным путем мешают суду или органу, ведущему административный процесс, всесторонне, полно и объективно исследовать обстоятельства дела об административном правонарушении и тем самым влияют или могут повлиять на вынесение законного и обоснованного постановления по делу.

3. Допущение односторонности, неполноты и необъективности в исследовании обстоятельств административного правонарушения.

Предполагается, что односторонность, неполнота и необъективное исследование обстоятельств административного правонарушения имеют место, когда судом или органом, ведущим административный процесс, не исследованы все доказательства, которые могли свидетельствовать об отсутствии состава административного правонарушения либо о невиновности лица, привлекаемого к административной ответственности.

В свою очередь, предполагается, что неполнота имеется в том случае, когда по имеющимся в деле материалам не представляется возможным сделать однозначный вывод о наличии или отсутствии в действиях лица, привлекаемого к ответственности, состава правонарушения. Как правило, неполнота проявляется при отсутствии достаточного количества доказательств, неполного изучения всех обстоятельств дела.

При этом односторонность, как правило, означает ограниченность восприятия обстоятельств дела. Так, зачастую из материалов дела в действиях лица, привлекаемого к ответственности, могут усматриваться признаки иных нарушений. Таким образом, несоответствие выводов, содержащихся в постановлении, фактическим обстоятельствам дела может являться следствием неверной оценки доказательств, а также непринятия во внимание имеющихся в деле доказательств или несоблюдения правил об их относимости, допустимости и достаточности.

4. Несоответствие назначенного административного взыскания тяжести правонарушения.

В соответствии с ч. 2 ст. 13.16 ПИКоАП основанием к отмене или изменению постановления по делу является несоответствие назначенного судом или органом, ведущим административный процесс, взыскания тяжести совершенного административного правонарушения.

Так, если при рассмотрении жалобы будет установлено, что наложенное административное взыскание не соответствует совершенному административному правонарушению и наступившим последствиям, а также если не учтены обстоятельства, смягчающие административную ответственность, например, постановление может быть отменено в силу строгости наложенного взыскания, а дело может быть направлено на новое рассмотрение.

На практике среди наиболее распространенных нарушений при привлечении к административной ответственности можно выделить:

- несоблюдение предусмотренных КоАП сроков привлечения к административной ответственности;
- необоснованное привлечение к административной ответственности;
- привлечение к административной ответственности физических лиц в случаях, когда в их действиях имеются признаки преступлений;
- неверная квалификация совершенного правонарушения;
- неполное выявление смягчающих и отягчающих ответственность обстоятельств;
- нарушение порядка административного задержания;
- нарушение подведомственности при рассмотрении дел об административных правонарушениях и др.

Часть 1 ст. 13.5 ПИКоАП устанавливает сроки, в течение которых может быть подана жалоба на постановление. Так, жалоба на не вступившее в законную силу постановление может быть подана в течение 10 суток со дня:

- 1) объявления постановления по делу в присутствии лица, в отношении которого вынесено. При этом срок начинается со дня, следующего за днем объявления;
- 2) получения копии постановления по делу отсутствовавшим при его рассмотрении лицом, в отношении которого вынесено это постановление;
- 3) получения (вручения) копии мотивировочной части в случае подачи заявления о ее составлении [11].

Согласно ч. 1 ст. 13.12, истечение срока на обжалование постановления влечет за собой вступление постановления в законную силу и возникновение обязанности по исполнению постановления о наложении административного взыскания. Вступление постановления в законную силу прекращает возможность обжалования постановления в дальнейшем. Это объясняется тем, что вступившее в законную силу постановление, если оно не обжаловалось до вступления его в законную силу, может быть обжаловано только по протесту прокурора [11].

В случае пропуска по уважительным причинам срока на обжалование постановления лица, имеющие право на подачу жалобы, вправе ходатайствовать перед судом, должностным лицом, уполномоченными рассматривать жалобу о восстановлении пропущенного срока. Ходатайство о восстановлении пропущенного срока рассматривается лицом, уполномоченным рассматривать жалобу или же протест. При поступлении ходатайства решается вопрос о восстановлении процессуального срока либо отклоняется ходатайство, о чем выносится мотивированное постановление.

К уважительным причинам для восстановления срока на обжалование могут быть отнесены: тяжелое состояние здоровья, которое будет подтверждено соответствующими документами, нахождение в командировке, иные обстоятельства, объективно свидетельствующие, что у лица не было возможности для подачи жалобы в установленный срок, также оценивается характер причин, помешавших лицу, участвующему в деле, обратиться в суд вовремя.

В связи с тем, что ПИКоАП прямо не предусматривает возможности обжалования решения об отклонении ходатайства о восстановлении пропущенного срока, это решение исходя из общих принципов административного процесса может быть обжаловано, поскольку оно исключает возможность дальнейшего движения дела об административном правонарушении, что влечет нарушение права лица, привлеченного к административной ответственности, на защиту.

Не любое лицо может обжаловать постановление. ПИКоАП предусматривает строго определенный круг лиц, которые вправе обжаловать постановление. В частности, постановление вправе обжаловать:

- лицо, в отношении которого оно вынесено;
- потерпевший (это может быть не только физическое лицо, но и субъект хозяйствования);
- их представители;
- защитник.

Также ПИКоАП (ч. 1 ст. 13.3) регламентирует порядок подачи жалобы на постановление по делу. Жалоба должна быть подана в вышестоящий суд или государственный орган (его должностному лицу), которые уполномочены на ее рассмотрение. В постановлении указывается, куда и в каком порядке оно может быть обжаловано. Орган, который вправе рассматривать жалобу, зависит от того, какой орган вынес постановление. Так, по делу об административном правонарушении могут быть обжалованы не вступившие в законную силу:

- постановления административной комиссии, комиссии по делам несовершеннолетних — в районный (городской) исполнительный комитет, администрацию района в городе либо в суд по месту наложения административного взыскания;
- постановления сельского, поселкового исполнительного комитета — в районный исполнительный комитет либо в суд по месту наложения административного взыскания;
- постановления иного органа, ведущего административный процесс, — в вышестоящий орган, вышестоящему должностному лицу либо в суд по месту наложения административного взыскания;
- постановления суда — в вышестоящий суд [11].

ПИКоАП не допускает одновременной подачи жалобы на постановление во все инстанции: и в суд, и вышестоящему органу (должностному лицу). Статья 13.2 ПИКоАП определяет единые требования к содержанию жалоб. Так, жалоба на постановление должна быть составлена в письменной форме. ПИКоАП не допускает подачу жалобы в электронной форме. Однако в связи с развитием информационных технологий в последние десятилетия и глобальной цифровизацией видится целесообразным введение возможности подачи жалобы на постановление в электронной форме, что позволит сделать реализацию права на обжалование более доступной.

Жалоба на постановление должна содержать:

- 1) наименование суда, органа (должностного лица), которому она адресуется. Согласно ч. 2 ст. 13.3 ПИКоАП, жалоба всегда подается через суд или орган, который вынес постановление по делу, которое непосредственное обжалуется. Нарушение указанной нормы (например, подача жалобы в суд, рассматривающий экономические дела, минуя инспекцию Министерства по налогам и сборам, которая вынесла постановление по делу, является основанием для возврата поданной жалобы заявителю;
- 2) сведения о заявителе — фамилию, имя, отчество (если есть) физического (должностного) лица; наименование юридического лица; их место жительства (пребывания) или нахождения; процессуальное положение в деле об административном правонарушении (лицо, в отношении которого вынесено постановление по делу; потерпевший; их представители, защитник);
- 3) реквизиты обжалуемого постановления по делу — его дату, номер и наименование органа, который вынес постановление;
- 4) основания для обжалования.

Помимо вышесказанного, в жалобе целесообразно указать:

- информацию о результатах рассмотрения дела;
- нарушения и (или) иные обстоятельства, с которыми не согласен заявитель; какие права, свободы, законные интересы были нарушены в ходе административного процесса;
- ссылки на нормы законодательства, нарушенные (не примененные) при рассмотрении дела и вынесении постановления по делу;

– доказательства, подтверждающие изложенные в жалобе факты;
– требования заявителя (об отмене или изменении постановления по делу; о восстановлении пропущенного срока на обжалование, если одновременно с жалобой заявляется ходатайство о восстановлении пропущенного срока).

Так, ч. 1 ст. 13.8 ПИКоАП строго регламентирует порядок рассмотрения поданной жалобы на постановление. Суд (орган), вынесший постановление, обязан в течение трех рабочих дней направить жалобу на постановление вместе с делом об административном правонарушении в орган, уполномоченный на ее рассмотрение. Срок рассмотрения жалобы судом, должностным лицом, уполномоченным на её рассмотрение, составляет один месяц с момента ее поступления.

Сокращенный срок рассмотрения жалобы — три дня с момента поступления — предусмотрен исключительно для жалобы на постановление об административном аресте или депортации. Момент поступления жалобы — день ее регистрации в суде, органе, уполномоченном на ее рассмотрение. При этом отметим, что срок на рассмотрение жалобы начинается на следующий день.

Непосредственно сам порядок рассмотрения жалобы регламентирует ст. 13.9 ПИКоАП. При рассмотрении жалобы на постановление, не вступившее в законную силу, суд, должностное лицо, уполномоченные рассматривать жалобу, проверяют законность, обоснованность и справедливость вынесенного постановления. При этом лицо, в отношении которого вынесено постановление, потерпевший, их представители, защитник вправе присутствовать при рассмотрении жалобы, а также давать объяснения и представлять дополнительные материалы в обоснование своих требований. Неявка лиц, надлежащим образом извещенных о дате и месте рассмотрения жалобы, в суд, орган, ведущий административный процесс, уполномоченные рассматривать жалобу, не является препятствием для ее рассмотрения.

Непосредственно рассмотрение жалобы начинается с доклада судьи, должностного лица, уполномоченных рассматривать жалобу, которые излагают существо дела об административном правонарушении и жалобы. После доклада лицо, в отношении которого вынесено постановление, потерпевший, их представители, защитник, если они участвуют в рассмотрении жалобы, дают свои объяснения. В случае представления дополнительных материалов судья, должностное лицо, уполномоченные рассматривать жалобу, знакомят с ними лиц, участвующих в рассмотрении жалобы. Дополнительные материалы могут послужить основанием для изменения постановления или его отмены с прекращением дела в случае, когда содержащиеся в дополнительных материалах сведения не требуют проверки и оценки судом, органом, ведущим административный процесс, вынесенными постановлением. Решение по результатам рассмотрения жалобы принимается в форме постановления. Такое постановление вступает в законную силу немедленно после его вынесения.

Суд, должностное лицо, уполномоченные рассматривать жалобу, по результатам ее рассмотрения принимают одно из следующих решений:

– оставляют постановление без изменения, а жалобу — без удовлетворения. Такое решение может быть принято в случае, когда нет нарушений, которые в силу ст. 13.16 ПИКоАП могут стать основанием для отмены обжалуемого постановления. В случае принятия такого решения постановление о наложении административного взыскания подлежит исполнению;

– отменяют постановление и прекращают дело об административном правонарушении. Решение об отмене постановления может быть принято при отсутствии оснований для привлечения лица к административной ответственности. Например, если при рассмотрении жалобы будет установлено одно из предусмотренных ст. 9.6 ПИКоАП обстоятельство, исключающее административный процесс. Отмена постановления с прекращением дела об административном правонарушении влечет за собой ряд последствий. Так, при отмене постановления с прекращением дела об административном правонарушении осуществляется возврат денежных сумм, конфискованных предметов, а также такая отмена влечет за собой отмену других

ограничений, связанных с ранее принятым постановлением. В случае невозможности возврата ранее конфискованного предмета осуществляется возмещение его стоимости. Также в таком случае суд или орган, ведущий административный процесс, вынесший постановление о наложении административного взыскания, прекращает исполнение соответствующего постановления;

– отменяют постановление и направляют дело на новое рассмотрение. Основанием для принятия такого решения может быть односторонность, неполнота и необъективное исследование обстоятельств административного правонарушения; неправильное применение норм КоАП и (или) ПИК оАП. Принятие указанного решения также влечет прекращение исполнения постановления о наложении административного взыскания. При новом рассмотрении дела административное взыскание должно быть наложено не позднее двух месяцев со дня отмены постановления по делу;

– изменяют постановление в части. Такое решение может быть принято, когда усматривается необходимость в изменении постановления по делу без возвращения его на новое рассмотрение или прекращения. Например, когда суд (уполномоченный орган) может отменить дополнительное взыскание в виде лишения права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами;

– изменяют меру и (или) вид взыскания в пределах, предусмотренных КоАП, таким образом, чтобы взыскание не было усилено. Такое решение может быть принято, когда рассматривающий жалобу суд (уполномоченный орган) вправе самостоятельно изменить или скорректировать меру взыскания. Например, он может отменить дополнительное взыскание, назначенное без учета всех обстоятельств дела;

– отменяют постановление и направляют дело на рассмотрение компетентного органа, если постановление вынесено лицом, неправомочным рассматривать данное дело. Такое решение может быть принято в случаях, которые касаются правомочий суда (уполномоченного органа) на рассмотрение дела.

После вынесения решения по жалобе на постановление совершаются следующие действия:

– дело об административном правонарушении возвращается направившему его суду (уполномоченному органу);

– копия решения в течение трех суток направляется: лицу, в отношении которого вынесено постановление по делу; заявителю; суду (уполномоченному органу), чье постановление по делу было обжаловано; потерпевшему — только по его просьбе.

Несмотря на создание многоступенчатой и достаточно надежной системы проверки законности и обоснованности постановлений по делам об административных правонарушениях до вступления их в законную силу, законодатель предусмотрел также возможность исправления ошибок и недостатков после вступления состоявшихся решений в законную силу.

В ст. 13.12 ПИК оАП установлены общие правила пересмотра вступившего в законную силу постановления. Так, вступившее в законную силу постановление может быть пересмотрено по жалобе лиц, указанных в ч. 1 ст. 13.1 ПИК оАП, т. е. лиц, которые обладают правом на обжалование постановления, не вступившего в законную силу, только при условии, если оно обжаловалось до его вступления в законную силу. При этом не подлежит рассмотрению жалоба, поданная по истечении 6 месяцев со дня вступления в законную силу постановления по делу. Указанный срок принесения протеста не считается пропущенным, если жалоба на вступившее в законную силу постановление подана прокурору до истечения шестимесячного срока. Прокурор может принести протест на постановление, которое не было обжаловано или опротестовано до вступления его в законную силу в установленном законом порядке, а также по истечении шестимесячного срока на обжалование в связи с наличием в действиях физического лица состава преступления в пределах срока давности привлечения к уголовной ответственности.

На практике могут возникать ситуации, когда пропуск шестимесячного срока является препятствием к обжалованию постановлений, например, в случае открытия новых обстоятельств. В рамках гражданского, хозяйственного, уголовного процессов аналогичная ситуация регулируется институтом пересмотра дела (возобновления производства по уголовному делу) по вновь открывшимся обстоятельствам.

Справочно. Ранее действовавший Кодекс Белорусской ССР об административных правонарушениях от 6 декабря 1984 года № 4048-X не закреплял таких понятий, как постановление по делу об административном правонарушении, *не вступившее в законную силу*, и постановление по делу об административном правонарушении, *вступившее в законную силу*. Тем самым, не выделяя такие два понятия, как «не вступившее в законную силу» и «вступившее в законную силу», вышеуказанный документ ограничивал лиц, в отношении которых вынесено постановление по делу об административном правонарушении, потерпевшего в сроке обжалования постановления по делам об административных правонарушениях лишь 10-дневным сроком для подачи жалобы на постановление по делу об административном правонарушении, где в случае пропуска указанного срока по неуважительной причине жалоба рассмотрению не подлежала [12].

Как указывалось ранее, в соответствии со ст. 13.12 ПИККоАП поданная по истечении шестимесячного срока жалоба рассмотрению не подлежит. При этом в ПИККоАП прямо не закреплено, подлежит ли восстановлению указанный процессуальный срок или нет. Вместе с тем ст. 13.6 ПИККоАП предусмотрено, что в случае пропуска срока на обжалование по уважительным причинам допускается подача ходатайства о восстановлении пропущенного срока. Так как ст. 13.6 ПИККоАП по хронологии следует за ст. 13.5 ПИККоАП, которая предусматривает срок на обжалование постановлений, не вступивших в законную силу, то можно предположить, что предусмотренные в ней правила относятся исключительно к восстановлению указанного срока. В указанной ситуации предусмотренный ст. 13.12 ПИККоАП шестимесячный срок действительно не восстанавливается, что вытекает из системного толкования норм ПИККоАП.

Полагаем, для решения рассматриваемого вопроса необходимо определить в ПИККоАП четкие и ясные механизмы обжалования постановлений, вступивших в законную силу. Исходя из практики, существующей на сегодня, если на стадии подачи жалобы заявлено ходатайство о восстановлении шестимесячного срока для обжалования, то суд, отказывая в ее рассмотрении по существу, как правило, указывает на истечение этого срока, трактуя его как пресекательный и не подлежащий восстановлению.

С учетом вышеизложенного имеются предпосылки для внесения соответствующих изменений в ПИККоАП в целях обеспечения полноценной реализации прав физических и юридических лиц на защиту.

Преодоление указанной проблемы возможно посредством:

- внесения в ПИККоАП полноценного института пересмотра дел по вновь открывшимся обстоятельствам;
- указания в ст. 13.12 ПИККоАП на возможность восстановления шестимесячного срока на обжалование постановления, вступившего в законную силу.

Основания для отмены постановления, вступившего в законную силу, аналогичны основаниям для отмены постановлений, не вступивших в законную силу. При этом постановление по делу, вступившее в законную силу, может быть обжаловано путем обращения:

- 1) в суд. Указанный вариант используется, если постановление ранее обжаловалось в вышестоящий орган (должностному лицу) или в исполнительный комитет;
- 2) к председателю вышестоящего суда, если постановление по делу ранее обжаловалось в суд;
- 3) в прокуратуру с просьбой принести протест. Лицо вправе обратиться к прокурору независимо от того, обжаловалось ли постановление до вступления в силу.

Суд должен рассмотреть жалобу в течение одного месяца со дня ее поступления. Если для рассмотрения жалобы необходимо истребовать дело об административном правонарушении, то срок увеличивается до одного месяца со дня поступления дела. Законодательство не предусматривает проведения судебного заседания в таком случае. По результатам рассмотрения дела суд может принять решения, аналогичные решениям, принимаемым по результатам рассмотрения жалоб на постановления по делу, не вступившие в законную силу.

Заключение. Обжалование постановления представляет собой совокупность процессуальных действий, направленных на восстановление нарушенных прав и охраняемых интересов лиц, участвующих в административном процессе, а также средство выявления и устранения недостатков в деятельности органов, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях. Стадия обжалования постановлений по делу об административных правонарушениях является факультативной, так как постановление по делу об административном правонарушении не обязательно должно быть обжаловано.

При этом сама жалоба представляет собой письменное обращение лица, в отношении которого вынесено постановление, потерпевшего, их представителей, защитника со своими возражениями на вынесенное постановление по делу об административном правонарушении. В настоящее время жалоба на постановление составляется исключительно в письменной форме. ПИКоАП не предусматривает возможности её подачи в электронной форме. В силу развития информационных технологий в последние десятилетия и в связи с глобальной цифровизацией видится целесообразным введение возможности подачи жалобы на постановление по делу об административном правонарушении в электронной форме. Указанное нововведение позволило бы обеспечить полноценную реализацию права на обжалование постановления по делу об административном правонарушении.

Список цитируемых источников

1. *Галаган, И. А.* Административная ответственность граждан СССР : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И. А. Галаган ; Ленингр. ордена Ленина гос. ун-т им. А. А. Жданова. Юрид. фак. — Л., 1959. — 19 с.
2. *Малицкий, А. Л.* Советское государственное право : (Очерки) / А. Л. Малицкий. — Харьков : Юрид. изд-во НКЮ УССР, 1926. — 319, [3] с ; 24 см.
3. Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик : принята на внеочередной седьмой сессии Верхов. Совета СССР девятого созыва 7 окт. 1977 г. — М. : Политиздат, 1977. — 127 с.
4. Конституция (Основной Закон) Белорусской Советской Социалистической Республики : принята на внеочеред. девятом съезде Верхов. Совета БССР девятого созыва 14 апр. 1978 г. : с изм. и доп., внес. Законом БССР от 27.10.1989 г. // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. — URL: https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyinae-prava-belarusi/kanstytutsyi-belarusi/konstitutsiya-1978-goda-s-izmeneniyami-i-dopolneniyami/index.php#_18 (дата обращения: 30.08.2024).
5. О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении служебных обязанностей : Указ Президиума Верхов. Совета СССР, 18 мая 1981 г. // Свод законов СССР : в 10 т. / Президиум Верхов. Совета СССР, Совет Министров СССР. — М., 1984. — Т. 2. — С. 60—64.
6. О порядке обжалования в суд неправомερных действий органов государственного управления и должностных лиц, ущемляющих права граждан : Закон СССР от 02.11.1989 г. № 719-1 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2024.
7. Декларация прав и свобод человека : принята Съездом народных депутатов СССР, 5 сент. 1991 г., № 2393-1 // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. — 1991. — № 37. — Ст. 1083.
8. *Тюрина, А. А.* Функция защиты в административно-юрисдикционном процессе : монография / А. А. Тюрина. — М. : Городец, 2009. — 128 с.
9. Административно-правовое принуждение в государственном управлении Республики Беларусь / О. И. Чуприс [и др.]. — Минск : Четыре четверти, 2018. — 834 с.
10. *Грачева, М. В.* Пересмотр постановлений и решений по делам об административных правонарушениях в судах общей юрисдикции (вопросы теории и практики) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / М. В. Грачева. — Екатеринбург, 2013. — 235 л.

11. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : 6 янв. 2021 г., № 92-3 : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 03.04.2024 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

12. Кодекс Белорусской ССР об административных правонарушениях : Закон Белорус. ССР, 6 дек. 1984 г., № 4048-X // Собрание законов Белорусской ССР, указов Президиума Верховного Совета Белорусской ССР, постановлений Совета Министров Белорусской ССР. — 1984. — № 35 (1805). — Ст. 505.

Поступила в редакцию 06.10.2024.

Репозиторий БарГУ

УДК 349.22

Л. А. Козыревская, кандидат юридических наук, доцент
Учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет»,
пр-т Партизанский, 26, 220070 Минск, Республики Беларусь

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ ФОРМЫ ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В статье анализируются перспективы перехода на электронную форму трудового договора при дистанционной работе в контексте действующего законодательства об электронном документообороте в Республике Беларусь. На основе анализа законодательных практик государств — членов ЕАЭС были выявлены некоторые проблемные вопросы в исследуемой сфере и сформулированы конкретные предложения по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: дистанционная работа; трудовой договор; дистанционный работник; электронный документ; электронная цифровая подпись.

Библиогр.: 8 назв.

L. A. Kozyrevskaya, PhD in Law, Associate Professor
Institution of Education “Belarusian State Economic University”,
26 Partizansky Ave., 220070 Minsk, the Republic of Belarus

PROSPECTS OF USING THE ELECTRONIC FORM ON ESTABLISHING LABOR RELATIONS IN THE REPUBLIC OF BELARUS

The article analyzes the prospects for the transition to an electronic form of an employment contract for remote work in the context of the current legislation on electronic document management in the Republic of Belarus. Based on the analysis of the legislative practices of the EAEU member states, some problematic issues in the field under study were identified and specific proposals for improving legislation were formulated.

Key words: remote work; employment contract; remote worker; electronic document; electronic digital signature.

Ref.: 8 titles.

Введение. Объективные изменения в социально-экономической сфере, порожденные ускоряющимся техническим прогрессом, обусловили появление и развитие гибких (нетипичных) форм занятости, в частности, дистанционной работы. Такая форма занятости, как предмет научного исследования, в последнее время приобрела популярность в отечественном и зарубежном правоведении. Однако ввиду относительно недавнего закрепления в законодательстве указанной формы реализации трудовых отношений научные публикации преимущественно посвящены общим вопросам организации дистанционной работы, её специфике и отличиям от иных форм, например, надомной работы. Отдельные аспекты отношений, возникающих в сфере дистанционной занятости, рассматриваются, как правило, в контексте общих проблем, что не даёт возможности провести их детальный анализ. Так, взаимодействие между работником и нанимателем, порядок обмена значимой информацией и формы закрепления этой информации получили весьма ограниченную нормативную регламентацию в Республике Беларусь. А между тем данный аспект трудовых отношений непосредственно влияет на возникновение, прекращение трудовых отношений, возможность реализации и защиты прав как работника, так и нанимателя.

В публикациях белорусских авторов неоднократно указывалось на существующее в Трудовом кодексе Республики Беларусь противоречие между сущностью и целью дистанционной работы, с одной стороны, и требованием лично заключать трудовой договор —

с другой [1, с. 201; 2, с. 191]. При этом подробно не исследовались возможности введения альтернативной формы заключения трудового договора как комплексной проблемы электронного документооборота. Общие подходы к электронному документообороту применительно к трудовому праву рассматривались в работе Я. В. Симутиной [3], но автор с учетом темы публикации не изучал специфику дистанционной работы в заявленном аспекте. Опыт перехода на дистанционную форму работы в период пандемии COVID-19 в Российской Федерации позволил выявить отдельные проблемы в сфере электронного документооборота и иных форм коммуникации между работником и нанимателем [4, с. 7—8], которые по большей части характерны и для Беларуси. Для разрешения этих проблем, повышения эффективности правового регулирования сферы дистанционной занятости следует определить базовые теоретические положения, отвечающие сегодняшнему уровню развития технических возможностей, с одной стороны, и состоянию социума — с другой, что, в свою очередь, предполагает анализ средств и форм взаимодействия работника и нанимателя в контексте их правового нормирования.

Методология и методы исследования. В предлагаемой работе методами сравнительно-правового и комплексного межотраслевого анализа исследован вопрос взаимодействия работника и нанимателя при дистанционном способе реализации трудовых функций. Теоретическую основу публикации составили труды отечественных и зарубежных авторов: Я. В. Симутиной, К. Л. Томашевского, Е. В. Чичиной, И. В. Шоломицкой и др.

Результаты исследования и их обсуждение. Трудовой договор, устанавливающий дистанционные трудовые отношения, согласно ч. 1 ст. 307² Трудового кодекса Республики Беларусь, заключается только при личном присутствии такого работника. Как уже было отмечено, в литературе широко распространена критика такого законодательного решения. В обоснование своей позиции авторы указывают, в частности, на то, что «законодательство о дистанционной работе не содержит в себе прямого запрета для работника выполнять работу», находясь за пределами Республики Беларусь [5, с. 642], а значит, требование о личном характере заключения названного договора создаст значительные трудности для кандидата на соответствующую должность или вообще сделает невозможным его заключение.

В условиях усиливающейся трансграничной трудовой миграции и возрастания дефицита высококвалифицированных специалистов такое законодательное решение, действительно, не вполне отвечает запросам настоящего этапа социально-экономического развития. Так, в Российской Федерации в соответствии с ч. 1 ст. 312.2 Трудового кодекса Российской Федерации (в редакции от 06.04.2024) трудовой договор с дистанционным работником может быть заключен путем обмена электронными документами. В Республике Казахстан порядок и форма заключения трудового договора о дистанционной работе в особом порядке не регулируются. Однако общая норма ст. 33 Трудового кодекса Республики Казахстан (в редакции от 16.06.2024) устанавливает, что заключение трудового договора, его изменение и дополнение могут проводиться в форме электронного документа, удостоверенного посредством электронной цифровой подписи. Иными словами, казахский законодатель допускает заключение трудового договора с использованием современных информационно-коммуникационных систем вне зависимости от формы реализации трудовых функций, т. е. даже в традиционных формах, предполагающих присутствие работника на рабочем месте. Оценивая зарубежный опыт, белорусские правоведа предлагают заимствовать его в части электронного способа заключения трудового договора с дистанционными работниками [1, с. 201]. В этой связи необходимо оценить возможность электронного способа заключения трудового договора в контексте не только трудового, но и специального законодательства об информатизации, а также выявить потенциально проблемные аспекты в этой сфере.

Анализируя возможности электронного документооборота применительно к трудовым отношениям в свете западноевропейских традиций, Я. В. Симутина выделила критически значимые вопросы, которые должны получить нормативное разрешение при использовании

электронных трудовых договоров. В частности, указанный автор обращает внимание, во-первых, на необходимость обеспечения идентичности и верификации сторон такого соглашения, во-вторых, следует создать систему электронного архивирования и хранения этих договоров, а также сформировать соответствующую инфраструктуру, в-третьих, нужно законодательно разрешить вопрос об электронных доказательствах, т. е. гарантировать возможность разрешения трудовых споров с представлением электронного трудового договора и признания за ним необходимой доказательственной силы [3, с. 24]. Представляется, что указанные аспекты рассматриваемой проблемы могут быть использованы как исходная точка анализа перспектив включения электронного трудового договора в правовое поле Республики Беларусь.

Поскольку трудовой договор с позиций его формы является документом, а соответственно, электронный договор — электронным документом, то практические перспективы его использования могут быть оценены на основании Закона Республики Беларусь от 28.12.2009 № 113-З «Об электронном документе и электронной цифровой подписи», в соответствии с которым (ст. 1, 17) такой документ должен иметь реквизиты, позволяющие установить его целостность и подлинность, которые подтверждаются путем применения сертифицированных средств электронной цифровой подписи с использованием при проверке электронной цифровой подписи открытых ключей организации или физического лица (лиц), подписавших этот электронный документ, а также штамп времени создания такого документа. А в силу ст. 22 названного закона электронный документ приравнивается к документу на бумажном носителе, подписанному собственноручно, и имеет с ним одинаковую юридическую силу. Стоит также отметить, что в Законе Республики Беларусь «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» в качестве владельцев электронной цифровой подписи указываются не только юридические, но и физические лица (ст. 25), причем вне связи со специальным правовым статусом последних, например, индивидуального предпринимателя. Иными словами, любой гражданин может получить личный ключ. Данная норма косвенным образом коррелирует с положениями ч. 5 ст. 307¹ Трудового кодекса Республики Беларусь, допускающей обмен между работником и нанимателем электронными документами. Иными словами, в Беларуси существует необходимая правовая база, процедурно обеспечивающая возможность заключения трудового договора дистанционно.

Однако имеется проблема финансового характера — расходы по получению электронной цифровой подписи. Например, в текущем году стоимость услуг Национального центра электронных услуг в большинстве случаев превышает, а иногда значительно, 100 рублей [6] и зависит от срока и носителя кода, составляющего собственно электронную цифровую подпись. Поскольку физическое лицо — претендент на соответствующую должность при заключении трудового договора дистанционно уже должен обладать такой подписью, то, очевидно, расходы по генерации, а также приобретению сертификата открытого ключа ложатся на это лицо. В условиях настоящего уровня развития электронных услуг, думается, нельзя накладывать соответствующую обязанность на гражданина, поэтому возможность дистанционного заключения трудового договора должна вводиться диспозитивной нормой, допускающей заключение трудового договора в виде электронного документа по желанию работника. Что касается заданий или иной информации, необходимой для выполнения работником трудовых функций, а также приказов и иных сообщений нанимателя, в том числе относительно продления, изменения или прекращения трудового договора, то они, как уже было отмечено, могут иметь форму электронного документа в соответствии с условиями заключенного трудового договора или локальных правовых актов (ст. 307¹ Трудового кодекса Республики Беларусь). Соответственно, логичным было бы в императивной форме возложить на нанимателя обязанности, связанные с получением атрибутивного сертификата (ст. 26¹ Закона Республики Беларусь «Об электронном документе и электронной цифровой подписи»), и расходы по продлению действия электронной цифровой подписи работника.

Еще одна потенциальная проблема связана с возможностью привлечения работников из-за рубежа. В различных государствах применяются национальные правовые режимы в сфере

создания и использования электронной цифровой подписи. Например, в Российской Федерации различаются два типа электронных документов: 1) подписанных квалифицированной электронной подписью; 2) подписанных простой электронной подписью (ст. 6 Федерального закона «Об электронной подписи»). В указанном российском законе содержится целый ряд дополнительных императивных требований относительно квалифицированной электронной подписи, что, с одной стороны, даёт возможность использования электронных документов в так называемых открытых сетях и гарантирует высокую степень защищенности информации и доверие контрагента, с другой — существенно затрудняет документооборот, поскольку требует согласования на международном уровне системы признания квалифицированных сертификатов.

Согласно Закону Республики Казахстан «Об электронном документе и электронной цифровой подписи», электронным документом признаётся документ, в котором информация представлена в электронно-цифровой форме и удостоверена посредством электронной подписи, представляющей собой набор электронных цифровых символов, созданных средствами электронной цифровой подписи, и подтверждающей достоверность электронного документа, его принадлежность и неизменность его содержания (ст. 1). Иностранная электронная цифровая подпись, имеющая иностранное регистрационное свидетельство, признаётся в Республике Казахстан, если удостоверена иностранной электронной цифровой подписью доверенной третьей стороной Республики Казахстан, или лицо, подписавшее электронный документ, правомерно владеет закрытым ключом иностранной электронной цифровой подписи, при этом иностранная электронная цифровая подпись используется в соответствии со сведениями, указанными в регистрационном свидетельстве. Кроме того, иностранная цифровая подпись может признаваться в Казахстане, если она сформирована средствами электронной цифровой подписи иностранного удостоверяющего центра, зарегистрированного в доверенной третьей стороне Республики Казахстан, или иностранного удостоверяющего центра, зарегистрированного в доверенной третьей стороне иностранного государства, зарегистрированного в доверенной третьей стороне Республики Казахстан.

В Беларуси электронный документ будет признан при условии, что иностранный сертификат открытого ключа, изданный в иностранном государстве, признаётся на территории Республики Беларусь на основании соответствующего международного договора или путем установления доверия к нему доверенной третьей стороной, которая определяется решением Президента Республики Беларусь. В настоящее время действует несколько подобных соглашений, заключенных в рамках ЕАЭС, но все они отличаются узко специальным предметом регулирования, например, решение Совета Евразийской экономической комиссии «О взаимном признании электронной цифровой подписи, изготовленной в соответствии с законодательством одного государства — члена Таможенного союза и Единого экономического пространства (Республики Беларусь или Российской Федерации), другим государством — членом Таможенного союза и Единого экономического пространства (Республики Беларусь или Российской Федерации) в целях исполнения Соглашения о государственных (муниципальных) закупках». Модельный закон (носит рекомендательный характер) СНГ от 9 декабря 2000 года «Об электронной цифровой подписи» признаёт юридическую силу свидетельств на электронную цифровую подпись, выданных исключительно странами — членами СНГ или странами, с которыми заключен договор о взаимном признании таких свидетельств. Таким образом, в настоящее время электронная подпись, полученная за пределами Беларуси, согласно иностранному законодательству может быть признана на уровне отдельного нанимателя, но не получит публичного признания, соответственно, не обеспечивается и государственная защита отношений, возникших на основании подобного электронного документа.

Понятие трудового договора является сложным и многоаспектным. В частности, в диссертационной работе И. С. Якимовой подчеркивается публично-правовая природа указанного акта, который определяется как соглашение, «несущее в себе черты взаимодействия между работником и работодателем по вопросу регулирования частично не совпадающих интересов, с одной стороны, а с другой — активно регулируется и охраняется таким общественным

правовым институтом как государство» [7, с. 10]. Роль государства, как субъекта регулирования трудовых отношений через определение нормативным путем содержания трудового договора и применение в том числе государственного принуждения для сохранения устойчивости и исполнимости соответствующих закону условий данного соглашения, обоснована в диссертационном исследовании Л. В. Щур-Труханович [8, с. 8]. Иными словами, и в юридической, и в экономической науке признаётся нормативное значение трудового договора, соответственно, выполнять функцию регулирования индивидуальных трудовых отношений данный акт может только при условии его публичной достоверности. Применительно к трудовому договору в форме электронного документа публичная достоверность означает невозможность внесения в него изменений в одностороннем порядке как со стороны нанимателя, так и со стороны работника. Таким образом, подлинность такого акта может быть обеспечена путем незамедлительной передачи его после подписания на хранение в независимый архив, а также путем обмена сообщениями между нанимателем и потенциальным работником на специальной информационной платформе. В Беларуси созданы технико-юридические условия для электронного документооборота в организациях вне зависимости от формы собственности и ведомственной подчиненности последних (Методические рекомендации по организации работы с документами в электронном виде в организациях Республики Беларусь, утвержденные приказом директора Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь от 01.03.2010 № 11), а также взаимодействия государственных органов с гражданами (закон от 18.07.2011 № 300-З «Об обращениях граждан и юридических лиц»). Однако созданные на базе указанных нормативных правовых актов ресурсы не отвечают специфике и порядку заключения трудового договора в дистанционном порядке.

Заключение. Сущность и специфика дистанционной работы естественным образом предполагают возможность заключения трудового договора в форме электронного документа, для чего следовало бы изложить ч. 1 ст. 307¹ Трудового кодекса Республики Беларусь в следующей редакции: «Заключение трудового договора с работником, выполняющим дистанционную работу, допускается по желанию работника путем обмена между работником (лицом, поступающим на работу) и нанимателем электронными документами в порядке, предусмотренном законодательством об информатизации и электронном документообороте.»

Для обеспечения и защиты прав работника следует дополнить ч. 1 ст. 307¹ Трудового кодекса Республики Беларусь предложением: «Расходы по получению и продлению электронной подписи работником в период действия трудового договора несет наниматель.»

Для реализации предложения о переходе на электронную форму трудового договора необходимо внести комплексные изменения, отвечающие сущности и специфике трудового договора, в законодательство, регулирующее электронный документооборот.

Список цитируемых источников

1. Башкова, П. В. Правовое регулирование дистанционной работы в Республике Беларусь / П. В. Башкова // Трансформация механизма государства в период становления и развития инновационного электронного государства : сб. ст. Междунар. круглого стола, Минск, 27 окт. 2023 г. / М-во образования Респ. Беларусь ; Белорус. гос. экон. ун-т ; редкол.: О. В. Бодакова [и др.]. — Минск : БГЭУ, 2024. — С. 199—203.

2. Томашевский, К. Л. Регулирование дистанционного труда: в ожидании изменений в трудовой кодекс Беларуси / К. Л. Томашевский // Традиции и инновации в праве : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию юрид. фак. и 50-летию Полоц. гос. ун-та, Новополоцк, 6—7 окт. 2017 г. : в 3 т. / Полоц. гос. ун-т, Регион. учеб.-науч.-практ. юрид. центр ; редкол.: И. В. Вегера (отв. ред.) [и др.]. — Новополоцк, 2017. — Т. 2. — С. 190—193.

3. Симутина, Я. В. Электронный документооборот в трудовых отношениях: проблемы теории и практики / Я. В. Симутина // Трудовое и социальное право. — 2018. — № 3. — С. 20—27.

4. Волошина, И. А. Актуальные вопросы дистанционной работы / И. А. Волошина, И. И. Баргоякова, Т. Р. Новикова // Справочник Росминтруда — URL: <https://spravochnik.rosmintrud.ru/storage/app/media/Dictantsionnaya%20rabota.pdf> (дата публикации: 18.03.2024).

5. Шоломицкая, И. В. Проблемные вопросы правового регулирования дистанционных трудовых отношений / И. В. Шоломицкая // Научные труды Белорусского государственного экономического университета ; редкол.: А. В. Егоров (гл. ред.) и [др.]. — Минск : БГЭУ, 2022. — Вып. 15. — С. 640—646.

6. Прейскурант № 6.3.2024 тарифов на услуги, оказываемые республиканским удостоверяющим центром республиканского унитарного предприятия «Национальный центр электронных услуг» физическим лицам. — URL: <https://docviewer.yandex.by/view/36715626> (дата публикации: 01.02.2024).

7. Якимова, И. С. Правовая природа и сущность современного трудового договора : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / Якимова Ирина Сергеевна ; Акад. труда и соц. отношений. — М., 2010. — 28 с.

8. Щур-Труханович, Л. В. Трудовой договор в системе организации труда : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Щур-Труханович Лилия Васильевна ; Науч.-исслед. ин-т труда и соц. страхования. — М., 2005. — 28 с.

Поступила в редакцию 26.07.2024.

Репозиторий БарГУ

УДК 342.7

Т. Н. Кузьменкова

Учреждение образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова»,
ул. Космонавтов, 1, 212022 Могилев, Республика Беларусь, +375 (22) 271 29 74, kuzmenkova@msu.by

НАЦИОНАЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ В СФЕРЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА КАК ОСНОВА ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ

В статье исследуется проблематика правового сопровождения защиты личности от угроз и вызовов в информационной среде. Тема раскрывается во взаимосвязи с идеей прав человека и ее интерпретацией сквозь призму национальных интересов. Обозначены направления преодоления проблемных аспектов в контексте создания национальной модели прав человека в рамках регионального сотрудничества (Союзного государства Беларуси и России), которая бы отразила специфику региона, учитывая его культурно-исторические, ценностно-мировоззренческие особенности, национальные интересы государств-участников.

Ключевые слова: деструктивное информационное воздействие; информационная безопасность личности; национальные интересы; права человека; региональная модель прав человека.

Библиогр.: 13 назв.

T. N. Kuzmenkova

Institution of Education "Mogilev State A. Kuleshov University", 1 Kosmonavtov Str., 212022 Mogilev,
the Republic of Belarus, +375 (22) 271 29 74, kuzmenkova@msu.by

NATIONAL STANDARDS IN THE FIELD OF HUMAN RIGHTS AS THE BASIS FOR PERSONAL INFORMATION SECURITY

The article investigates the problem of legal support for the protection of the individual from threats and challenges in the information environment. The theme is revealed in interrelation with the idea of human rights and its interpretation through the prism of national interests. The directions of overcoming problematic aspects in the context of creating a national model of human rights within the framework of regional cooperation (the Union State of Belarus and Russia), which would reflect the specifics of the region, taking into account its cultural-historical, value and attitudinal peculiarities, and national interests of the participating states, are outlined.

Key words: destructive information impact; personal information security; national interests; human rights; regional model of human rights.

Ref.: 13 titles.

Введение. Состояние защищенности сбалансированных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз в информационной сфере (информационная безопасность) [1] выступает на сегодня неотъемлемым элементом национальной безопасности. Поскольку конечным потребителем информации выступает индивид, первичное звено в общей системе информационной безопасности составляет информационная безопасность личности. Вместе с тем данная категория недостаточно проработана как в юридической науке, так и в законодательстве.

По мнению автора, информационная безопасность личности вытекает из ее конституционно-правового статуса и может выступать как гарантия реализации отдельных прав и свобод, основание ограничения отдельных прав и свобод, а также выражена в виде права на безопасность в информационной сфере. Юридическое сопровождение информационной безопасности личности будет связано с необходимостью установления в том числе неюридических (вытекающих из иных социальных регуляторов) критериев и ориентиров, и, поскольку рассматриваемая категория опосредуется сферой прав человека, разрешать возникающие проблемные аспекты возможно лишь сквозь призму разрешения проблематики теории прав человека.

Цель исследования: раскрытие проблематики правового сопровождения категории «информационная безопасность личности», поиск направлений ее преодоления в контексте создания национальной (региональной) модели прав человека.

Объектом исследования выступает государственно-правовой механизм обеспечения информационной безопасности личности, предметом исследования — информационная безопасность личности сквозь призму проблемы универсальности прав человека.

Методология и методы исследования. В ходе исследования были использованы следующие методы: анализ, синтез, формально-логический, системно-структурный, сравнительно-правовой, метод юридического моделирования. Информационной базой послужили труды современных и дореволюционных отечественных ученых, нормативно-правовые акты в сфере конституционно-правового статуса личности.

Результаты исследования и их обсуждение. С учетом состояния современной геополитической реальности информационная безопасность выступает одной из наиболее актуальных сфер в любом государстве. В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной решением Всебелорусского народного собрания 25.04.2024 № 5, информационная безопасность определяется как состояние защищенности информационного пространства, информационной инфраструктуры и информационных ресурсов от внешних и внутренних угроз в информационной сфере [2]. Акцент в данном понятии смещен в сторону государственных интересов. Вместе с тем понятие информационной безопасности можно преломлять сквозь призму интересов отдельной личности (подобная тема развивается в трудах исследователей Т. Д. Логинова, А. А. Чеботарева).

Информационная безопасность личности охватывается ее конституционно-правовым статусом и выражается в праве человека на безопасность в информационной сфере, которое, по мнению автора, является комплексным понятием, включающим в себя право на кибербезопасность, право на защиту персональных данных и иной личной информации, право на защиту от деструктивного информационного воздействия [3, с. 100].

Наиболее сложным с точки зрения законодательного сопровождения выступает право на защиту от деструктивного информационного воздействия, что обусловлено необходимостью выделения соответствующих оценочных критериев, в частности, критериев отнесения информации к вредоносной (деструктивной). Анализ текущего законодательства в Республике Беларусь показывает, что в качестве таковой признается информация, направленная на разжигание расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни (ст. 130 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК)), реабилитацию нацизма (ст. 130¹ УК), пропаганду самоубийства (ст. 342¹ УК), информация, связанная с распространением порнографических материалов (ст. 343 УК) [4]. В соответствии со ст. 38 Закона Республики Беларусь «О средствах массовой информации» в средствах массовой информации, на интернет-ресурсах запрещено распространение сведений, пропагандирующих потребление наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов; информации о способах изготовления взрывных устройств и взрывчатых веществ; ненадлежащей рекламы; информации, направленной на пропаганду войны, экстремистской деятельности или содержащей призывы к такой деятельности, порнографии, насилия и жестокости, в том числе пропагандирующей или побуждающей к самоубийству [5]. В Законе Республики Беларусь «О правах ребенка» (ст. 37¹) закреплён перечень информации, относящейся к причиняющей вред здоровью и развитию детей [6].

Вместе с тем с учетом глобализации информационного пространства национальное законодательство на сегодня не способно в полной мере регулировать процессы распространения и потребления информации. Современные информационные технологии в принципе могут сводить на нет границы действия национального законодательства. Это относится прежде всего к спутниковому вещанию и информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Установление стандартов допустимости распространения той или иной информации в глобальном информационном пространстве практически не реализуемо по причине неоднозначной оценки различными государствами самого информационного контента. То, что для одного общества является нормой, может составлять угрозу информационной безопасности личности в другом. Так, достаточно неоднозначными выступают сферы (и их информационное сопровождение) легализации проституции и употребления наркотических средств, аборт, прав ЛГБТ, интерпретации исторических событий и др.

Таким образом, противодействие негативному информационному воздействию на личность целесообразно осуществлять путем создания целостного национально-организационно-правового механизма обеспечения информационной безопасности личности. Основой данного механизма должна стать система критериев оценки допустимости информационного воздействия на личность, которая, в свою очередь, должна соответствовать национальным интересам государства. Поскольку большинство освещаемых в глобальном информационном пространстве тем непосредственно пресекаются со сферой прав человека и вытекающими из нее ценностно-мировоззренческими аспектами, установление каких-либо стандартов в информационном пространстве невозможно без установления соответствующих стандартов в сфере прав человека. Иными словами, механизм защиты личности от деструктивного информационного воздействия должен основываться на определенной модели прав человека.

Несмотря на то, что развитие идеи прав человека в условиях протекающих процессов глобализации привело к закреплению так называемых международных стандартов, степень принятия самой идеи прав человека, перечень прав и свобод и тот смысл, который в них заложен, в различных государствах не одинаков. Существует проблема универсальности концепции прав человека, обусловленная конкуренцией мировоззрений.

Так, для большинства исламских государств характерно противопоставление прав человека в либеральной интерпретации и религиозных ценностей. «Исламская мысль связывает границы свободы, прежде всего, с императивными нормами (главным образом, с запретами) шариата, а значит — с религиозными критериями. Причем эти рамки со стороны могут казаться посягательством на права и свободы человека, но ислам их воспринимает как высшую, Божественную, справедливость. Именно справедливость, а не свобода, равенство или достоинство рассматривается исламом в качестве центральной категории концепции прав человека. Такой подход пронизывает всю эту концепцию, даже когда она формально соглашается с либеральной оценкой прав человека» [7]. В тексте Всеобщей исламской декларации прав человека 1981 года напрямую закреплено, что она основана на Коране и Сунне, а источником всех прав человека является Всевышний [8].

Концепция прав человека преломляется и сквозь призму православия. В 2008 году Архиерейским собором Русской православной церкви были приняты Основы учения Русской православной церкви о достоинстве, свободе и правах человека, завершившие «достаточно длительное осмысление феномена прав человека с позиции Православия. ...Основы, с одной стороны, в сжатом, концентрированном виде содержат христианскую антропологию, а также оценивают идею прав человека, которая сама выступает в виде оценочного феномена по отношению ко всем событиям социального бытия индивида» [9, с. 144]. Недопустимым и опасным признается истолкование прав человека «как высшего и универсального основания общественной жизни, которому должны подчиняться религиозные взгляды и практика...», поскольку «права человека не могут быть выше ценностей духовного мира» [10]. Действия, направленные на соблюдение прав человека, совершенствование общественных и экономических отношений и институций, не должны игнорировать духовные и культурные традиции стран и народов [10].

По мнению С. А. Калинина, «двойственный характер прав человека обусловлен глобальным конфликтом ценностей. С одной стороны, права человека являются средством разрушения традиционной естественной морали, орудием навязывания чуждых цивилизационных стандартов. С другой стороны, права человека являются реальным средством защиты человека от всевластия современного государства» [9, с. 156]. При этом «дуализм отношений к концепции прав человека вызван тем, что, несмотря на ощущение ее, несомненно, общеевропейских

христианских корней, Востоку жестко и безапелляционно навязывается именно западная трактовка идеи, во многом основанная на принципах либерализма, индивидуализма и релятивизма ценностей. Государства Восточной Европы, в основном, не могут принять такую трактовку принципов, конфликтующую с собственным мировоззрением, а также методы “убеждения” в правильности данной идеи» [9, с. 149].

В юридической науке предлагаются различные варианты преодоления проблемных аспектов в области прав человека. Достаточно популярной (чего придерживается и автор настоящего исследования) выступает идея о развитии отдельными культурными общностями локальных стандартов в сфере прав человека, основанных на собственной антропологии и аксиологии с учетом национальных интересов, а также особенностей всех сфер государственной и общественной жизни. Данная идея вытекает из мнения о невозможности существования «...права вообще, универсально пригодного для любых сообществ. Поскольку право заимствует свое содержание из иных социальных систем (экономика, политика и т. д.), обеспечивая их надлежащее функционирование, либо социальных регуляторов... Любое регулирование основывается на внешних по отношению к праву ценностях и интересах, присущих личности, обществу и государству, и направлено на обеспечение их соотношения, иерархии и определения приоритетности защиты» [9, с. 149].

Отдельные исследователи поднимают вопрос о необходимости сохранения специфики восточнославянской цивилизации, в том числе в контексте сферы прав человека. Так, по мнению доктора философских наук, профессора О. А. Романова, «восточнославянская цивилизация сможет выполнить стоящую перед ней всемирно-историческую задачу лишь при условии сохранения своей идентичности. Ее модернизация и достижение краткосрочных и перспективных целей требует воплощения в жизнь ряда ценностей и их синтеза, объединения в четко осознаваемую и ясно выражаемую идеологию. К числу этих ценностей относятся социальная справедливость, всеобщая ответственность как доминанта общественной жизни, патриотизм, права личности в той мере, в которой они не подрывают и не ущемляют общих прав» [11].

Сходное мнение (об особом пути развития славянских народов) высказывалось еще русским социологом и ученым-естествоиспытателем Н. Я. Данилевским, одним из основоположников цивилизационного подхода к развитию общества, который в своем произведении «Россия и Европа» указывает на невозможность всечеловеческой цивилизации [12, с. 160] и выделяет культурно-исторические типы как «самостоятельные, своеобразные планы религиозного, социального, бытового, промышленного, политического, научного, художественного... развития» [12, с. 110]. Развивая идею славянского культурно-исторического типа, Н. Я. Данилевский настаивал, что Всеславянский союз во главе с Россией должен представлять особую, самостоятельную политическую систему государств, служа противовесом Европе во всей ее общности и целостности [12, с. 524].

По мнению автора, применительно к Республике Беларусь проблема универсальности концепции прав человека должна решаться с учетом национальной специфики развития и национальных интересов в соответствии с уже взятыми на себя государством обязательствами в области прав человека. Противодействие чуждым с точки зрения идеологических основ национальных интересов и особенностей развития государства и права тенденциям в сфере прав человека может осуществляться посредством закрепления в отдельном документе национальной модели прав человека либо закрепления модели прав человека в системе регионального взаимодействия. Наиболее приемлемым, на наш взгляд, с учетом уже проходящих в ряде сфер интеграционных процессов, общности исторических, идеологических, религиозных, геополитических факторов является разработка Концепции прав человека Союзного государства Беларуси и России.

Именно Концепция прав человека Союзного государства Беларуси и России может стать юридическим документом, определяющим в том числе неюридические (основанные на историко-культурных и ценностно-мировоззренческих факторах) критерии развития сферы прав человека в регионе и выступить основой для соответствующего развития законода-

тельства. Сущность принимаемого документа не будет противоречить уже принятым обязательствам по защите прав человека и основных свобод. Кроме того, данный документ будет соответствовать Концепции безопасности Союзного государства Беларуси и России, работа над проектом которой уже завершена [13].

Цель предлагаемой концепции — юридическое закрепление региональной модели прав человека как совокупности официальных взглядов на идею прав человека, отражающих специфику региона с учетом его исторических, ценностно-мировоззренческих, идеологических особенностей, национальных интересов, тем самым определяющих вектор развития сферы прав человека и ее реализацию в законодательстве союзных государств.

Задачи предлагаемого документа:

- формирование совокупности официальных взглядов на идею прав человека и ее реализацию в законодательстве союзных государств;
- сближение законодательства Беларуси и России, определение единых подходов к формированию и реализации политики Союзного государства в сфере прав человека;
- противодействие отдельным негативным тенденциям развития сферы прав человека, противоречащим национальным интересам, идеологическим основам и духовным традициям государств-участников;
- установление ориентиров развития иных сфер, определяемых сферой прав человека, в том числе сферы информационной безопасности личности.

По мнению автора, структура документа должна включать следующие элементы:

- цель, задачи и принципы концепции;
- оценку современного состояния реализации идеи прав человека в государствах Беларуси и России (положительные и отрицательные моменты);
- права человека и интересы Союзного государства, национальные интересы государств-участников;
- теоретико-правовые и ценностно-мировоззренческие основы региональной модели прав человека Союзного государства Беларуси и России;
- перечень и содержание ключевых прав и свобод, в том числе права личности на безопасность в информационной сфере;
- угрозы и вызовы региональной модели прав человека, пути противодействия;
- механизм реализации региональной модели прав человека в законодательстве союзных государств;
- приоритетные направления развития сферы прав человека в Союзном государстве;
- прогнозируемые результаты реализации концепции.

Значение данного документа будет заключаться в консолидации усилий и ресурсов государств — участников Союзного государства Беларуси и России по защите и реализации национальных интересов в различных сферах, опосредованных сферой прав человека (например, социальная, информационная, демографическая). Модель прав человека, закрепленная в концепции, будет отражать специфику региона прежде всего в аксиологическом контексте, что приведет к более тесному взаимодействию права и иных социальных регуляторов, а также повлечет за собой изменение самой трактовки идеи прав человека: смещение акцента с принципов либерализма и индивидуализма в сторону баланса интересов личности общества и государства. Кроме того, концепция станет основой дальнейшего самобытного развития идеи прав человека и ее отражения в законодательстве союзных государств.

Особое значение национальная (региональная) модель прав человека будет иметь для правового сопровождения информационной безопасности личности, что отразится в закреплении понятия «право на безопасность в информационной сфере» и формировании основы для установления критериев вредоносного характера информации, а также в целом критериев деструктивного информационного воздействия.

Заключение. Информационная безопасность личности как состояние ее защищенности от угроз и вызовов в информационной сфере является недостаточно проработанной с точки зрения юридического сопровождения категорией. Вместе с тем именно ее следует рассматривать в качестве первичного элемента общей системы информационной безопасности Республики Беларусь.

Целостное развитие понятия и содержания информационной безопасности личности возможно лишь в привязке к существующим в обществе ценностно-мировоззренческим аспектам, в тесной взаимосвязи с национальными интересами и сферой прав человека.

Разработка Концепции прав человека Союзного государства Беларуси и России будет способствовать укреплению сотрудничества двух государств, консолидации их усилий и ресурсов по защите и реализации национальных интересов посредством закрепления региональной модели прав человека. Концепция может стать юридическим документом, определяющим в том числе неюридические (основанные на моральных и религиозных нормах, ценностных ориентирах народов, национальных интересах) критерии развития сферы прав человека в регионе, и тем самым послужить основой для законодательного сопровождения информационной безопасности личности в Республике Беларусь.

Список цитируемых источников

1. Концепция информационной безопасности Республики Беларусь : утв. постановлением Совета Безопасности Респ. Беларусь от 18.03.2019 № 1 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.
2. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь : решение Всебелорус. нар. собр. от 25 апр. 2024 г. № 5 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.
3. Кузьменкова, Т. Н. Право на безопасность в информационной сфере в системе прав и свобод человека / Т. Н. Кузьменкова // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Серыя D, Эканоміка, сацыялогія, права. — 2022. — № 2 (60). — С. 97—103.
4. Уголовный кодекс Республики Беларусь : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. от 8 июля 2024 г. № 22-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.
5. О средствах массовой информации : Закон Респ. Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 30 июня 2023 г. № 274-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.
6. О правах ребенка : Закон Респ. Беларусь от 19 нояб. 1993 г. № 2570-XII : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.05.2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.
7. Сюкияйнен, Л. Р. Современные религиозные концепции прав человека: сопоставление теологического и юридического подходов / Л. Р. Сюкияйнен // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2012. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-religioznye-kontseptsii-prav-cheloveka-sopostavlenie-teologicheskogo-i-yuridicheskogo-podhodov-1/viewer> (дата обращения: 04.06.2024).
8. Всеобщая исламская декларация прав человека. — URL: <https://www.worldislamlaw.ru/?p=2671> (дата обращения: 15.06.2024).
9. Калинин, С. А. Права человека в контексте глобального конфликта ценностей / С. А. Калинин // Право и глобализация: вопросы теории и истории : тр. Междунар. науч.-теорет. конф., Санкт-Петербург, 28 нояб. 2008 г. / сост.: С. В. Волкова, Н. И. Малышева ; под общ. ред. Д. И. Луковской. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. — С. 143—157.
10. Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека. — URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/428616.html> (дата обращения: 15.06.2024).
11. Романов о составляющих белорусской национальной идеи: это наш проект развития страны. — URL: <https://www.sb.by/articles/nashe-mesto-v-mire.html> (дата обращения: 15.03.2024).
12. Данилевский, Н. Россия и Европа / Н. Данилевский. — СПб. : Азбука, 2023. — 672 с.
13. Завершена совместная работа над проектом Концепции безопасности Союзного государства. — URL: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2024/august/78424/> (дата обращения: 15.08.2024).

Поступила в редакцию 28.10.2024.

УДК 346

И. П. Манкевич, кандидат юридических наук, доцент
Учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет»,
пр-т Партизанский, 26, 220070 Минск, Республика Беларусь, unibel@mail.ru

ЭКСПЕРТИЗА В СФЕРЕ ЦИФРОВОГО РАЗВИТИЯ: ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ

Статья посвящена одному из правовых инструментов, обеспечивающих выбор перспективных мероприятий и проектов, требующих финансовой поддержки, — экспертизе в сфере цифрового развития. Особое внимание уделяется таким правовым аспектам исследуемого вида экспертизы, как понятие, принципы, объекты, субъекты, порядок ее проведения. В статье дается авторское определение экспертизы в сфере цифрового развития.

Ключевые слова: экспертиза; инновационная деятельность; цифровизация; правовое регулирование.

Библиогр.: 10 назв.

I. P. Mankevich, PhD in Law, Associate Professor
Institution of Education “Belarus State Economic University”, 26 Partizansky Ave.,
220070 Minsk, the Republic of Belarus, unibel@mail.ru

EXPERTISE IN THE FIELD OF DIGITAL DEVELOPMENT: LEGAL AND ORGANIZATIONAL ASPECTS

The article is devoted to one of the legal instruments that ensure the selection of promising events and projects requiring financial support — expertise in the field of digital development. Particular attention is paid to such legal aspects of the type of expertise under study as the concept, principles, objects, subjects, and procedure for its implementation. The article provides the author’s definition of expertise in the field of digital development.

Key words: expertise; innovation; digitalization; legal regulation.

Ref.: 10 titles.

Введение. Стремительное развитие цифровых инновационных технологий требует проработки правовой составляющей всех аспектов складывающихся отношений. В настоящее время идет активное переосмысление существующих представлений о развитии общества и построение новых моделей, обусловленных цифровой трансформацией. Одной из таких инновационных моделей является модель, основанная на экспертных оценках, т. е. на оценках людей, обладающих определенными компетенциями, — экспертиза в сфере цифрового развития (далее — экспертиза). Экспертиза развивается в Республике Беларусь с 2023 года и является одним из неотъемлемых инфраструктурных элементов цифровизации, проведение которой способствует решению задачи по внедрению цифровых инноваций в отрасли национальной экономики, предусмотренной Государственной программой «Цифровое развитие Беларуси» на 2021—2025 годы, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь 2 февраля 2021 года № 66 [1].

Материалы и методы исследования. Современные научные представления о правовом регулировании общественных отношений в условиях цифровизации, а также научные труды отечественных и зарубежных ученых, отдельные исследования которых посвящены проблематике правового регулирования общественных отношений в условиях цифрового развития, легли в основу статьи. Среди них можно отметить работы Г. А. Василевича [2], Н. Л. Бондаренко, В. С. Каменкова [3], Н. С. Минько [4], Н. В. Мамитовой [5]. В процессе работы использованы методы: анализа, формально-логический, системно-структурный, формально-юридический и др.

Результаты исследования и их обсуждение. В работе рассмотрены правовые и организационные основы обеспечения проведения экспертизы. Материал, проанализированный в рамках настоящего исследования, позволяет сформировать целостное представление об экспертизе, призванной обеспечить выбор перспективных мероприятий и проектов, требующих финансовой поддержки, для включения в государственные программы, региональные комплексы мероприятий. Результаты исследования могут быть использованы при совершенствовании правового регулирования экспертизы в Республике Беларусь.

Следует отметить, что понятие «экспертиза» (фр. *expertise*, лат. *expertus* опытный) достаточно распространено, широко применяется в отношении определенных видов и направлений деятельности, но не имеет единообразного толкования. В общем виде экспертизу определяют как изучение (исследование) специалистом (экспертом) или группой специалистов вопросов, правильное решение которых требует профессиональных исследований и специальных знаний в той или иной сфере [6, с. 1045].

Существуют различные критерии классификации экспертиз. Они могут быть классифицированы в зависимости от численности экспертов, которые их проводят (единоличные/комиссионные), по объему (основные/дополнительные), последовательности выполняемых действий (первоначальные/повторные), числу объектов (однообъектные/многообъектные), а также предметной области экспертизы [7, с. 29].

Одним из критериев, на основании которых осуществляют классификацию экспертиз, является предметная область. В данном исследовании будет уделено внимание экспертизе в сфере цифрового развития, которая регламентируется постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 4 ноября 2022 года № 757 «О мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 7 апреля 2022 года № 136», которым утверждено Положение об объектах экспертизы в сфере цифрового развития, порядке ее организации и проведения [8], а также постановлением Министерства связи и информатизации Республики Беларусь от 15 февраля 2023 года № 4 «О деятельности, связанной с организацией и проведением экспертизы» (постановление № 4) [9].

Понятие экспертизы является относительно новой правовой категорией. Поэтому правовая проблематика осуществления рассматриваемой экспертизы пока не нашла своей разработки в работах отечественных специалистов. Внимание ученых в большей степени сконцентрировано на иных видах экспертиз (экологической, судебной и др.). Так, например, Н. В. Мамитова в своем научном исследовании раскрывает некоторые аспекты осуществления цифровой экспертизы, под которой автор понимает «правовое средство, поддерживающее использование цифровых процессов посредством исследования специалистом (экспертом) круга вопросов, решение которых требует специальных познаний в области цифровых технологий для достижения социально полезных целей» [5, с. 29].

Рассматриваемая экспертиза представляет собой «деятельность, связанную с проведением исследований, в том числе научных, анализом и оценкой объектов экспертизы, подготовкой и оформлением в отношении этих объектов экспертных заключений» [8]. Экспертиза направлена на обеспечение повышения технических, технологических, функциональных характеристик проектов, мероприятий в сфере цифрового развития. Важно отметить, что, регламентируя особенности организации и проведения экспертизы, положение закрепляет основополагающие принципы ее осуществления: объективности, конфиденциальности, комплексности и единства, компетентности, высокотехнологичности. Так, в соответствии с принципом объективности гарантируется непредвзятость и независимость экспертов. Согласно принципу конфиденциальности, эксперт не вправе: раскрывать третьей стороне информацию, полученную при проведении экспертизы, за исключением случаев, предусмотренных законодательными актами; использовать конфиденциальную информацию в целях, не связанных с выполнением своих обязанностей в рамках проведения экспертизы. В свою очередь, принцип комплексности и единства означает, что экспертиза должна распространяться на все объекты экспертизы в сфере цифрового развития и проводиться на основе подходов

и критериев, применяемых при их анализе и оценке. Принцип компетентности подразумевает, что в качестве экспертов должны выступать квалифицированные лица, способные качественно провести экспертизу и подготовить по ее результатам достоверные, полные и обоснованные экспертные заключения. И в соответствии с принципом высокотехнологичности организация и проведение экспертизы осуществляются на основе широкого использования информационно-коммуникационных технологий и информационных ресурсов. Предусмотрено проведение обязательной, добровольной, повторной экспертизы [8].

В качестве объектов экспертизы определены цифровые или материальные носители, содержащие информацию и иные данные, необходимые для решения задач экспертизы:

- заявки на реализацию пилотных проектов и прилагаемые к ним документы (в отношении пилотных проектов в сфере цифрового развития);
- технические паспорта мероприятий (в отношении мероприятий в сфере цифрового развития);
- технические задания на создание государственных цифровых платформ и государственных информационных систем;
- предложения о внесении изменений в условия договоров государственной закупки при их исполнении в рамках реализации мероприятий.

При этом отметим, что в отношении заявки на реализацию пилотных проектов, технического паспорта мероприятий, предложений о внесении изменений в условия договоров государственной закупки экспертиза проводится в обязательном порядке (если иное не установлено законодательными актами). В отношении технических заданий на создание государственных цифровых платформ и государственных информационных систем экспертиза проводится по решению государственных органов, а также государственных организаций, хозяйственных обществ, в отношении которых Республика Беларусь либо административно-территориальная единица, обладая долями (акциями) в уставных фондах, может определять решения, принимаемые этими хозяйственными обществами, выступающими заказчиками мероприятий. В отношении же технических паспортов мероприятий, финансирование которых планируется не за счет средств республиканского и (или) местных бюджетов, экспертиза проводится на добровольной основе, если иное не установлено законодательными актами [8].

Значимая роль в экспертных правоотношениях принадлежит субъектам (участникам). Общее методологическое руководство, координацию организации и проведения экспертизы осуществляет Министерство связи и информатизации Республики Беларусь. Среди субъектов экспертизы можно выделить заказчиков экспертизы (юридическое лицо (индивидуальный предприниматель), которое представляет объект экспертизы), операторов экспертизы (Центр перспективных исследований в сфере цифрового развития ОАО «Гипросвязь», оказывающий услуги по организационно-техническому обеспечению экспертизы), а также субъектов, непосредственно осуществляющих экспертизу (эксперты). Предусмотрено, что в качестве эксперта может выступать лицо, имеющее опыт работы, квалификацию (для физических лиц) и компетенцию (для юридических лиц) по тематике (профилю) объекта экспертизы, осуществляющее в установленном порядке проведение экспертизы. При этом, проведение экспертизы осуществляется с привлечением специалистов только государственных органов и организаций, а также экспертов из числа представителей резидентов Парка высоких технологий. Важно учитывать, что в качестве эксперта не может выступать лицо, которое участвовало в разработке (подготовке, создании) объекта, представленного на экспертизу. Кроме того, не допускается совмещение в одном лице эксперта и организации (ее работника), осуществившей разработку (подготовку, создание) объекта экспертизы, или учредителя данной организации (его работника). Положение не только предусматривает полномочия каждого участника экспертизы, но и регламентирует их права и обязанности [8].

Экспертный процесс состоит из последовательных действий, которые можно объединить в этапы. Исходя из таких критериев, как совокупность действий, направленных на достижение определенной цели, можно выделить три этапа ее процедуры: подготовительный,

основной и заключительный. Проведение экспертизы осуществляется в течение 30 рабочих дней со дня поступления объекта экспертизы оператору экспертизы. В предусмотренных случаях (доработка объекта экспертизы заказчиком экспертизы при наличии замечаний и предложений экспертов; необходимость представления по запросу экспертов дополнительных материалов, касающихся объекта экспертизы; отказ эксперта от проведения экспертизы после заключения договора на проведение экспертизы в случаях, предусмотренных этим договором), вышеуказанный срок может быть продлен оператором экспертизы, но не более чем на 15 рабочих дней. Если объектом экспертизы выступает заявка на реализацию пилотного проекта и прилагаемых к нему документов, экспертиза проводится в срок, не превышающий 30 календарных дней со дня его поступления оператору экспертизы. К проведению экспертизы привлекается на договорной основе не менее двух экспертов, которые в течение 10 рабочих дней с момента заключения договора на проведение экспертизы осуществляют ее проведение [8]. Порядок взаимодействия участников деятельности, связанной с организацией и проведением экспертизы, в том числе требования к составу и оформлению документации, порядок ее направления определены инструкцией, утвержденной постановлением № 4 [9].

Заключительным итогом проведения экспертизы является подготовленное по установленной форме каждым экспертом экспертное заключение, которые оператор экспертизы в течение трех рабочих дней с даты поступления заключений представляет заказчику экспертизы и в Министерство связи и информатизации. Таким образом, последовательное осуществление экспертизы способствует нахождению и принятию взвешенных решений, удовлетворяющих участников отношений в сфере экспертизы, направленных на обеспечение принятия обоснованных решений, связанных с реализацией мероприятий и пилотных проектов в сфере цифрового развития. Одним из достоинств экспертизы является не только ее превентивный характер, дающий возможность проанализировать, оценить, доработать объект экспертизы, но и обязательный характер экспертизы в отношении ряда объектов.

Заключение. Экспертиза в сфере цифрового развития выделена в самостоятельный вид экспертизы вследствие специфики объекта и решаемых задач. Экспертиза является неотъемлемым правовым средством процесса цифрового развития экономики, направленным на обеспечение выбора перспективных мероприятий и проектов, требующих финансовой поддержки, для включения в государственные программы, региональные комплексы мероприятий и подтверждающим возможность их использования при внедрении в отрасли национальной экономики [10]. В структуре процесса цифрового развития экспертиза призвана сыграть важную роль, поскольку является основанием перехода объекта экспертизы к дальнейшей стадии его реализации.

В качестве признаков, отличающих экспертизу от иных смежных институтов, можно выделить особую цель — анализ и оценку объекта экспертизы на предмет возможности включения в государственные программы, региональные комплексы мероприятий в целях обеспечения внедрения передовых технологий в отрасли национальной экономики и сферы жизнедеятельности общества для обеспечения и сопровождения процессов цифрового развития, а также особый объект и субъектный состав.

С системной точки зрения экспертизу можно рассматривать как объект отношений, регулируемых правом; разновидность оценки определенного объекта, проводимого экспертом; юридический инструмент, применяемый в предусмотренных законодательством случаях, требующих специальных знаний.

В то же время, несмотря на начальный опыт функционирования экспертизы, уже можно выявить и обосновать направления совершенствования законодательства в данной сфере. Прежде всего требует уточнения определение экспертизы. Считаем целесообразным исключить из определения указание на то, что экспертиза — это деятельность, связанная с проведением научных исследований. Эксперт, который проводит экспертизу, не осуществ-

влияет научное исследование. На первый план при проведении экспертизы выходит эффективность и качество ее проведения, а основным фактором, оказывающим существенное влияние на результат экспертизы, является время, фактически затраченное экспертом на ее проведение. Эксперт же должен провести экспертизу в течение 10 рабочих дней с момента заключения договора на проведение экспертизы [7].

Для правовой регламентации экспертизы наиболее оптимальным представляется определение, отражающее ее сущность, которая заключается в познавательной деятельности эксперта в виде анализа и оценки объекта экспертизы.

Под экспертизой в сфере цифрового развития предлагаем понимать вид экспертной деятельности, заключающийся в анализе и оценке объекта экспертизы, проводимый экспертом на основе действующего законодательства с применением специальных знаний и опыта, а также подготовке обоснованного заключения в целях принятия решения о возможности (невозможности) реализации мероприятий и пилотных проектов в сфере цифрового развития.

Закрепление данного определения в законодательстве будет способствовать как более точному правовому восприятию заинтересованными субъектами, так и корректному правовому закреплению отдельных положений.

Список цитируемых источников

1. О Государственной программе «Цифровое развитие Беларуси» на 2021—2025 годы : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 2 февр. 2021 г., № 66 : с изм. и доп. от 28 дек. 2023 г. № 951 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.
2. *Василевич, Г. А.* Цифровизация права как средство повышения его эффективности / Г. А. Василевич // Конституционное и муниципальное право. — 2019. — № 8. — С. 32—35.
3. *Бондаренко, Н. Л.* Искусственный интеллект и его роль в обеспечении технологического и производственного суверенитета Республики Беларусь / Н. Л. Бондаренко, В. С. Каменков // Интеллектуальная собственность в Беларуси. — 2024. — № 4. — С. 8—16.
4. *Минько, Н. С.* Модельный закон «Об искусственном интеллекте»: цель, предмет правового регулирования / Н. С. Минько // Теоретико-прикладные перспективы правового обеспечения развития экономики : материалы Междунар. круглого стола, Минск, 24 окт. 2023 г. / БГУ ; редкол.: Н. Л. Бондаренко (гл. ред.), А. В. Гавриленко, Т. М. Халецкая. — Минск : БГУ, 2023. — С. 227—237.
5. *Мамитова, Н. В.* Цифровая экспертиза в системе оптимизации правового регулирования в Российской Федерации / Н. В. Мамитова // Юридическая техника. — 2022. — № 16 : материалы XXIII Междунар. науч.-практ. форума «Юртехнетика» на тему «Правотворческая экспертология (доктрина, практика, техника)» (Н. Новгород, 22—25 сент. 2021 г.) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. — Н. Новгород : ЮНИКОПИ, 2022. — 686 с.
6. *Тихомирова, Л. В.* Юридическая энциклопедия / Л. В. Тихомирова, М. Ю. Тихомиров. — Изд. 6-е, доп. и перераб. ; под ред. М. Ю. Тихомирова. — М. : Изд-во Тихомирова М. Ю., 2009. — 1088 с.
7. *Устинова, К. А.* Теоретико-методические основы экспертизы нормативно-правовых актов, регламентирующих научную, научно-техническую и инновационную деятельность / К. А. Устинова // Креативная экономика. — 2020. — Т. 14, № 12. — С. 3709—3730.
8. О мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 7 апреля 2022 года № 136 : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 4 нояб. 2022 г., № 757 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.
9. О деятельности, связанной с организацией и проведением экспертизы : постановление М-ва связи и информатизации Респ. Беларусь, 15 февр. 2023 г., № 4 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.
10. *Манкевич, И. П.* Некоторые аспекты правового сопровождения цифрового преобразования экономики / И. П. Манкевич // Право. Экономика. Социальное партнерство : сб. науч. тр. / Междунар. ун-т «МИТСО» ; редкол.: В. М. Поздняков (гл. ред.) [и др.]. — Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2024. — С. 328—332.

Поступила в редакцию 25.11.2024.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, цитат, цифровых данных, личных имён и другой информации несут авторы опубликованных материалов.

ПАМЯТКА ДЛЯ АВТОРОВ

Научная концепция журнала предполагает публикацию современных достижений в области исторических наук и археологии, экономических и юридических наук; представление результатов фундаментальных и прикладных исследований, а также результатов, полученных в производственных условиях областей, включая результаты национальных и международных исследований. Статьи аспирантов и докторантов последнего года обучения публикуются вне очереди при условии их полного соответствия требованиям, предъявляемым к научным изданиям Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований.

Публикация статей в журнале бесплатная.

Подробные правила для авторов представлены на официальном сайте БарГУ (<http://www.barsu.by/publishing/vestnik.php>).

INSTRUCTIONS FOR AUTHORS

The scientific strategy of the journal suggests publishing modern achievements in the field of history of science and archaeology, economic science and law; presentation of the results of fundamental and applied research, as well as the results obtained under production conditions, both at the domestic and international level. Articles by postgraduate and doctoral students in their final year of traineeship are published out of turn if they are written in strict conformity with the specified requirements of the scientific publications of the Republic of Belarus for publishing the results of dissertation research.

Publication of articles is free.

More detailed instructions for authors can be found on the official website of BarSU (<http://www.barsu.by/publishing/vestnik.php>).